Прошлое Тавриды.

ИМПЕРАТОРСКАЯ Археологическая Коммиссія.

Юліанъ Кулаковскій,

профессоръ ИМПЕРАТОРСКАГО Университета св. Владиміра, членъ сверхъ штата ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Коммиссіи.

(1855 - 1919)

Прошлое Тавриды.

КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

съ 3-мя картами, 7-ю рисунками на таблицахъ и 10-ю въ текстѣ.

Изданіе второе, пересмотрѣнное.

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ „С. В. КУЛЬЖЕНКО". КІЕВЪ.

1914.

Напечатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи.

Отъ автора.

Выпуская въ свѣтъ во второмъ изданіи свой краткій очеркъ прошлыхъ судебъ Тавриды, считаю своимъ долгомъ предварить моего будущаго читателя, что общая концепція и форма изложенія сохранены мною безъ перемѣнъ. Но такъ какъ со времени перваго изданія прошло около восьми лѣтъ, и за этотъ срокъ раскопки дали не мало новаго матеріала, то я старался поставить свой текстъ въ уровень современному научному знанію о прошломъ Тавриды и, не отступая отъ принятой краткой формы изложенія, кое въ чемъ дополнилъ его, а также кое въ чемъ исправилъ. При этомъ я воспользовался съ благодарностью указаніями, которыя сдѣлали мнѣ по моей просьбѣ такіе авторитетные знатоки крымской старины, какъ вице-президентъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей А. Л. Бертье-Делагардъ и товарищъ предсѣдателя Императорской Археологической Коммиссіи, академикъ В. В. Латышевъ.

Что касается иллюстрацій, помѣщенныхъ на таблицахъ, то къ прежнимъ шести прибавлена седьмая, воспроизводящая общій видъ Судака по фотографіи, принадлежащей Коммиссіи. Карты, приложенныя въ концѣ книги, остались въ прежнемъ числѣ трехъ. Рисунки, помѣщенные въ самомъ текстѣ, имѣли случайный характеръ и вставка ихъ имѣла цѣлью не столько служить иллюстраціей къ изложенію,—что было возможно лишь при огромномъ ихъ числѣ,—сколько для заполненія пустыхъ мѣстъ, оказавшихся на страницахъ въ концѣ

главъ. Такъ какъ текстъ кое-гдѣ разростался, то прежнія пустыя мѣста оказывались иногда заполненными; по той же причинѣ пустыя мѣста явились въ концѣ другихъ главъ, гдѣ я уже не могъ воспользоваться прежними рисунками. Такъ явились три новыхъ—видъ на Чуфутъ-кале изъ сосѣдней пещеры по фотографіи, имѣющейся въ продажѣ, видъ стѣны цитадели Мангупъ-кале по фотографіи, любезно предоставленной мнѣ по распоряженію Коммиссіи завѣдующимъ раскопками въ Херсонесѣ Р. Х. Леперомъ и видъ развалинъ церкви св. Троицы въ селеніи Лакахъ по акварели художника Красовскаго.

Печатаніе моего текста шло подъ наблюденіемъ товарища предсѣдателя Имп. Археологической Коммиссіи, В. В. Латышева, который не отказался взять на себя трудъ просматривать корректуру. Принося ему свою искреннюю признательность какъ за помощь, такъ и въ сомнительныхъ вопросахъ добрые, совѣты считаю также своимъ пріятнымъ долгомъ выразить глубокую благодарность Предсѣдателю Коммиссіи графу А. А. Бобринскому за любезное предоставленіе мнѣ возможности вторично выпустить въ свѣтъ мою работу въ серіи изданій Комиссіи и на ея счетъ.

Юліанъ Кулаковскій.

24 марта 1914 г.
Кіевъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Предлагаемый вниманію читателей очеркъ имѣетъ цѣлью представить въ связной формѣ сводъ важнѣйшихъ данныхъ по исторіи Крыма въ послѣдовательности событій отъ того далекаго начала, съ какого идутъ историческія свидѣтельства о жизни этой части нашего великаго отечества. Свѣтъ исторіи озарилъ этотъ край на цѣлое тысячелѣтіе раньше, чѣмъ забрежжили его первые лучи для древнѣйшихъ центровъ нашей государственности. Связь Крыма съ античнымъ міромъ и великой эллинской культурой составляетъ особенную прелесть исторіи этой земли и своимъ по-

слѣдствіемъ имѣетъ нахожденіе въ его почвѣ неисчерпаемыхъ археологическихъ богатствъ, разработка которыхъ является важной задачей русской науки. Научный интересъ къ древностямъ Крыма имѣетъ за собой уже цѣлое столѣтіе; онъ вызвалъ къ жизни наши музеи, обогатилъ ихъ великими и навсегда цѣнными сокровищами и сталъ родоначальникомъ археологической науки въ Россіи.

Если въ настоящее время археологія расширила свои горизонты и не ограничиваетъ своей задачи исканіемъ и изученіемъ изящныхъ проиведеній античной культуры, какъ было еще недавно, то тѣмъ не менѣе прелесть классическаго въ античномъ является мощнымъ факторомъ возбужденія археологическаго интереса, и Крымъ съ его древностями навсегда останется для насъ русскихъ самымъ привлекательнымъ и плѣнительнымъ уголкомъ въ кругозорѣ археолога и дилеттанта.

Археологическій интересъ нуждается въ рамкахъ историческаго знанія для того, чтобы быть жизненнымъ и плодотворнымъ. Желаніе притти въ этомъ отношеніи на помощь широкой публикѣ и вызвало составленіе этого обшаго очерка судебъ Тавриды. Очеркъ задуманъ и исполненъ не какъ изслѣдованіе, а какъ результатъ изслѣдованія. Въ немъ сопоставлены съ возможной краткостью достовѣрные и критически провѣренные факты въ исторической послѣдовательности эпохъ и преемства этническихъ и культурныхъ воздѣйствій на жизнь этой части Русскаго государства. Краткость была преднамѣренной и вызвана желаніемь, чтобы къ этому очерку подходило слово Цицерона: ad impellendum satis, ad edocendum parum. Въ примѣчаніяхъ, число которыхъ по возможности сокращено, даны указанія на источники, изъ которыхъ почерпнуты приводимые въ текстѣ факты и утвержденія. Въ „Приложеніи", заканчивающемъ книгу, читатель найдетъ общій обзоръ послѣдовательнаго хода научной разработки археологіи Крыма и заголовки важнѣйшихъ изданій въ этой области русской науки.

Къ очерку приложены три карты Чернаго моря. Первая исполнена мною по даннымъ географіи Птолемея, являющейся завершеніемъ ученой картографіи античнаго міра. На второй воспроизведенъ итальянскій портоланъ Бенинказы 1474 г. по рукописному подлиннику, хранящемуся въ библіотекѣ Университета св. Владиміра. На третьей представлено Черное море по точнымъ даннымъ современнаго географическаго знанія съ нанесеніемъ именъ, какія были извѣстны древнимъ писателямъ въ первые вѣка нашей эры. Эта карта воспроизводитъ въ нѣсколько уменьшенномъ масштабѣ карту, составленную В. В. Латышевымъ и прило-

женную имъ ко второму выпуску II-го тома его почтеннаго издания *Scythica et Caucasica*.

Иллюстраціи въ текстѣ имѣютъ случайный характеръ, и помѣщеніе ихъ вызвано желаніемъ оживить текстъ и заполнить пустыя мѣста на страницахъ. Рисунки, вставленные на отдѣльныхъ таблицахъ, имѣютъ сами по себѣ, кромѣ одного, историческое значеніе. Четыре изъ нихъ взяты изъ альбомовъ акварельныхъ рисунковъ художника Иванова, сопровождавшаго императрицу Екатерину Великую во время ея путешествія на югъ въ 1787 году для ознакомленія съ новыми пріобрѣтеніями Россійской державы. Одинъ рисунокъ взятъ изъ альбома художника Кюгельгена, котораго посылалъ въ Крымъ для срисовки достопримѣчательныхъ мѣстъ императоръ Александръ I въ первые годы своего царствованія въ связи съ возбужденіемъ ученаго интереса къ крымскимъ древностямъ. Альбомы Иванова и Кюгельгена хранятся въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ отдѣлѣ гравюръ и рисунковъ. Указаніемъ на этотъ драгоцѣнный матеріалъ я обязанъ Я. И. Смирнову, которому приношу за это мою сердечную признательность. Шестой рисунокъ воспроизводитъ современный видъ Гурзуфа съ остатками древней крѣпости на его скалахъ.

Императорская Археологическая Коммиссія оказала мнѣ любезное вниманіе, принявъ мой очеркъ въ серію своихъ изданій. Благодаря этому счастливому для меня обстоятельству, я имѣлъ возможность дать книжкѣ тотъ внѣшній видъ, въ какомъ она является на благосклонный судъ читателя, а въ то же время воспользоваться содѣйствіемъ и помощью такого авторитетнаго знатока древнихъ судебъ Крыма, какимъ является академикъ В. В. Латышевъ, товарища предсѣдателя Коммиссіи. Прочитывая въ качествѣ редактора изданій Коммиссіи корректурные листы моей работы, В. В. Латышевъ дѣлалъ цѣнныя указанія, которыми я могъ воспользоваться для улучшенія моего текста.

Своимъ пріятнымъ долгомъ считаю выразить здѣсь мою глубокую благодарность г. Предсѣдателю Коммиссіи графу А. А. Бобринскому за его сочувственное отношеніе къ моей работѣ, В. В. Латышеву и Б. В. Фармаковскому за содѣйствіе и помощь.

Ю. К.

25 мая 1906 г.
Кіевъ.

Прошлое Тавриды.

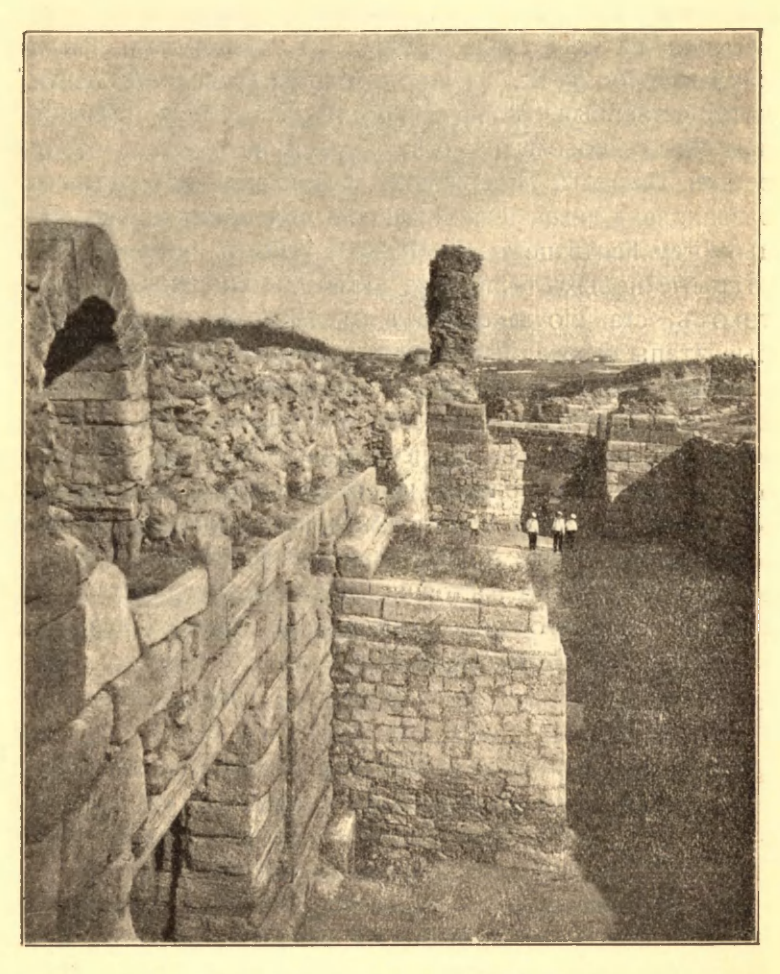
Сѣверное побережье Чернаго моря, являющееся со временъ Екатерины Великой неотъемлемою частью нашего русскаго отечества, начало свою историческую жизнь за много вѣковъ до Р. Х. Отважные греческіе мореходы заходили, въ цѣляхъ торговаго обмѣна, въ далекое отъ ихъ родины сѣверное море еще въ ту пору жизни греческаго племени, когда процвѣтало эпическое народное творчество, обращавшее отдѣльныя событія въ богатые поэтическими красками сказанія и миѳы. Древнѣйшія сношенія съ кавказскимъ побережьемъ воплотились въ образѣ богатыря Язона. Снаряженная Язономъ экспедиція героевъ въ Колхиду совершилась на чудесномъ кораблѣ Арго; она имѣла цѣлью похитить оттуда золотое руно, которое стерегъ свирѣпый драконъ. Это дерзкое предпріятіе не могло бы удаться, если бы красота Язона не привлекла къ нему вниманія дочери мѣстнаго царя, волшебницы Медеи, которая пожертвовала своимъ роднымъ братомъ ради заѣзжаго изъ далекой чужой стороны героя. Греческая народная фантазія богато разукрасила это сказаніе и превратила его въ цѣлый циклъ миѳовъ, послужившій впослѣдствіи матеріаломъ, который разрабатывали въ своихъ твореніяхъ греческіе трагики. Имя народа, въ которомъ Греки позднѣе признавали древнѣйшее населеніе юга нынѣшней Россіи, Киммерійцы, извѣстно уже Гомеру: онъ даетъ его людямъ, живущимъ на самомъ краю земли, въ вѣчномъ мракѣ, вблизи отъ Аида, обители мертвыхъ. Разсказы о дикомъ обычаѣ

Тавровъ, народа, имя котораго сохранилось въ названіи Крымскаго полуострова и губерніи, въ предѣлы которой онъ нынѣ входитъ, приносить въ жертву своей кровожадной богинѣ-Дѣвѣ чужеземцевъ, имѣвшихъ несчастье попасть въ ихъ страну, проникли въ легенды троянскаго цикла. Дочь царя Агамемнона, Ифигенія, обреченная стать жертвой за благополучный выходъ греческаго флота изъ Авлиды, оказалась жрицей этой грозной богини и спасла отъ смерти своего брата Ореста и его вѣрнаго друга Пилада.

Въ ту пору, когда аѳинскіе граждане стекались смотрѣть трагедіи, въ которыхъ выступали Медея, Ифигенія, Орестъ, давно уже была разоблачена тайна далекаго „Негостепріимнаго" моря: оно носило имя Евксинскаго (т. е. гостепріимнаго) Понта, съ сѣвернымъ его побережьемъ шелъ живой торговый обмѣнъ, Аттика получала отъ урожаевъ Крымскаго полуострова половину хлѣба, нужнаго ей для прокормленія своего многочисленнаго населенія, а на улицахъ Аѳинъ охраняла порядокъ команда наемныхъ Скиѳовъ. Греческіе города усѣяли побережья Понта и, совершая великую культурную миссію въ средѣ варваровъ, пріобщали ихъ къ греческому языку и греческой культурѣ. Прочно установившійся къ тому времени торговый обмѣнъ съ Аѳинами и другими городами оставилъ намъ богатое наслѣдіе: оно скрыто было въ нѣдрахъ земли, въ могилахъ и величавыхъ курганахъ, и, выходя на свѣтъ въ раскопкахъ, обогащаетъ наши музеи дивными произведеніями греческаго искусства.

Когда эллинская культура вошла въ міровое государственное единство, утвержденное Римомъ, эти далекія окраины пріобщились къ новой формѣ политическаго строя, и римскій императоръ сталъ верховнымъ владыкой на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря. Великое передвиженіе народовъ, начавшееся въ III вѣкѣ нашей эры, тяжко отразилось на судьбѣ греческаго культурнаго населенія этихъ мѣстъ, но это населеніе не было погло-

щено варварами и въ теченіе ряда вѣковъ служило посредникомъ между ними и Византіей. Торговыя связи Черноморскаго побережья съ дальнимъ Востокомъ, завязавшіяся еще въ древнія времена, сохранялись въ силѣ, несмотря на всѣ этническія смѣны въ степяхъ средней Азіи и южной Россіи. Въ пору политическаго упадка Византіи могущественныя итальянскія республики, Генуя и Венеція, привели къ новому разцвѣту культурную жизнь на берегахъ Тавриды. Утвержденіе турецкаго господства на развалинахъ византійской имперіи положило конецъ владычеству Генуэзцевъ на Черноморскомъ побережьѣ, а открытіе новыхъ торговыхъ путей для сношеній съ Востокомъ оставило въ сторонѣ отъ міровaго оборота старые этапы караванныхъ дорогъ, какими были устье Дона, Боспоръ, Херсонесъ. Греческое населеніе, уцѣлѣвшее въ Тавридѣ, сохраняло связь съ культурнымъ міромъ въ своемъ православномъ исповѣданіи, которое оно удержало даже и въ тѣ времена, когда утратило свой языкъ и усвоило татарскій. Съ старыми христіанскими святынями и татарскимъ языкомъ, подъ названіемъ Грековъ, оно покинуло Крымъ, по настоянію русской государственной власти, незадолго до окончательнаго присоединенія его къ Россійской Державѣ.

Стѣны Херсонеса въ 1905 году.

I.

Начало греческихъ поселенiй на Черноморскомъ побережьѣ. Геродотъ и его свѣдѣнiя о Скиѳiи и населяющихъ ее народахъ. Страбонъ и данныя его Географiи. Птолемей и его карта.

Еще въ VIII вѣкѣ до Р. Х. началось прочное знакомство Грековъ съ далекимъ отъ ихъ родины Черноморскимъ побережьемъ. Греческая колонизацiя направилась могучей волной въ двухъ направленiяхъ: на западѣ она сдѣлала греческой страной островъ Сицилiю и южное побережье Италiи, на сѣверо-востокѣ проникла на берега Чернаго моря. Малоазiатскiй городъ Милетъ былъ центромъ, оттуда шло колонизашонное движенiе на сѣверо-востокъ. Около 785 г. до Р. Х. утвердились милетцы на южномъ берегу Чернаго моря и основали городъ Синопу; около того же времени возникъ въ Пропонтидѣ (Мраморное море) городъ Кизикъ. А въ теченiе VII вѣка милетцы стали уже твердой ногой на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря. Въ дельтѣ Дуная явился городъ Исгръ, на правомъ берегу Днѣстровскаго лимана—Тира (на мѣстѣ нынѣшняго Аккермана), на правомъ же берегу Бугскаго лимана, въ нѣсколькихъ верстахъ къ сѣверу отъ слiянiя съ нимъ Днѣпровскаго лимана,—Ольвiя (близъ нынѣшняго села Парутина), на проливѣ, соединяющемъ Черное море съ Азовскимъ,—Пантикапей (нынѣ Керчь). Изъ этого послѣдняго пункта греки проникли въ Азовское море, которому они дали имя „Мэотiйскаго озера“ отъ имени народа Мэотовъ, и завладѣли устьемъ рѣки Танаида Дона). На нынѣшнемъ Таманскомъ полуостровѣ возникъ городъ Фанагорiя, а на кавказскомъ побережьѣ,

въ устьѣ рѣки Фасида (Ріонъ), явилось поселеніе, одноименное рѣкѣ, и выше къ сѣверу—Діоскуріада (близъ нынѣшняго Сухума). Кромѣ этихъ главныхъ центровъ, съ теченіемъ времени явилось много другихъ поселеній.

Изъ тѣхъ трехъ племенъ, на которыя дѣлилась греческая нація, преимущественная роль въ дѣлѣ колонизаціи береговъ Чернаго моря принадлежала іонянамъ. Не остались, однако, совсѣмъ въ сторонѣ отъ этого великаго культурнаго дѣла и доряне. Они основали на южномъ побережьѣ Чернаго моря городъ Гераклею, а отсюда, вѣроятно въ началѣ IV вѣка, часть гражданъ выселилась на территорію Тавриды. Такъ былъ основанъ Херсонесъ, вблизи развалинъ котораго возникъ, столѣтіе тому назадъ, нашъ русскій Севастополь.

Историческое преданіе не сохранило намъ точныхъ датъ возникновенія отдѣльныхъ городовъ. Изъ сравнительно поздняго времени имѣемъ мы полную карту тѣхъ мѣстъ и отчеты мореходовъ о взаимныхъ разстояніяхъ отдѣльныхъ пунктовъ. На картѣ Птолемея, географа середины II вѣка по Р. Х., берега Чернаго моря предстаютъ охваченные кольцомъ греческихъ поселеній. Это было такъ уже въ V вѣкѣ до Р. Х., во время разцвѣта морской силы Аѳинъ. Периклъ организовалъ большую морскую экспедицію въ Черное море въ 444 году съ цѣлью вызвать присоединеніе къ делосскому союзу тамошнихъ городовъ. Неизвѣстно, въ какой мѣрѣ удалось ему достигнуть этой цѣли; но несомнѣнно, что городъ Нимфей, расположенный невдалекѣ отъ Пантикапея (нынѣ урочище Эльтыгень), принадлежалъ впослѣдствіи къ союзу и платилъ ежегодно одинъ талантъ дани аѳинянамъ. Весьма возможно, что къ союзу привлечены были и другіе города; во всякомъ случаѣ съ тѣхъ поръ упрочились торговыя связи Аѳинъ съ сѣвернымъ побережьемъ Чернаго моря, и для аѳинскаго производства если не впервые открылся, то во всякомъ случаѣ упрочился обширный и богатый рынокъ. О томъ свидѣтельствуютъ

великолѣпныя аѳинскія вазы и золотыя издѣлія самыхъ изящныхъ типовъ и самой тонкой работы, находимыя въ гробницахъ Ольвіи, Херсонеса, Пантикапея, Фанагоріи. Среди этихъ находокъ есть очень много предметовъ, пріурочиваемыхъ именно къ V вѣку.

Къ тому же V вѣку относится посѣщеніе Геродотомъ одного изъ греческихъ городовъ далекаго сѣвера, Ольвіи. Геродотъ воспользовался своимъ здѣсь пребываніемъ, чтобы собрать интересныя свѣдѣнія о природѣ страны и ея населеніи. Согласно общей цѣли своего труда, онъ очень мало сообщаетъ намъ о Грекахъ тѣхъ мѣстъ; быть можетъ, также и потому, что его современники имѣли о нихъ достаточно свѣдѣній. Скиѳію онъ ввелъ въ трудъ по мотивамъ историческимъ, а именно: онъ желалъ точнѣе обставить и обосновать свой разсказъ о походѣ Дарія на скиѳовъ. Общія географическія представленія, которыя составилъ себѣ Геродотъ о Скиѳіи, настолько погрѣшаютъ противъ истины, что его карту Скиѳіи можно лишь очень приблизительно пригнать къ подлиннымъ даннымъ, какъ знаемъ ихъ теперь мы. Онъ представляетъ себѣ эту страну въ видѣ четырехугольника, который омывается съ юга и востока моремъ. Отъ Истра (Дуная) до Танаида (Дона) Геродотъ считалъ 20 дней пути, при чемъ Борисѳенъ (Днѣпръ) приходится у него какъ разъ по срединѣ этого пространства. Считая дневной путь въ 200 стадій, онъ опредѣлялъ общее протяженіе поперечной линіи черезъ Скиѳію въ 4 тысячи стадій (т. е. около 710 километровъ) и давалъ такое же протяженіе Скиѳіи въ глубь материка. Изъ этого четырехугольника выступаетъ въ море гористый полуостровъ Таврика. Тавры представляютъ особый отъ Скиѳовъ народъ, ославленный за свои дикіе нравы. Азовское море Геродотъ знаетъ подъ именемъ Мэотійскаго озера, которое Киммерійскій Боспоръ соединяетъ съ Понтомъ. Черезъ Скиѳію текутъ восемь рѣкъ. Двѣ изъ нихъ, Истръ и Танаидъ, пограничныя,

Посрединѣ течетъ Борисѳенъ, наибольшая рѣка послѣ Истра. Между Истромъ и Борисѳеномъ текутъ Тира (Днѣстръ) и Ипанидъ (Бугъ), а восточнѣе Борисѳена впадаетъ въ море Ипакирій (Дунгузлавское озеро[1]). Двѣ остальныя рѣки являются притоками: Борисѳена—Пантикапъ и Ипакирія—Герръ. Изъ греческихъ городовъ въ предѣлахъ Скиѳіи Геродотъ имѣлъ случай назвать всего три: Тиру, Ольвію и Кремны (послѣдній на западномъ берегу Мэотиды).

Изъ народовъ, населявшихъ Скиѳію, Геродотъ остановился съ наибольшей подробностью на господствуюшемъ и наиболѣе многочисленномъ—Скиѳахъ. Такимъ именемъ звали ихъ Греки, а сами себя Скиѳы звали Сколотами. На востокъ отъ Танаида, за предѣлами Скиѳіи, жили Савроматы или Сарматы—родственное Скиѳамъ племя, происшедшее, по сказанію, записанному Геродотомъ, отъ смѣшенія Скиѳовъ съ Амазонками. Къ сѣверу отъ Скиѳіи по свѣдѣніямъ Геродота жили разные народы: Агаѳирсы, Андрофаги, Будины, Невры и др. Онъ могъ собрать о нихъ не мало свѣдѣній отъ Ольвіополитовъ, но больше всего узналъ онъ о ближайшемъ и господствующемъ народѣ, Скиѳахъ.

Матеріалъ Геродота получилъ впослѣдствіи каноническое значеніе и служилъ основой всѣхъ дальнѣйшихъ трудовъ древнихъ географовъ; его воспроизводили и тогда, когда этническая карта страны измѣнилась на глазахъ исторіи, и была полная возможность знать многое лучше и точнѣе, чѣмъ могъ знать въ свое время Геродотъ Не входя здѣсь ни въ какія подробности, отмѣтимъ одинъ фактъ общаго значенія, установленный въ настоящее время ученымъ изслѣдованіемъ съ достаточной опредѣленностью, а именно: господство въ припонтійскихъ

[1]) Не Каланчакъ, какъ я писалъ (съ знакомъ вопроса) въ первомъ изданіи. Ср. *Романченко,* Раскопки въ окрестностяхъ Евпаторіи. *Извѣстія Имп. Археолог. Комм.,* вып. 25, стр. 187.

степяхъ принадлежало кочевому народу арійскаго корня, и въ частности—иранской группы. Съ нимъ вступили Греки въ непосредственныя сношенія, ихъ они эллинизовали, и уже во время Геродота были метисы: племя Каллипидовъ онъ называетъ „Эллины - Скиѳы". Въ болѣе позднѣе время мы встрѣчаемъ терминъ „Миксэллины", т. е. смѣшанные Эллины.

Географическое знаніе Грековъ о далекихъ окраинныхъ земляхъ расширялось вмѣстѣ съ упроченіемъ торговыхъ сношеній и ростомъ торговаго оборота античнаго міра. Творческій геній Грековъ создалъ науку о землѣ, какъ части вселенной; проблемы о видѣ, размѣрахъ земного шара и опредѣленія отдѣльныхъ на немъ пунктовъ рѣшались на основаніи данныхъ астрономіи. На ряду съ этой математической наукой, которая получила названіе географіи, явилась и другая, описательная: хорографія; ее понимали, какъ сопоставленіе свѣдѣній объ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, ихъ природѣ, климатѣ, населеніи, его нравахъ и бытѣ. Наиболѣе виднымъ представителемъ науки о землѣ въ этомъ второмъ смыслѣ является изъ дошедшихъ до насъ писателей древности Страбонъ, издавшій свой трудъ въ 18 году по Р. Х., т. е. уже въ такое время, когда міродержавное римское государство объединяло подъ своей властью все побережье Средиземнаго моря и создало новыя, болѣе широкія и свободныя формы международнаго общенія и оборота.

Побережье Чернаго моря въ „Географіи" Страбона предстаетъ въ очень опредѣленныхъ, ясныхъ и отчетливыхъ чертахъ, и эта опредѣленность и точность является сама по себѣ свидѣтельствомъ существованія въ ту пору живыхъ и напряженныхъ торговыхъ сношеній между культурными центрами юга и той окраины. Взаимныя разстоянія отдѣльныхъ пунктовъ побережья Страбонъ приводитъ въ числѣ стадій [1]).

---

[1]) Одинъ стадій равенъ 177 метрамъ.

Сѣверное устье Истра (Дуная) находится въ разстояніи 900 стадій отъ устья рѣки Тиры (Днѣстра). У выхода этой рѣки въ море находится башня Неоптолема и поселеніе Ермонакта. Вверхъ по рѣкѣ, въ 140 стадіяхъ отъ устья, лежатъ города Никонія на правомъ берегу и Офіуса—на лѣвомъ. Въ разстояніи 500 стадій отъ устья лежитъ въ морѣ островъ Бѣлый, посвященный Ахиллу.

Слѣдующая рѣка къ востоку—Борисѳенъ и по близости отъ нея другая—Ипанидъ (Бугъ). Въ 200 стадіяхъ вверхъ отъ устья по Борисѳену лежитъ городъ Ольвія. Предъ устьемъ Борисѳена находится островъ и къ востоку отъ него тянется большая коса, носящая имя „Ахилловъ Бѣгъ". На восточномъ концѣ она заканчивается мысомъ Тамиракою, близъ котораго есть пристань. Берегъ моря поворачиваетъ здѣсь къ сѣверу, образуя большой заливъ, который называется Каркинитскимъ, а также Тамиракскимъ. Восточный берегъ этого залива омываетъ Таврическій полуостровъ; этотъ послѣдній соединенъ съ материкомъ узкимъ перешейкомъ, который омывается съ востока Гнилымъ озеромъ, составляющимъ западную часть огромнаго морского бассейна Мэотиды.

На южномъ берегу Таврическаго полуострова лежитъ городъ Херсонесъ, отстоящій отъ устья Тиры на 4.400 стадій. За нимъ далѣе къ востоку лежитъ бухта съ узкимъ входомъ, которая называется гаванью Символовъ. Между этой бухтой и Херсонесомъ, въ равномъ разстояніи отъ обоихъ, лежитъ поселеніе и гавань Ктенунтъ. Отъ бухты Символовъ къ востоку до Ѳеодосіи побережье называется Таврическимъ; оно имѣетъ протяженіе ок. 1.000 стадій. Изъ него выдается далеко къ югу мысъ, называемый „Бараній лобъ", который приходится напротивъ Пафлагонскаго мыса Карамбія. Выступы этихъ мысовъ какъ бы раздѣляютъ Евксинскій Понтъ на двѣ половины. Тамъ, гдѣ въ Таврическомъ побережьѣ заканчивается горная область, лежитъ городъ Ѳеодосія съ пре-

красной и весьма обширной гаванью, а въ 350 стадіяхъ оттуда—Пантикапей. Городъ этотъ расположенъ на холмѣ, заселенномъ со всѣхъ сторонъ, и имѣетъ въ окружности 20 стадій. Гавань и доки, приблизительно для 20 кораблей, находятся съ восточной стороны города.

На западной сторонѣ пролива, посредствомъ котораго Мэотида соединяется съ Евксинскимъ Понтомъ, лежитъ городъ Мирмикій въ 20 стадіяхъ отъ Пантикапея, а въ 40 стадіяхъ оттуда—поселеніе Парѳеній. Здѣсь наиболѣе узкое мѣсто пролива, ок. 20 стадій. Напротивъ Парѳенія на восточномъ берегу пролива лежитъ селеніе Ахиллей. Отъ этого мѣста до устья рѣки Танаида, гдѣ лежитъ одноименный рѣкѣ городъ, по прямому морскому пути 2.200 стадій, если же плыть по лѣвому (западному) берегу Мэотиды, то разстояніе это болѣе чѣмъ втрое. Противъ устья Танаида лежитъ островъ Алопекія.

Въ 20 стадіяхъ отъ Ахиллея находится большой курганъ, насыпанный надъ могилой боспорскаго царя Сатира, и поблизости отъ него селеніе Патраэй. Въ 130 стадіяхъ оттуда расположено селеніе Корокондама; подлѣ него разстилается большое озеро, въ которое впадаетъ одинъ изъ рукавовъ рѣки Ипанида (н. Кубань). На берегахъ озера лежитъ городъ Фанагорія, затѣмъ: Кепы, Ермонасса и святилище Апатуръ. Мѣстность къ югу по берегу моря называется Синдикою отъ имени народа Синдовъ. Въ ихъ области лежатъ портовые города: Синдика и Горгиппія (Анапа). За Синдами къ югу въ побережной полосѣ, гористой и не имѣющей гаваней, живутъ племена Ахеи, Зихи и Эніохи, которые занимаются морскимъ разбоемъ. Общее имя для всѣхъ племенъ отъ Синдовъ на югѣ и до рѣки Танаида—Мэоты. Сюда принадлежатъ, кромѣ Синдовъ: Дандаріи, Тореаты, Обидіакены, Ситтакены, Доски, а также Аспургіаны (между Горгипшей и Фанагоріей).

Таковы свѣдѣнія о сѣверномъ побережьѣ Евксинскаго Понта, какими располагалъ Страбонъ Въ болѣе

позднюю пору они стали еще точнѣе и опредѣленнѣе, какъ это видно изъ дошедшихъ до насъ „Перипловъ“, т. е. объѣздовъ моря, морскихъ дорожниковъ. Во второй половинѣ II вѣка ученый математикъ Птолемей закрѣпилъ на картѣ съ градусной сѣткой весь имѣвшійся въ ту пору въ наличности матеріалъ географическаго знанія о всѣхъ земляхъ и странахъ вселенной.

Несовершенство матеріала, какимъ располагалъ Птолемей, а также и общіе недочеты его пріемовъ опредѣленія долготы и широты отдѣльныхъ пунктовъ дѣлаютъ его карту весьма далекой отъ той точности, какая возможна въ настоящее время. Такъ какъ наименьшая величина, съ какой оперировалъ Птолемей, одна двѣнадцатая градуса, т. е. 5 минутъ, то локализація отдѣльныхъ городовъ не рѣдко ведетъ къ искаженію дѣйствительныхъ отношеній [1]). Но во всякомъ случаѣ Евксинскій Понтъ на его картѣ предстаетъ предъ нами въ очертаніяхъ весьма близкихъ къ дѣйствительности. Отсылая нашего читателя къ таблицѣ № 1, мы не станемъ перечислять городовъ и селеній, которые занесъ Птолемей на свою карту.

---

[1]) Общая характеристика географіи Птолемея дана мною въ изданіи „Карта Европейской Сарматіи по Птолемею“. Кіевъ 1899.

II.

Пантикапей. Боспорское царство. Спартокиды. Сношенія Боспора съ Аѳинами.

Возникая, какъ торговыя факторіи, греческія поселенія при благопріятныхъ обстоятельствахъ превращались въ города и организовались въ своемъ внутреннемъ строѣ по тому типу, въ какой вообще укладывалась политическая жизнь грековъ, т. е. типу городской республики. Въ зависимости отъ различныхъ географическихъ и этническихъ условій, отдѣльные города имѣли различную судьбу; различна была и степень того воздѣйствія, какое оказывали они на сосѣднее варварское населеніе. Нѣкоторые изъ нихъ стали пунктами, въ которыхъ заканчивались возникавшіе подъ ихъ вліяніемъ торговые пути. Монетныя находки выдаютъ намъ слѣды существовавшаго нѣкогда торговаго обмѣна, и эти слѣды ведутъ насъ иногда очень далеко: такъ, изъ Ольвіи до Волыни и дальше. Мѣстности нынѣшнихъ Кіевской, Полтавской и Харьковской губерній состояли, несомнѣнно, въ торговыхъ сношеніяхъ съ побережьемъ Понта. Долгіе вѣка длилось это культурное воздѣйствіе Грековъ на народы сѣвера. Но греческіе историки мало интересовались судьбами своихъ далекихъ родичей, и въ ихъ произведеніяхъ мы лишь изрѣдка встрѣчаемъ упоминанія объ отдѣльныхъ фактахъ изъ исторіи колонистовъ черноморскаго побережья. Гораздо богаче свидѣтельства, которыя даютъ вещественные памятники и надписи, извлекаемые изъ нѣдръ земли на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда процвѣтали греческіе города нашего юга;

но и этотъ матеріалъ имѣетъ характеръ обрывочный и распредѣляется крайне неравномѣрно между отдѣльными мѣстностями. Болѣе или менѣе связную внѣшнюю исторію можно дать только для одного изъ всѣхъ этихъ городовъ, Пантикапея; крупные историческіе факты имѣемъ мы изъ разныхъ эпохъ также для Херсонеса и Ольвіи. Всѣ остальные города не имѣютъ исторіи, хотя и были ея творцами, являясь очагами и источниками культуры.

Въ ряду колоній черноморскаго побережья Пантикапей въ своихъ судьбахъ выдѣляется прежде всего тѣмъ, что онъ не остался городомъ, какъ другія, а превратился въ центръ значительнаго политическаго цѣлаго. Начало этого процесса остается отъ насъ сокрытымъ; но очевидно, что этотъ иной ходъ исторіи Пантикапея стоитъ въ связи съ тѣмъ, что верховная власть организовалась здѣсь на иныхъ началахъ. Уже въ половинѣ V вѣка отмѣчено въ нашемъ историческомъ преданіи правленіе въ теченіе 42 лѣтъ одного греческаго рода, Археанактидовъ. Въ 438 году его смѣнила другая династія, уже варварскаго происхожденія (вѣроятно ѳракійскаго),— Спартокиды. Первый представитель ея правилъ пять лѣтъ. Ему наслѣдовалъ сынъ его Сатиръ I—отъ 432 до 388 и внукъ Левконъ I—отъ 388 до 347. Власть перешла затѣмъ къ сыновьямъ Левкона, Спартоку II и Пэрисаду I, а по смерти перваго изъ нихъ, въ 344 году, Пэрисадъ правилъ одинъ до 309 года. Затѣмъ послѣдовали междусобія между его сыновьями, закончившіяся воцареніемъ Евмела, правившаго пять лѣтъ. Ему наслѣдовалъ сынъ его Спартокъ III—до 284 года, передавшій власть сыну своему Пэрисаду II. Хронологія дальнѣйшихъ представителей этой династіи не столь ясна, а послѣдовательность была, вѣроятно, такова: Спартокъ IV, Левконъ II, Спартокъ V, Пэрисадъ III (въ половинѣ II вѣка), Пэрисадъ IV, а можетъ быть также и Пэрисадъ V. Династія закончилась низверженіемъ и смертью Пэрисада въ 114 г. до Р. Х.

При первыхъ правителяхъ изъ этой династіи Пантикапей расширилъ свое значеніе и превратился изъ города въ царство. Расширеніе предѣловъ власти пантикапейскихъ правителей совершилось путемъ подчиненія самостоятельныхъ дотолѣ греческихъ городовъ, а также покоренія сосѣднихъ варварскихъ народовъ. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Пантикапеемъ лежалъ городъ Нимфей. Въ концѣ V вѣка онъ принадлежалъ къ делосскому союзу и находился во власти Аѳинъ. Комендантъ Нимфея, аѳинянинъ Гилонъ, передалъ городъ Сатиру I и былъ вознагражденъ за это предоставленіемъ ему во владѣніе греческаго города на восточномъ берегу пролива, Кеповъ [1]). Завладѣвъ Нимфеемъ, Сатиръ обратилъ свои замыслы на Ѳеодосію; но ему не удалось овладѣть этимъ городомъ: онъ умеръ во время его осады. Сынъ и преемникъ Сатира, Левконъ I, утвердилъ свою власть въ Ѳеодосіи, какъ видно изъ его титула на одной надписи: „архонтъ Боспора и Ѳеодосіи". Туземнымъ населеніемъ къ западу отъ Пантикапея были Скиѳы. Они признавали надъ собой власть правителей Пантикапея и помогали Сатиру въ осадѣ Ѳеодосіи, но время отъ времени приходилось поддерживать эту власть силой, какъ то было при Пэрисадѣ I.

На восточномъ берегу пролива ближайшіе къ Пантикапею греческіе города были: Кепы, Ермонасса и Фанагорія. Первый принадлежалъ уже Сатиру I, какъ видно изъ упомянутаго выше эпизода о Гилонѣ, а Фанагорія, повидимому, сохраняла свою самостоятельность, такъ какъ чеканила свою монету до I в. до Р. Х., и, быть можетъ, только уже при Митридатѣ VI вполнѣ объединилась съ царствомъ. Имена варварскихъ народовъ, признававшихъ надъ собою власть Пантикапея, даны въ одной надписи изъ временъ Левкона I, гдѣ онъ названъ „архонтомъ Боспора и Ѳеодосіи и царемъ Синдовъ,

[1]) Aeschin. III, 171.

Торетовъ, Дандаріевъ и Псессовъ" [1]). Пэрисадъ называетъ себя „архонтомъ Боспора и Ѳеодосіи и царемъ Синдовъ и всѣхъ Мэотовъ" [2]). Восточная граница царства во время Пэрисада I на одной надписи опредѣляется, какъ „граница Кавказской земли" [3]). Какой территоріи соотвѣтствуютъ на нынѣшней картѣ земли народовъ, покоренныхъ Спартокидами, объ этомъ трудно высказаться съ увѣренностью; но во всякомъ случаѣ она захватываетъ область нижняго теченія Кубани, нынѣшній г. Анапу и часть побережья Азовскаго моря. О царѣ Евмелѣ (309—304) извѣстно, что онъ обратилъ свое оружіе на побережное населеніе къ югу отъ нынѣшней Анапы, на племена Ахеевъ и Энюховъ, и, покоривъ ихъ, очистилъ море отъ морскихъ разбойниковъ [4]). Общимъ обозначеніемъ для той территоріи, на которую простиралась власть правителей Пантикапея, служило имя Боспоръ, которое иногда примѣнялось и для обозначенія самого города, служившаго центромъ державы Спартокидовъ.

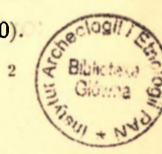
Превратившись изъ города въ царство, Боспоръ являлся значительной политической силой и велъ крупную торговлю продуктами тѣхъ странъ. На первомъ мѣстѣ стояли хлѣбъ и рыба, далѣе—лѣсъ, мѣха, кожи, шерсть и т. под. сырые продукты. Малоплодородная Аттика съ своимъ густымъ и предпріимчивымъ населеніемъ нуждалась въ хлѣбѣ, и еще въ V вѣкѣ Боспоръ явился для нея экспортнымъ рынкомъ. Еще Сатиръ и Левконъ оказывали особенное покровительство аѳинскимъ купцамъ и предоставили имъ значительныя привилегіи: хлѣбъ отпускался имъ безпошлинно, и аѳинскіе корабли имѣли право грузиться первыми. Аттика получала съ Боспора половину нужнаго ей хлѣба, что составляло 400 тысячъ медимновъ (ок. 200.000 гектолитровъ). Боспоръ располагалъ огромными запасами хлѣба: однажды царь Левконъ, во время дороговизны, выслалъ

[1]) *I. P. E.* II, 6. [2]) ib. 10; 11. [3]) ib. 9. [4]) *Diod. Sic.* 20, 25.

аѳинянамъ изъ Ѳеодосіи 2.100.000 медимновъ, такъ что за удовлетвореніемъ всѣхъ своихъ нуждъ аѳиняне выручили отъ продажи избытка 15 талантовъ серебра. Значительность хлѣбнаго экспорта изъ Боспорскаго царства заставляетъ предположить, что подчиненное варварское населеніе занималось земледѣліемъ, обратившись къ нему подъ культурнымъ воздѣйствіемъ греческихъ колонистовъ. Въ обмѣнъ за сырые продукты Аѳиняне доставляли на Боспоръ вино, масло, предметы убранства и роскоши. Археологическія находки въ керченскихъ гробницахъ обогатили и продолжаютъ обогащать наши музеи и частныя коллекціи огромнымъ множествомъ расписныхъ вазъ аѳинской работы, начиная съ VI и до IV вѣка, т. е. до того времени, когда съ оскудѣніемъ Аѳинъ и, вѣроятно, съ перемѣной направленія ремесленнаго искусства прекратилось это производство. На ряду съ вазами тѣ же гробницы дали множество изящныхъ произведеній изъ драгоцѣнныхъ металловъ; многія изъ нихъ сработаны для спешальнаго сбыта на этотъ рынокъ и обличаютъ въ своихъ сюжетахъ знакомство мастеровъ съ бытомъ туземнаго населенія (напр., изображенія Скиѳовъ на Куль-обской и Чертомлыцкой вазахъ).

Аѳиняне съ своей стороны оказывали высшее вниманіе боспорскимъ царямъ: они присуждали имъ отъ имени государства почетное гражданство и проводили въ ихъ честь въ народныхъ собраніяхъ почетные декреты съ предоставленіемъ высшихъ отличій, каковыми являлись постановка статуи чествуемаго лица и присужденіе ему золотого вѣнца, который подносили отъ его имени богинѣ Аѳинѣ на праздникѣ великихъ Панаѳиней или Діонисій. Текстъ одного изъ такихъ декретовъ дошелъ до насъ на мраморной плитѣ, найденной въ Пиреѣ въ 70-хъ годахъ истекшаго столѣтія [1]). Поводомъ къ декрету послужило посольство, прибывшее въ Аѳины

[1]) *C. I. Att.* IV 2, 109 b (*Dittenberger*, Syll. Inscr. gr. 110).

отъ царей Спартока и Пэрисада, сыновей Левкона I. Они увѣдомляли Аѳинянъ о своемъ вступленіи на царство и желаніи поддерживать такія же дружескія сношенія, какія были при ихъ отцѣ, заботиться объ отправкѣ хлѣба въ Аѳины и помогать имъ, если встрѣтится къ тому надобность. Послы привезли дары отъ новыхъ царей. Благодарные Аѳиняне постановили воздать сыновьямъ Левкона такую же честь, какою пользовался ихъ отецъ: „увѣнчать“ ихъ золотыми вѣнцами и выставить почетный декретъ о томъ на мраморной плитѣ. Золотые вѣнцы, цѣною по тысячѣ драхмъ каждый, должны быть изготовлены на средства казны и возложены на праздникѣ Панаѳиней въ храмѣ Аѳины съ такою надписью: „Спартокъ и Пэрисадъ, дѣти Левкона, увѣнчанные народомъ аѳинскимъ, посвятили Аѳинѣ“. Народъ декретировалъ принести благодарность посламъ и пригласить ихъ на угощеніе въританій. Въ текстѣ надписи упомянуто, что городъ оставался въ долгу за полученный съ Боспора хлѣбъ, и принято было рѣшеніе немедленно произвести уплату. Событіе это относится къ 346 г. до Р. Х.

Не лишено значенія свидѣтельство надписи о томъ, что боспорскіе цари просили у аѳинянъ дать имъ моряковъ, и эта просьба была исполнена. Если политическое могущество Аѳинъ было тогда уже близко къ паденію, то ихъ первенство въ морскомъ дѣлѣ оставалось на прежней высотѣ, и далекій Боспоръ заимствовалъ отъ нихъ технику морского дѣла. Цари боспорскіе брали на себя заботу о безопасности плаванія въ своемъ морѣ и являлись той силой, которая вводила въ культурный оборотъ тогдашняго торговаго обмѣна восточное побережье Чернаго моря.

Покровительство, которое оказывали боспорскіе цари торговлѣ съ Аѳинами, не препятствовало живому обмѣну между Боспоромъ и малоазіатскими городами южнаго побережья Чернаго моря, Синопою, Амисомъ

и расположеннымъ на южномъ проливѣ Бизантіемъ, будущей Византіей. Прямыя историческія свидѣтельства, въ которыхъ названы эти города, дошли отъ времени царя Евмела (309—304).

Евмелъ, сынъ Пэрисада, воцарился на отцовскомъ тронѣ послѣ продолжительной междоусобной войны съ братьями Сатиромъ и Пританомъ. Сатиръ, какъ старшій, занялъ тронъ отца. Но Евмелъ ополчился на него, вступивъ въ союзъ съ ѳракійскимъ царемъ Арифантомъ, который явился къ нему на помощь съ большими конными и пѣшими силами. Сатиръ имѣлъ въ своемъ войскѣ греческихъ и ѳракійскихъ наемниковъ, а также большія силы Скиѳовъ. Военныя дѣйствія происходили въ лѣсной мѣстности у рѣки Ѳатиса. Побѣда осталась за Сатиромъ; но вскорѣ во время осады одной крѣпости онъ былъ смертельно раненъ въ сраженіи и умеръ, процарствовавъ только девять мѣсяцевъ. Замѣнившій Сатира Пританъ выступилъ противъ Евмела съ войскомъ, былъ разбитъ на перешейкѣ около Мэотиды и вынужденъ принять Евмела въ соправители. Вскорѣ однако Притану пришлось бѣжать отъ своего брата въ городъ Кепы на восточномъ берегу пролива, гдѣ онъ и былъ убитъ. Евмелъ истребилъ всѣхъ своихъ родичей, кромѣ одного малолѣтняго сына Сатира, Пэрисада, которому удалось бѣжать къ Скиѳскому царю Агару.

Оправдавшись въ своихъ злодѣйствахъ предъ населеніемъ столицы царства, Пантикапея, Евмелъ принялъ власть единолично и въ краткое свое правленіе (5 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ) оставилъ по себѣ память, какъ о дѣятельномъ и предпріимчивомъ государѣ, упрочившемъ могущество Боспорскаго царства. Историкъ Діодоръ сохранилъ въ подробностяхъ этотъ интересный эпизодъ изъ жизни Боспорскаго царства [1])

---

1) *Diod. Sic.* 20, 22—27.

Преемникомъ Евмеля былъ его сынъ Спартокъ III, правившій до 284 г. до Р. Х. Самымъ полнымъ и наиболѣе цѣннымъ свидѣтельствомъ объ этомъ царѣ является декретъ въ его честь, принятый аѳинянами въ 286 году. Онъ сохранился на мраморной плитѣ, найденной въ Аѳинахъ. Изъ текста декрета видно, что въ ту пору продолжались старыя дружественныя связи между Аѳинами и Боспоромъ. Царь поздравлялъ Аѳины съ освобожденіемъ отъ власти Димитрія Поліоркета и прислалъ въ даръ 10.500 медимновъ хлѣба. Благодарные Аѳиняне присудили Спартоку золотой вѣнецъ, который рѣшено было поднести богинѣ на праздникѣ Великихъ Діонисій, и поставили двѣ бронзовыя статуи его: одну на площади, рядомъ со статуями его предковъ, другую въ акрополѣ[1]).

Спартоку III наслѣдовалъ Пэрисадъ II (до 252 г.) и Спартокъ IV. Повидимому, въ періодъ времени послѣ Пэрисада правителями Боспора съ титуломъ архонта были Игіенонтъ и Акисъ. Отъ обоихъ сохранились золотыя монеты съ ихъ именами, а отъ перваго также черепицы съ его клеймомъ[2]).

Скуднѣе и неопредѣленнѣе сохранившіяся свѣдѣнія о послѣдующихъ Спартокидахъ до паденія этой династіи въ концѣ II вѣка до Р. Х. Надписи и вещественныя находки свидѣтельствуютъ о непрерывныхъ живыхъ сношеніяхъ царства съ эллинскимъ міромъ, съ которымъ его связывали языкъ, религія и культура. Цари Боспора дѣлали щедрыя пожертвованія на общегреческія святыни, и въ дошедшихъ до насъ отъ половины II вѣка спискахъ жертвователей на дельфійскій храмъ Аполлона значатся имена царя Пэрисада III и су-

[1]) *C. I. Att.* II 311. [2]) *Шкорпилъ*, Къ вопросу о времени правленія архонта Игіенонта. *Сборникъ въ честь гр. Бобринскаго* (Спб. 1911), стр. 31—44.

пруги его Камасаріи. Такого же рода извѣстія есть относительно храма Аполлона Дидимейскаго [1]).

Когда пало міровое значеніе торговли Аѳинъ и возрасло значеніе Родоса, Боспоръ находился въ живыхъ сношеніяхъ съ этимъ новымъ центромъ міровой торговли. Амфорныя ручки съ родосскими клеймами, находимыя въ такомъ множествѣ въ Керчи, свидѣтельствуютъ о томъ, что родосскіе купцы доставляли сюда вино и масло.

Прекращеніе династіи Спартокидовъ въ концѣ I вѣка до Р. Х. совершилось насильственнымъ образомъ, и перемѣна лица правителя втянула Боспоръ въ сферу новыхъ отношеній къ далекому отъ нихъ новому центру міра, Риму. Событіе это стояло въ связи съ судьбами сосѣдняго греческаго города Херсонеса.

Скиѳы на Куль-обской вазѣ.

[1]) *Латышевъ,* Къ ист. Босп. царства. II (*Ж. М. Н. Пр.* 1899. Ноябрь=ПОΝΤΙΚΑ, Спб. 1909, стр. 298—302).

III.

Херсонесъ. Его мѣстоположеніе и исторія. Значеніе Митридата VI Евпатора въ судьбахъ Херсонеса и Боспора. Махаръ. Смерть Митридата.

Прошлое Херсонеса до тѣхъ событій, которыя явились эпохой въ судьбахъ Боспорскаго царства, извѣстно намъ очень мало. Онъ возникъ въ странѣ, туземцами которой были племя Тавровъ, удержавшее за собою горную область Крыма, и былъ основанъ не юнянами, какъ всѣ остальные города черноморскаго побережья, а дорянами изъ Гераклеи Понтійской. Свой дорическій діалектъ Херсонесъ сохранилъ до позднихъ временъ.

Въ отношеніи береговой линіи мѣстность Херсонеса представляетъ совершенно исключительныя условія по своему удобству. Горный кряжъ, проходящій по южной части полуострова, круто спадаетъ къ морю на всемъ своемъ протяженіи отъ Ѳеодосіи къ западу; въ мѣстности Херсонеса онъ понижается и нѣсколько отступаетъ отъ моря. Берегъ вытягивается въ море небольшимъ полуостровомъ и изрѣзанъ великолѣпными заливами и бухтами. Съ западной стороны врѣзывается въ материкъ огромная развѣтвляющаяся въ разныхъ направленіяхъ бухта нынѣшняго Севастополя.

Плоскій берегъ полуострова къ югу отъ этой бухты изрѣзанъ цѣлымъ рядомъ небольшихъ заливовъ, а далѣе, въ томъ мѣстѣ, гдѣ берегъ становится выше и обрывистѣе, въ него врѣзается въ направленіи къ сѣверо-востоку закрытая со всѣхъ сторонъ глубокая бухта нынѣшней Балаклавы. Небольшое разстояніе отъ конца южной Севастопольской бухты до Балаклавы позво-

ляетъ отдѣлить этотъ выступъ полуострова отъ остальной территоріи Крыма и отстаивать его отъ нападенія съ суши, какъ то приходилось дѣлать херсонесцамъ. Тавры пользовались удобствами своихъ прекрасныхъ гаваней; они стали сами мореходами и имѣли дурную славу морскихъ разбойниковъ. Грекамъ удалось основаться въ ихъ странѣ позднѣе, чѣмъ на другихъ пунктахъ черноморскаго побережья. Повидимому, это случилось не раньше конца V или начала IV вѣка. Имя поселенія было Херсонесъ, т. е. полуостровъ. Онъ лежалъ за первой бухтой къ западу отъ нынѣшняго Севастополя. Вѣроятно, сначала онъ былъ лишь факторіей своей метрополіи Гераклеи, которая и должна была силой отстаивать свои торговые интересы отъ сосѣднихъ боспорскихъ державцевъ. Преданіе наше сохранило намъ нѣсколько свидѣтельствъ о войнахъ царя Левкона съ гераклейцами[1]).

Выгоды приморскаго положенія Херсонеса позволили ему съ теченіемъ времени окрѣпнуть и превратиться въ значительный городъ, организовавшійся въ самостоятельную республику. Великолѣпный эпиграфическій памятникъ—текстъ гражданской присяги херсонесцевъ, относящійся къ III вѣку до Р. Х., свидѣтельствуетъ о прочно сложившемся государственномъ строѣ города и о большихъ территоріальныхъ владѣніяхъ его на полуостровѣ. Изъ текста надписи видно, что область Херсонеса захватывала степныя пространства, служившія для хлѣбопашества, и простиралась вдоль западнаго побережья Тавриды. Для защиты отъ внѣшняго врага имѣлись укрѣпленія въ разныхъ мѣстахъ и на морскомъ берегу лежали два города: Прекрасная гавань и Керкинитида[2]). Одно случайное извѣстіе отъ на-

[1]) *Polyaen.* Strateg. VI 9. [2]) Локализація Керкинитиды окончательно выяснена раскопками г. Романченко въ 1907 году. *И. И. А. К.*, вып. 25, 172—187. Прекрасная гавань лежала, вѣроятно, близъ Акмечетской бухты или на Сарыбулакской косѣ.

чала II вѣка позволяетъ заключить, что въ ту пору Херсонесъ представлялъ значительную политическую величину: на ряду съ Гераклеей и Месембріей помянутъ онъ, какъ автономный городъ, въ договорѣ враждовавшихъ между собою малоазіатскихъ державцевъ [1]. Въ 1908 году найдена въ Херсонесѣ надпись съ текстомъ договора, заключеннаго Херсонесомъ съ царемъ Понтійскимъ Фарнакомъ; по этому договору херсонесцы обязывались быть вѣрными дружбѣ съ царемъ и Римомъ, который тогда поддерживалъ Фарнака въ его борьбѣ съ сосѣдями [2].

Распространеніе владѣній херсонесцевъ въ сторону степей сблизило ихъ непосредственно со Скиѳами, которыхъ они умѣли держать въ страхѣ. прибѣгая къ помощи ихъ степныхъ сосѣдей. Но къ концу II вѣка положеніе дѣлъ измѣнилось. Недавно еще достаточно могущественный, чтобы грозно вмѣшиваться въ отношенія между Скиѳами и Сарматами, Херсонесъ оказался не въ силахъ отстаивать своими средствами свою самостоятельносгь отъ напора Скиѳовъ и вынужденъ былъ искать помощи извнѣ.. Онъ нашелъ ее у могуществевнаго малоазіатскаго властелина, Митридата VI Евпатора, знаменитаго въ исторіи своей непримиримой враждой къ римской державѣ. Краткія свѣдѣнія объ этихъ событіяхъ, сохраненныя Страбономъ, существенно дополнила одна великолѣпная эпиграфическая находка, сдѣланная въ 1879 году, а именно: почетный декретъ херсонесцевъ въ честь главнаго дѣятеля, полководца царя Митридата Евпатора, Діофанта [3].

Сынъ царя Скилура Палакъ завоевалъ факторіи херсонесцевъ на западномъ берегу полуострова и угрожалъ самому существованію Херсонеса, Митридатъ, вѣроятно въ 110 году, отправилъ на помощь осажденнымъ

---

[1]) *Polyb.* 25, 2 (178 г. до Р. Х.). [2]) *И. И. А. К.*, вып. 45, *Леперъ,* Херсонесскія надписи, стр. 23—39. [3]) *I. P. E.* I 185.

своего полководца Діофанта съ значительными военными силами. Діофантъ заставилъ Палака снять осаду и отступить отъ Херсонеса, разбилъ его въ открытомъ бою, разрушилъ сооруженныя имъ укрѣпленія и прогналъ его въ степи. Изъ Херсонеса Діофантъ сдѣлалъ диверсію на востокъ въ Пантикапей. Тогдашній царь Боспора Пэрисадъ V, повидимому, также обращался съ просьбой о помощи къ Митридату противъ того же самаго врага. Если раньше мы ничего не слышимъ объ уплатѣ какой-либо дани Скиѳамъ, то отъ этого времени есть извѣстіе о требованіи со стороны Скиѳовъ увеличенія платимой имъ дани. Оказанная Діофантомъ помощь обошлась очень дорого: Пэрисадъ призналъ надъ собою власть царя Митридата. Подчинивъ Боспорское царство своему повелителю, Діофантъ вернулся въ Херсонесъ и продолжалъ войну со скиѳами. Скиѳы сдали ему свои крѣпости Хабъ и Неаполь [1]) и признали надъ собою власть царя Митридата. Діофантъ отбылъ въ Синопу. Но вскорѣ Скиѳы опять поднялись, и Палакъ призвалъ къ себѣ на помощь невѣдомый дотолѣ народъ Роксоланъ—то были кочевники иранской расы [2]). Получивъ извѣстіе о возстаніи, Митридатъ послалъ вторично Діофанта въ Херсонесъ. Онъ прибылъ туда въ началѣ зимы и немедленно выступилъ противъ Скиѳовъ. Въ большой битвѣ Скиѳы и ихъ союзники понесли тяжкое пораженіе. Обезпечивъ спокойствіе Херсонеса, Діофантъ отправился въ Пантикапей. Во время его пребыванія въ столицѣ боспорскаго царства созрѣлъ заговоръ Скиѳовъ противъ Пэрисада. Руководителемъ движенія былъ скиѳскій царевичъ Савмакъ, близкій къ царю Пэрисаду, какъ его воспитанникъ. Пэрисадъ былъ убитъ, и Скиѳы овладѣли царствомъ. Діофанту удалось бѣжать моремъ на кораблѣ, который ему прислали херсонесцы.

---

[1]) Неаполь локализуютъ по близости отъ Симферополя, къ сѣверу отъ него, на одномъ холмѣ, гдѣ были сдѣланы кое-какія находки. [2]) Въ декретѣ въ честь Діофанта они названы Ревксиналами.

Снарядивъ войска, Діофантъ выступилъ въ походъ, завоевалъ Ѳеодосію и Пантикапей, захватилъ Савмака и отослалъ его къ Митридату. Власть понтійскаго царя была такимъ образомъ упрочена. Съ своихъ новыхъ владѣній Митридатъ получалъ дани 180 тысячъ медимновъ хлѣба и 200 талантовъ серебра [1]). Когда началась такъ называемая вторая война Рима съ Митридатомъ, на Боспорѣ сдѣлана была, повидимому, попытка воротить самостоятельность. Получивъ извѣстіе о возстаніи, Митридатъ послалъ туда своего полководца Неоптолема, который разбилъ боспорцевъ зимою на льду замерзшаго пролива, а лѣтомъ —вторично въ морскомъ сраженіи на томъ же мѣстѣ. Утвердивъ, такимъ образомъ, вновь свою власть, Митридатъ посадилъ въ 80 г. до Р. Х. на Боспорѣ своего сына Махара въ званіи правителя сѣверныхъ областей своей державы.

Правленіе Махара продолжалось 15 лѣтъ. Въ пору третьей войны Митридата съ Римомъ, когда Лукуллъ осадилъ Синопу, Махаръ вступилъ въ сношенія съ врагомъ своего отца и былъ признанъ со стороны Рима въ званіи самостоятельнаго правителя Боспорскаго царства и союзника Рима. Съ своей стороны, онъ обязался доставить въ римскій лагерь тотъ провіантъ, который подлежалъ доставкѣ въ осажденную Синопу, и выдать римлянамъ сокровища своего отца. Гарнизонъ, оставленный въ Синопѣ Митридатомъ, оказался не въ силахъ отстоять городъ, и Лукуллъ взялъ его приступомъ. Помпей, смѣнившій Лукулла въ командованіи римской арміей на малоазіатскомъ театрѣ войны, вытѣснилъ Митридата изъ его владѣній, и тотъ бѣжалъ на Боспоръ сухимъ путемъ черезъ кавказское побережье, преодолѣвъ по дорогѣ чрезвычайныя трудности. Пантикапей открылъ ворота своему законному повелителю, и Махаръ бѣжалъ въ Херсонесъ. Не чувствуя себя и тамъ въ безопасности отъ мести отца, онъ лишилъ себя жизни. Это было въ 65 г. до Р. Х.

[1]) *Strab* 7, 4, 6.

Оказавшись въ обладанiи сѣверныхъ областей своего царства, Митридатъ принялся за организацiю новыхъ силъ для борьбы съ Римомъ. Онъ вступилъ въ сношенiя съ близкими и отдаленными народами въ Европѣ и Азiи съ цѣлью создать обширную коалицiю противъ Рима и подчинилъ себѣ нѣкоторые народы изъ числа тѣхъ, которые занимали тогда степи нынѣшней южной Россiи къ сѣверу и западу отъ Крыма. Новую войну онъ предполагалъ начать вторженiемъ на территорiю Балканскаго полуострова черезъ Дунай. Но широкимъ планамъ Митридата не суждено было осуществиться. Тяжкiя подати и поборы, какимъ онъ подвергалъ населенiе подчиненныхъ ему земель, и присутствiе въ его войскахъ ненадежныхъ элементовъ, каковы были римскiе перебѣжчики, блокада Чернаго моря, подрывавшая ресурсы и платежныя средства населенiя,—все это вмѣстѣ привело къ возстанiю противъ престарѣлаго воителя. Во главѣ недовольныхъ сталъ его сынъ Фарнакъ, и Митридатъ, оставленный всѣми, лишилъ себя жизни (63 г. до Р. Х.). Признавъ Фарнака союзникомъ римской державы и царемъ состоявшихъ подъ его властью земель, Помпей далъ свободу городу Фанагорiи, который въ ту пору высвободился изъ-подъ власти Фарнака.

Такимъ образомъ, Митридатъ своимъ вмѣшательствомъ въ туземныя отношенiя Таврическаго полуострова содѣйствовалъ политическому объединенiю греческихъ колонiй въ болѣе широкихъ размѣрахъ, нежели какъ оно осуществлялось мѣстными средствами и силами: подъ его державой Херсонесъ соединился съ Боспорскимъ царствомъ. Съ другой стороны, онъ ввелъ, помимо всякаго своего желанiя, сѣверное побережье Чернаго моря въ кругозоръ римскихъ мiровыхъ политическихъ интересовъ и тѣмъ опредѣлилъ общiй ходъ отношенiй на цѣлый рядъ дальнѣйшихъ вѣковъ.

IV.

Фарнакъ, царь Боспора, и его преемники. Династія Тиберіевъ Юліевъ.

Резиденціей Фарнака, какъ и его отца, былъ Пантикапей. Пользуясь тревогами смутнаго для римлянъ времени, онъ отвоевалъ Фанагорію и раздвинулъ предѣлы своего царства на сѣверъ и востокъ по побережью Азовскаго моря; крайнимъ сѣвернымъ пунктомъ былъ городъ Танаидъ на устьѣ рѣки, давшей ему имя. Въ 48 г. до Р. Х., когда Помпей и Цезарь сошлись на Фарсальскихъ поляхъ, оспаривая другъ у друга владычество надъ римскимъ міромъ, Фарнакъ вознамѣрился воротить себѣ царство своихъ предковъ въ Малой Азіи и переправился туда съ большимъ войскомъ. Правителемъ на Боспорѣ онъ оставилъ Асандра, который оказалъ ему содѣйствіе въ его возстаніи противъ отца. Кто былъ Асандръ по своему происхожденію, объ этомъ нѣтъ свѣдѣній въ нашемъ преданіи. Но весьма вѣроятно, что онъ велъ свой родъ отъ Спартокидовъ и въ сближеніи съ Фарнакомъ преслѣдовалъ свои личныя цѣли. Фарнаку удалось подчинить себѣ Колхиду, часть Каппадокіи и Понта; но дальнѣйшіе его успѣхи были задержаны извѣстіемъ о возстаніи противъ него на Боспорѣ, которое поднялъ Асандръ.

Между тѣмъ Цезарь явился въ Малую Азію послѣ побѣды надъ Помпеемъ при Фарсалѣ и въ августѣ 47 г. нанесъ Фарнаку рѣшительное пораженіе при Зелѣ въ мѣстности неподалеку отъ устьевъ рѣки Галиса, нынѣ Кизиль-Ирмакъ. Реляшія Цезаря о побѣдѣ надъ Фарна-

комъ была составлена въ трехъ знаменитыхъ словахъ: veni, vidi, vici—пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ. Съ остатками своихъ силъ Фарнакъ бѣжалъ на Боспоръ. Ему удалось овладѣть Пантикапеемъ и Ѳеодосіей, но въ рѣшительной битвѣ съ Асандромъ онъ былъ разбитъ и палъ на полѣ сраженія (47 г. до Р. Х.).

По смерти Фарнака Цезарь предоставилъ искать Боспорскій тронъ Митридату Пергамскому, котораго онъ сдѣлалъ раньше правителемъ (тетрархомъ) Галатіи—области въ центрѣ Малой Азіи. Но попытка Митридата отвоевать себѣ царство была неудачна: онъ былъ разбитъ Асандромъ и палъ въ бою. Съ тѣхъ поръ Асандръ остался невозбранно въ обладаніи царствомъ. Въ первые годы своего правленія онъ называлъ себя на монетахъ „архонтомъ", а съ четвертаго года (44 до Р. Х.)—царемъ, каковымъ и остался до самой своей смерти въ 16 г. до Р. Х. Окончательное признаніе его Римомъ послѣдовало, повидимому, въ 30 г., когда онъ принялъ титулъ „друга римлянъ". Предѣлы царства при Асандрѣ простирались на сѣверо-востокѣ попрежнему до г. Танаида, а на западѣ включали Херсонесъ, какъ о томъ засвидѣтельствовалъ хорошо освѣдомленный современникъ, Страбонъ [1]).

Асандру наслѣдовала его супруга, дочь Фарнака и внучка Митридата, Динамія [2]). Ея монеты съ титуломъ царицы принадлежатъ 16 году. до Р. Х. Въ Керчи и на Таманскомъ полуостровѣ найдены три пьедестала, на

---

[1]) *Strabo*, 7, 3 и свидѣтельство надписи *I. P. E.* IV 147.— Въ первомъ изданіи книги я подвергалъ сомнѣнію зависимость Херсонеса отъ Боспора на томъ основаніи, что въ Херсонесѣ существовала своя эра, начинавшаяся съ 24/5 года, и ее естественно связать съ свидѣтельствомъ Плинія о томъ, что Боспоръ получилъ свободу отъ Рима. Но этотъ вопросъ былъ разобранъ Бертье-Делагардомъ въ статьѣ: „Надпись времени имп. Зинона" (*З. О. О.* XVI), и я принимаю его аргументацію.

[2]) *I. P. E.* II. 356 (надпись изъ Фанагоріи).

которыхъ нѣкогда красовались статуи императора Августа и Ливіи, его жены[1]). Въ подписяхъ значится: „царица Динамія, другъ Римлянъ“, а императоръ Августъ названъ „спасителемъ и благодѣтелемъ“. По всему вѣроятію, эти памятники стоятъ въ связи съ вмѣшательствомъ Августа въ дѣла Боспора въ 15 г. до Р. Х. На Боспорѣ явился римскій искатель приключеній Скрибоній, выдававшій себя за внука Митридата, посланнаго отъ Рима принять царство. Динамія отдала ему свою руку. Но полководецъ и сподвижникъ Августа Агриппа, находившійся тогда въ Синопѣ для устройства малоазіатскихъ отношеній, вмѣшался въ это дѣло по порученію императора и предоставиль тронъ Полемону, который владѣлъ тогда наслѣдіемъ Митридата на территоріи Малой Азіи, Понтійскимъ царствомъ. Полемонъ овладѣлъ Боспоромъ, Скрибоній былъ убитъ и царица Динамія вышла замужъ за Полемона. Такимъ образомъ, опять возстановлено было политическое единство обоихъ береговъ моря, созданное Митридатомъ. Но и на этотъ разъ соединеніе было непродолжительно. Спустя нѣсколько лѣтъ противъ Полемона поднялись „Аспургіане“, и онъ палъ въ войнѣ съ ними. Страбонъ локализуетъ Аспургіанъ въ мѣстности между Фанагоріей и Горгиппіей (н. Анапа) и какъ бы даетъ этому имени этническое знаніе. Весьма возможно, что это имя не было этническимъ, а лишь обозначало приверженцевъ Аспурга, который былъ предводителемъ возстанія и послѣ гибели Полемона воцарился на Боспорѣ. По свидѣтельству монетъ, Аспургъ правилъ отъ 8 г. до Р. Х. по 38 по Р. Х. Полемонъ былъ женатъ вторымъ бракомъ на Пиѳодоридѣ, внучкѣ тріумвира Антонія[2]); по смерти Полемона она унаслѣдовала Понтійское царство, которое съ тѣхъ

[1]) Ib. II, 354; IV, 201 и 420. [2]) *Орѣшниковъ*, Пиѳодорида и ея родъ въ Понтійскомъ царствѣ. Изв. Тавр. Арх. Комм., вып. 34 (1902).

поръ никогда уже не соединялось болѣе съ Боспоромъ. Счастливый соперникъ Полемона Аспургъ, который, какъ есть основанія догадываться, былъ сыномъ Асандра и Динаміи, достигъ признанія со стороны Рима и невозбранно оставался въ обладаніи Боспорскимъ царствомъ во всю свою долгую жизнь. На одной сохранившейся отъ него надписи онъ именуется „другомъ Кесаря и другомъ Римлянъ, царемъ всего Боспора, Ѳеодосіи, Синдовъ, Мэотовъ, Тарпейтовъ, Торетовъ, Псессовъ и Танаитовъ“, а также покорителемъ Скиѳовъ и Тавровъ [1]).

Послѣ смерти Аспурга въ 38 году нашей эры, императоръ Гай (Калигула) вмѣшался въ вопросъ о престолонаслѣдіи на Боспорѣ и предоставилъ власть Полемону, внуку Полемона 1 отъ его дочери, супруги ѳракійскаго царя Котиса. Но Полемонъ не вступалъ во владѣніе царствомъ, и оно оказалось во власти Митридата, потомка Митридата Великаго. Преемникъ Гая имп. Клавдій узаконилъ положеніе Митридата и предоставилъ Полемону область въ Киликіи (41 г.)[2]). Соперникомъ Митридата явился сынъ царя Аспурга Котисъ, котораго Тацитъ ошибочно называетъ братомъ Митридата [3]). Онъ открылъ императору мятежные замыслы Митридата и его намѣреніе освободиться отъ зависимости отъ Рима. Имп. Клавдій направилъ на Боспоръ военную экспедицію подъ начальствомъ Дидія Галла. Митридатъ бѣжалъ, и его преемникомъ сталъ, съ соизволенія Рима, Котисъ, Событіе это относится къ 44 или 45 году [4]). Когда Дидій Галлъ съ главными силами удалился, Митридатъ пошелъ войной на Котиса, найдя себѣ союзниковъ среди туземцевъ, обитавшихъ на восточныхъ границахъ царства. Война окончилась не въ пользу Митридата: онъ вынужденъ былъ просить прощенія у императора, получилъ его и въ 49 г. былъ

---

[1]) *I. P. E.* II 36. [2]) *Dio Cass.*, 60, 8. [3]) *Бертье-Делагардъ*, О монетахъ властителей Боспора, опредѣляемыхъ монограммами. Одесса 1911 (*З. О. О.*. XXIX) отд. отт. стр. 81. [4]) *Tac.* Ann. 12, 15 сл.

отправленъ въ Римъ, гдѣ и прожилъ до конца своихъ дней. (Онъ былъ казненъ имп. Гальбой въ 69 г. за участіе въ заговорѣ Нимфидія). Въ обладаніи Боспорскимъ царствомъ остался Котисъ, и монеты этого царя свидѣтельствуютъ, что его правленіе продолжалось по крайней мѣрѣ до 69 года. На монетахъ остался слѣдъ зависимости отъ Рима, а именно: изображено курульное кресло, корона, скипетръ и оружіе съ надписаніемъ „честь царя Котиса, сына Аспурга". Это символическое изображеніе признанія даннаго лица въ его царскомъ достоинствѣ со стороны Рима остается затѣмъ на монетахъ послѣдующихъ царей и является символомъ сообщенія царской власти отъ Рима. Но отъ 63 г. нашей эры есть боспорская монета, на которой дано одно лишь изображеніе Нерона. Такъ какъ въ этомъ именно году былъ низложенъ Полемонъ, царь Понта, и его область была присоединена къ сосѣдней римской провинціи, то естественно предположить, что Неронъ въ 63 году ограничилъ самостоятельность царя Котиса, или даже временно низложилъ его, утвердивъ на Боспорѣ непосредственную власть Рима. Но такъ какъ отъ 69 года есть опять монеты Котиса съ его изображеніемъ, то, очевидно, власть этого царя была возстановлена и инкорпораціи царства не произошло. У историка Іосифа Флавія есть одно свидѣтельство, которое само просится въ связь съ указанными фактами, а именно: онъ сообщаетъ, что на сѣверо-восточномъ побережьѣ Чернаго моря римская власть поддерживалась трехтысячнымъ отрядомъ войска и военнымъ флотомъ изъ 40 кораблей [1].

Съ 71 года царствовалъ на Боспорѣ Тиберій Юлій Рескупоридъ. Онъ былъ сыномъ Котиса, какъ позволяетъ это утверждать одна надпись, недавно найденная на территоріи Горгиппіи (Анапа) [2]. Отъ перваго года его правленія сохранилась надпись на пьедесталѣ ста-

[1]) *Ios. Flav.* b. iud. 2, 16, 4. [2]) *И. И. А. К.,* вып. 37, 70—73.

туи имп. Веспасіана, который названъ „владыкою всего Боспора“ [1]. Съ 80/1 года Рескупоридъ получилъ право чеканить на монетахъ свое изображеніе, и это право осталось затѣмъ за его преемниками. Со времени Рескупорида всѣ дальнѣйшіе боспорскіе цари носятъ династическое имя „Тиберій Юлій“ и отмѣчаютъ въ своемъ титулѣ зависимость отъ Рима: они именуются: „другъ Римлянъ, другъ Кесаря, пожизненный жрецъ Августовъ“.

Хронологія отдѣльныхъ правителей такова: Рескупоридъ I, гг. 71–92, Савроматъ I—92—124, Котисъ II—124—131, Рэметалькъ—131—154, Евпаторъ—154—174, Савроматъ II—174—211, Рескупоридъ II—211—228, Котисъ III—228—233 (одновременно съ нимъ Савроматъ III, 230—233), Рескупоридъ III—233—234, Ининѳимей—234—239, Рескупоридъ IV—239—261 (въ періодъ правленія этого царя упоминается также другой царь, по имени Фарсанзъ—253—254), Рескупоридъ V 262—275, Савроматъ IV—275, Тейранъ—275—278, Ѳоѳорсъ—286—308, Радамсадій—309—322 и одновременно съ нимъ Рескупоридъ VI, монеты котораго идутъ съ 311 до 341 года.

Исторія Боспора подъ правленіемъ династіи Тиберіевъ Юліевъ извѣстна намъ крайне скудно. Писатели почти не упоминаютъ о Боспорѣ, надписи даютъ лишь краткія и разрозненныя свидѣтельства о сооруженіяхъ отдѣльныхъ царей или о воздвигнутыхъ въ ихъ честь статуяхъ. Довольно точная хронологія отдѣльныхъ царствованій установлена, однако, работами нумизматовъ надъ монетами боспорскихъ царей. Послѣдняя датированная монета Рескупорида отнесена—и то предположительно—къ 341/2 году нашей эры. Отсутствіе монетъ съ болѣе поздней датой заставляетъ предполагать, что царство постигла какая-то катастрофа, и оно прекратило свое существованіе.

---

1) *I. P. E.* II 355.

V.

Зависимость Боспорскаго царства отъ Рима. Культурное воздѣйствіе Грековъ на туземцевъ. Торговыя сношенія Боспора съ греческимъ міромъ и Италіей. Предѣлы царства. Готы на Боспорѣ. Конецъ царства.

Присоединеніе Боспора къ Понтійскому царству Митридата и утвержденіе его династіи на тронѣ Спартокидовъ имѣло своимъ послѣдствіемъ принятіе боспорскими правителями особой эры, по которой счетъ годовъ начинается съ 297/8 года до Р. Х. Эта эра выдержана на всѣхъ туземныхъ памятникахъ до самаго конца существованія царства. Въ настоящее время принято называть эту эру боспорской, хотя она не была исконной на Боспорѣ и возникла въ Виѳиніи. Личная судьба Митридата отразилась на судьбахъ царства: оно вошло въ кругозоръ римской политики, и утвердилась зависимость этого отдаленнаго уголка культурнаго міра отъ римскихъ императоровъ. Какъ Цезарь, такъ и Августъ, а за нимъ и его преемники, считали себя въ правѣ распоряжаться вопросомъ о престолонаслѣдіи на Боспорѣ; но въ этомъ вмѣшательствѣ императоры признавали династическія права и по большей части лишь утверждали своимъ соизволеніемъ права законнаго наслѣдника. Съ половины I вѣка боспорскіе цари получали изъ Рима, по вступленіи на тронъ, обычные дары, состоящіе въ символахъ власти, изображеніе которыхъ они воспроизводили на своихъ монетахъ. Когда въ Римской имперіи вошло въ обычай давать денежныя подачки пограничнымъ варварамъ въ обезпеченіе границъ

отъ нападеній, такіе же дары стали, повидимому, получать отъ Рима и цари Боспора, такъ какъ самое существованіе царства являлось своего рода охраной Чернаго моря. Въ интересахъ своихъ подданныхъ, цари Боспора держали морскую полицію и очищали море отъ пиратовъ, о чемъ свидѣтельствуетъ, напр., надпись изъ Танаида отъ 193 года [1]. Царство осталось царствомъ, и Римъ не дѣлалъ попытокъ обратить его въ провинцію, какъ было то нерѣдко на восточной границѣ въ Азіи.

О пребываніи римскихъ военныхъ силъ на Боспорѣ мы имѣемъ лишь спорадическія свѣдѣнія. Первое относится ко времени правленія императора Клавдія, когда на Боспоръ былъ посланъ Дидій Юліанъ. Не сохранилось никакихъ слѣдовъ пребыванія римскаго войска на Боспорѣ при Неронѣ, когда, очевидно въ связи съ широкими военными предпріятіями на востокѣ, была въ Черномъ морѣ римская эскадра. На трехъ надписяхъ, которыя можно отнести ко II вѣку, сохранились свѣдѣнія о пребываніи въ Пантикапеѣ Кипрской и Ѳракійской когортъ [2], но фактъ этотъ стоитъ одиноко. Царство обладало, повидимому, само достаточно организованной военной силой; на надгробныхъ плитахъ боспорскихъ гражданъ очень часты изображенія коннаго воина съ мечомъ, лукомъ и колчаномъ. На стѣнахъ одной катакомбы есть интересныя изображенія панцырной конницы въ шлемахъ съ высокими шишаками, съ длинными копьями (см. стр. 62).

Городъ Пантикапей началъ свою исторію какъ греческая колонія и въ теченіе долгихъ вѣковъ своего существованія остался греческимъ городомъ. Но съ образованіемъ значительнаго политическаго цѣлаго и ростомъ царства греческій элементъ долженъ былъ сойти на положеніе лишь культурнаго фермента. Личныя имена туземцевъ, засвидѣтельствованныя намъ въ обиліи на

[1] *I. P. E.* II 423. [2] ib. 290; 293; *И. И. А. К.*, вып. 3, стр. 41.

надписяхъ Пантикапея, Горгиппіи, Танаида, даютъ непреложное свидѣтельство въ этомъ смыслѣ: національныя греческія имена тонутъ во множествѣ варварскихъ именъ; варварскія имена носятъ и цари боспорскихъ династій. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о великой культурной миссіи, которую совершало царство на этой далекой окраинѣ извѣстнаго тогда міра. Что касается народности, къ какой можно причислить варваровъ, ставившихся Эллинами въ тѣхъ предѣлахъ, то труды лингвистовъ выяснили, что тогдашніе туземцы припонтійскихъ степей были арійцы иранской вѣтви. Остаткомъ иранскаго населенія тѣхъ странъ является въ настоящее время немногочисленный кавказскій народъ Осетины, уцѣлѣвшій въ горныхъ долинахъ передняго Кавказа.

Издавна установившееся значеніе Боспора, какъ торговаго центра, сохранилось и расширилось въ періодѣ его исторіи, начавшійся съ подчиненія Митридату. Боспоръ оставался въ торговомъ и культурномъ общеніи съ городами малоазіатскаго побережья, какъ свидѣтельствуютъ о томъ въ обиліи находимыя на территоріи Керчи монеты малоазіатскихъ городовъ. На надписяхъ сохранились свидѣтельства о переселеніи на Боспоръ изъ разныхъ городовъ гражданъ, натурализовавшихся здѣсь и погребенныхъ на новой родинѣ.

Ѳазосъ, Родосъ и даже далекая Италія доставляли на Боспоръ свои товары. Боспорская торговля захватывала и Александрію, такъ какъ о сношеніяхъ съ Египтомъ опредѣленно говорятъ находимые въ керченскихъ гробницахъ предметы украшенія изъ египетской пасты (скарабеи, бусы, идолы), а также вазы съ рельефнымъ орнаментомъ и металлической глазурью. По всему вѣроятію, торговля привлекла на Боспоръ, а изъ него и въ Танаидъ—Іудеевъ. Уже въ 81 году нашей эры стояла въ Пантикапеѣ еврейская синагога и существовала довольно значительная іудейская община [1]). Іудеи эти были

[1]) *I. P. E.* II 52.

эллинизованы и носятъ греческія имена. Въ Танаидѣ они оказали религіозное воздѣйствіе на туземное населеніе: надписи сохранили не мало свидѣтельствъ о религіозныхъ обществахъ, чтившихъ „высочайшаго Бога", въ которомъ слѣдуетъ видѣть своеобразное смѣшеніе іудейскаго Іеговы съ эллинскимъ Зевсомъ. На Таманскомъ полуостровѣ въ окрестностяхъ города Фанагоріи найдено было много еврейскихъ надгробныхъ памятниковъ съ изображеніемъ седмисвѣщника, а иногда и съ надписями. Хронологія этихъ эпитафій неизвѣстна; весьма вѣроятно, впрочемъ, что онѣ относятся къ болѣе позднему времени: VI и VII вѣкамъ нашей эры.

Прямыя и непосредственныя сношенія съ политическимъ центромъ міра, далекимъ Римомъ, оставили свои слѣды въ вещественныхъ памятникахъ. Хотя римскіе нравы вообще не привились на востокѣ и, напр., бои гладіаторовъ встрѣчали осужденіе и отпоръ со стороны Грековъ, но на стѣнахъ одной катакомбы, открытой въ 1841 году Ашикомъ, изображены гладіаторы, и погребальное шествіе воспроизведено въ типѣ римской процессіи этого рода. О торговыхъ сношеніяхъ съ Италіей свидѣтельствуютъ находки вазъ итальянскаго производства съ латинскими штемпелями.

Что касается предѣловъ царства, то, за выдѣленіемъ Херсонеса, оно попрежнему включало на западѣ городъ Ѳеодосію. Гдѣ собственно проходила граница, въ точности неизвѣстно. Одна эпиграфическая находка, сдѣланная на территоріи города Стараго Крыма, съ датой 223 года по Р. Х. показала, что этотъ городъ (въ 23 верстахъ къ западу отъ Ѳеодосіи) входилъ въ ту пору въ предѣлы боспорскаго царства и что на томъ мѣстѣ существовало городское поселеніе[1]). На восточномъ берегу пролива подъ скипетромъ боспорскихъ царей находились тѣ же варварскіе народы, что и при

[1]) *I. P. E.* IV 194.

Спартокидахъ. Изъ многихъ городскихъ поселенiй, расположенныхъ по морскому побережью на нын. Таманскомъ полуостровѣ и къ югу отъ него, наибольшимъ значенiемъ пользовалась Фанагорiя (по близости отъ почтовой станцiи Сѣнной). Крайнимъ сѣвернымъ пунктомъ былъ городъ Танаидъ. Въ пору правленiя Полемона I (15—8 до Р. Х.) этотъ городъ вышелъ изъ повиновенiя и былъ подвергнутъ жестокой карѣ [1]). Но выгодное торговое положенiе и установившiяся торговыя связи съ окрестными варварами и даже отдаленнымъ востокомъ не позволили исчезнуть этому дальнему центру культуры, и отъ II и первой половины III вѣка есть у насъ цѣлый рядъ надписей, свидѣтельствуюшихъ о заботахъ боспорскихъ царей о возстановленiи его укрѣпленiй.

Около половины III вѣка къ границамъ Боспорскаго царства придвинулся новый грозный врагъ: то были Готы съ родственными имъ Герулами, явившiеся сюда изъ далекихъ сѣверо-западныхъ странъ, съ береговъ Балтики и теченiя Вислы и Нѣмана. Крайнiй сѣверный пунктъ царства, Танаидъ, былъ разрушенъ варварами и самая столица царства попала въ зависимость отъ Готовъ, которые начали свои разбойничьи предпрiятiя по Черному морю на боспорскихъ корабляхъ. Это событiе совпадаетъ съ появленiемъ царя Фарсанза среди годовъ правленiя царя Рескупорида IV. Историкъ Зосимъ, помянувъ о морскихъ разбояхъ Готовъ, совершенныхъ на боспорскихъ корабляхъ, объясняетъ этотъ фактъ прекращенiемъ туземной династiи [2]). Если это и не вѣрно, то во всякомъ случаѣ были какiя-то смуты и замѣшательства, облегчившiя Готамъ ихъ временное господство на Боспорѣ. Послѣдующiя предпрiятiя Готовъ противъ Римской имперiи имѣютъ другой исходный пунктъ: днѣстровскiй лиманъ. Очевидно, главная масса племени при-

[1]) *Strabo*, 9, 2, 3. [2]) *Zos.* 1, 31.

двинулась къ морю западнѣе Крыма, хотя часть готскаго племени застряла въ предѣлахъ полуострова и является позднѣе на свѣтъ исторіи въ качествѣ туземнаго населенія крымскихъ горъ. Источники нашихъ свѣдѣній о судьбахъ Боспорскаго царства не позволяютъ выяснить въ точности, какія послѣдствія имѣло для него это обстоятельство. На Боспорѣ продолжали править цари съ династическимъ именемъ Тиберія Юлія подъ верховной эгидой Рима и попрежнему чеканили на своихъ монетахъ изображеніе императора на одной сторонѣ и свое—на другой. Весьма вѣроятно, однако, что зависимость отъ Рима стала въ ту пору болѣе тѣсной. Догадку въ этомъ смыслѣ позволяетъ сдѣлать одна недавно найденная надпись отъ 603 года боспорской эры, т. е. 306 по Р. Х. Она свидѣтельствуетъ о сооруженіи синагоги Авреліемъ Валеріемъ Согомъ, сыномъ Олимпа. Этотъ человѣкъ, „извѣстный Августамъ, удостоенный почестей отъ Діоклитіана и Максиміана“, называетъ себя намѣстникомъ Ѳеодосіи. Въ текстѣ надписи нѣтъ упоминанія о царѣ Боспора и къ самому царству примѣненъ терминъ, употреблявшійся для обозначенія провинцій (ἐπάρχειον) [1]. Несомнѣнно, однако, что въ ту пору на Боспорѣ правилъ царь Ѳоѳорсъ, монеты котораго идутъ до 308 года. Далѣе слѣдуетъ сначала одновременное съ Радамсадіемъ, а затѣмъ единоличное правленіе Рескупорида, съ которымъ оканчивается для насъ существованіе Боспорскаго царства. Одиноко стоитъ свидѣтельство Амміана Марцеллина о посольствѣ съ Боспора въ 362 году къ имп. Юліану въ Константинополь, искавшемъ у него верховнаго покровительства и защиты отъ напиравшихъ варваровъ. Вскорѣ затѣмъ послѣдовала гуннская гроза.

---

[1] *И. И. А. К.*, вып. 10, 26—29.

VI.

Ольвія. Культурныя и политическія судьбы города. Зависимость отъ Скиѳовъ во II в. до Р. Х. Биребиста. Діонъ Хрисостомъ. Островъ Ахилла. Подчиненіе Риму. Гибель Ольвіи.

Въ западной половинѣ сѣвернаго побережья Черного моря греческія поселенія были не столь обильны по числу, какъ на территоріи Крыма и далѣе къ востоку. На бугскомъ лиманѣ стояла Ольвія и на днѣстровскомъ—Тира (н. Аккерманъ). О первомъ изъ этихъ двухъ городовъ мы имѣемъ несравненно больше свѣдѣній, нежели о второмъ, но они разрознены въ хронологическомъ отношеніи, и не однородны по своему характеру. Уже въ пору Геродота Ольвія была большимъ, хорошо обстроеннымъ и укрѣпленнымъ городомъ. Своимъ благосостояніемъ она обязана была обширной торговлѣ и оказывала очень сильное культурное воздѣйствіе на туземцевъ. То обиліе свѣдѣній о варварскихъ народахъ, населявшихъ Скиѳію, и о сосѣднихъ съ нею, которое собралъ отъ ольвіополитовъ Геродотъ, является уже само по себѣ доказательствомъ широты и интенсивности торговыхъ сношеній ольвіополитовъ съ варварами материка. Ближайшіе сосѣди Ольвіи изъ Скиѳовъ испытывали на себѣ обаяніе греческой культуры, усвоивали греческій языкъ, греческіе нравы, принимали и религію Грековъ. У Геродота есть разсказъ о царѣ Скилѣ, который имѣлъ въ Ольвіи свой дворецъ, гречанку супругу, жилъ, когда бывалъ въ городѣ, какъ Грекъ, и принялъ посвященіе въ культъ Діониса; но эта измѣна

отечественнымъ богамъ и обычаямъ стоила Скилу жизни[1]). Уже въ пору Геродота существовало неподалеку отъ Ольвіи смѣшанное населеніе изъ Грековъ и Скиѳовъ, которое онъ называетъ „Эллины-Скиѳы“. Городъ имѣлъ демократическое устройство съ народнымъ собраніемъ и выборными носителями государственной власти, чеканилъ свою монету и ревниво оберегалъ свои торговые и экономическіе интересы.

Столѣтіе спустя послѣ Геродота Ольвія много потерпѣла отъ полководца Александра Македонскаго, Зопиріона, который предпринялъ по собственному почину широкій завоевательный походъ противъ Скиѳовъ, окончившійся гибелью арміи и полководца. Неизвѣстно, что привело ольвіополитовъ въ столкновеніе съ Зопиріономъ, но до насъ дошли опредѣленныя упоминанія о томъ, что они должны были прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ мѣрамъ, чтобы отстоять свою независимость: они освободили рабовъ, дали право гражданства всѣмъ проживавшимъ среди нихъ иностранцамъ и предприняли чрезвычайное погашеніе долговыхъ обязательствъ. Имъ удалось отстоять свою свободу и самостоятельность, но это потрясеніе, очевидно, не прошло безъ послѣдствій. Въ половинѣ III вѣка Ольвія—уже не тотъ богатый и могущественный городъ, какимъ она была раньше. Она окружена со всѣхъ сторонъ врагами. То были, повидимому, новые народы, вытѣснившіе прежнее мирное скиѳское населеніе, подчинявшееся греческой культурѣ и дорожившее тѣми благами жизни, какія она давала. Саи, Галаты, Скиры, Ѳисаматы, Савдараты—вотъ имена этихъ народовъ. Всѣ они являются врагами греческихъ поселенцевъ, которымъ приходилось постоянно воевать и откупаться денежными подачками отъ напора варваровъ. Тревоги и волненія не могли не отражаться на торговлѣ, главномъ источникѣ богатства и силы ольвіопо-

[1]) *Herod.* IV 78—80.

литовъ, городъ хирѣлъ и государственная касса была часто пуста. Отдѣльные граждане, обладавшіе крупными средствами, приходили на помощь государству, и оно вознаграждало ихъ почетными вѣнками и памятниками. Имя одного такого щедраго жертвователя дошло до насъ: это былъ Протогенъ. Сохранился декретъ, принятый въ его честь ольвіополитами [1]). Онъ содержитъ въ себѣ подробное перечисленіе его заслугъ предъ отечествомъ и крупныхъ суммъ, которыя онъ по разнымъ печальнымъ поводамъ затрачивалъ на общее благо. Тутъ предъ нами живая цѣпь бѣдствій, одолѣвавшихъ Ольвію: жадные и дикіе варвары, грозный царь Саитафарнъ, недородъ и недостача хлѣба, безденежье.

Во II вѣкѣ Ольвія признала надъ собою власть сосѣднихъ скиѳскихъ царей, и на монетахъ стало чекаписься имя владыки. Таковъ царь Скилуръ, помянутый выше въ обзорѣ судебъ Херсонеса. Побѣды Діофанта надъ Скиѳами имѣли своимъ дальнѣйшимъ послѣдствіемъ подчиненіе Ольвіи подъ власть Митридата. Послѣ Діофанта дѣйствовалъ отъ имени Митридата его полководецъ Неоптолемъ. Извѣстное Страбону имя укрѣпленія на устьѣ рѣки Тиры (Днѣстра)—„Башня Неоптолема“ позволяетъ предположить, что оно было основано Неоптолемомъ въ обезпеченіе новыхъ пріобрѣтеній царя Митридата по побережью къ западу отъ Тавриды. Въ собственныхъ интересахъ, для охраны своей свободы отъ напиравшихъ на нее варваровъ, Ольвія дорожила той поддержкой, которую могъ ей доставить Митридатъ, и сохранила ему вѣрность и тогда, когда родной его сынъ Махаръ измѣнилъ ему и вступилъ въ сношенія съ его врагами. Изъ Ольвіи доставлялся хлѣбъ гарнизону осажденной римлянами Синопы. Свидѣтельство объ этомъ принесла одна эпиграфическая находка 1905 г.— декретъ ольвіополитовъ въ честь одного капитана ко-

[1]) *I. P. E.* I 16.

рабля, уроженца города Амиса, за его заслуги передъ городомъ. Кромѣ доставки хлѣба въ Синопу, тотъ же капитанъ возилъ къ Митридату, очевидно, уже послѣ его водворенія на Боспорѣ и гибели мятежнаго Махара, посольство отъ ольвіополитовъ, ходатайствовавшее о присылкѣ военной силы въ Ольвію, что повидимому, и было исполнено Митридатомъ [1]). Но Митридату не суждено было осуществить свои широкіе планы похода на римлянъ черезъ Дунай, и освобожденіе Ольвіи отъ Скиѳовъ было лишь краткимъ эпизодомъ въ ея жизни.

Въ половинѣ I вѣка Ольвію постигло конечное разореніе: она была завоевана и разрушена. Врагъ явился съ запада. То былъ царь Гетовъ, Биребиста. Геты были народъ ѳракійскаго племени, жившій къ югу отъ Дуная на территоріи нынѣшняго Балканскаго полуострова. Ближайшими ихъ родичами были Даки, занимавшіе равнины нынѣшней Валахіи. Подчинивъ себѣ ближайшія племена, Биребиста создалъ мощную державу, территорія которой охватывала оба берега Дуная. Его власть признали греческіе города поморья. Эта новая сила привлекла къ себѣ позднѣе вниманіе великаго Цезаря, который на закатѣ своей славной жизни собирался предпринять походъ противъ Гетовъ, явившихся угрозой для спокойствія сосѣднихъ римскихъ владѣній. Въ своемъ стремленіи къ морю Биребиста ополчился на Ольвію и подвергъ ее полному разрушенію. Уцѣлѣвшіе отъ погрома жители разбѣжались, и городъ пересталъ существовать. Это было около 50 г. до Р. Х.

Но прекращеніе установившихся и дѣйствовавшихъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій торговыхъ сношеній съ культурнымъ міромъ, осуществлявшееся черезъ Ольвію, тяжко отозвалось на Скиѳахъ, и они сами стали стараться о возстановленіи древняго культурнаго центра.

---

[1]) *И. И. А. К.*, вып. 18, 96—100; 23, 21—27. Статьи акад. Латышева и проф. Ростовцева.

бѣжавшіе въ Херсонесъ и другіе города Крыма ольвіополиты, по ихъ вызову, вернулись въ разрушенный городъ и отстроили его вновь. Слѣды погрома сказывались даже полтораста лѣтъ спустя. Риторъ Діонъ Хрисостомъ, посѣтившій Ольвію въ концѣ I в. по Р. Х., сообшаетъ, что городъ въ то время занималъ лишь часть своей прежней территоріи, обстроенъ былъ очень бѣдно и укрывался за жалкой стѣной. Вдали виднѣлись пострадавшія отъ Гетовъ старыя башни, служившія охраной города въ лучшія времена; вездѣ были видны полуразрушенные памятники, побитыя статуи, воздвигнутыя въ пору силы и славы города. Населеніе новаго города было греческое, но оно сильно перемѣшалось со Скиѳами; варварскія имена чередовались съ греческими въ отдѣльныхъ семействахъ. Въ одеждѣ и складѣ жизни было также много скиѳскаго; это не препятствовало, однако, ольвіополитамъ быть Эллинами по духу, и Діонъ сохранилъ свидѣтельство о томъ, какъ высоко чтили они Гомера, выразителя эллинскаго сознанія за всѣ вѣка самобытности греческаго племени [1]).

Существовалъ одинъ частный поводъ особеннаго уваженія къ Гомеру. Греческая легенда помѣстила героя Ахилла въ его загробномъ существованіи въ сосѣдство Ольвіи: противъ устья Дуная на островѣ, который нынѣ называется Змѣинымъ, а въ древности носилъ имя „Λευκή“, т. е. бѣлый, былъ храмъ Ахилла „Понтарха“, т. е. властителя моря. Въ эти далекія отъ Трои мѣста унесла Ѳетида своего сына съ костра, на которомъ онъ долженъ былъ быть преданъ огню послѣ смерти, причиненной ему стрѣлою Париса. Ахиллъ обиталъ въ этомъ храмѣ въ живомъ своемъ образѣ и властвовалъ надъ моремъ. Къ острову приставали моряки во время плаванія и приносили Ахиллу обѣтные дары. Широкая песчаная коса, близъ устья Днѣпра, нынѣ Тендра, носила имя „Ахил-

[1]) *Dio Chrys.* or. 36 (*Dindorf* II 48 sqq).

лова ристалища". Въ Ольвіи также высился храмъ Ахилла на ряду съ храмомъ Зевса. Онъ былъ туземнымъ героемъ для ольвіополитовъ, и ученый Діонъ былъ пораженъ тѣмъ живымъ знаніемъ поэмъ пѣвца Ахилла, Гомера, какое онъ встрѣтилъ въ Ольвіи.

Одновременно съ тѣмъ, какъ Херсонесъ и Боспоръ вошли въ кругозоръ римской политики, вошла въ него и Ольвія, къ которой Римъ приблизился и на сухопутьѣ. Цезарь мечталъ сдѣлать границей имперіи нижній Дунай. Августу это удалось осуществить, и цѣлый рядъ сильныхъ крѣпостей протянулся по Дунаю до самаго устья. Сѣверная часть Балканскаго полуострова составила новую провинцію (Moesia), состоявшую подъ начальствомъ особаго намѣстника. Въ составъ ея вошли греческіе города побережья до устья Дуная, сохранивъ свое самоуправленіе и независимость въ дѣлахъ внутренняго распорядка. Они продолжали попрежнему чеканить свою монету. Въ одинъ изъ такихъ городовъ, Томы (н. Констанца), сосланъ былъ Августомъ поэтъ Овидій, томившійся здѣсь до самой своей смерти. Въ своихъ „Печальныхъ посланіяхъ" съ Понта онъ оставилъ намъ живыя описанія окружавшей его природы и тѣхъ дикихъ варваровъ, съ которыми онъ сталкивался. Естественно, что и близкіе къ римскимъ границамъ ольвіополиты искали высокаго покровительства властителей міра, римскихъ императоровъ, тѣмъ болѣе, что они состояли въ живыхъ торговыхъ сношеніяхъ съ сосѣдними греческими городами, оказавшимися въ предѣлахъ провинціи. На одной дошедшей до насъ надписи помянуто, что ольвійскій гражданинъ Абабъ, сынъ Каллисѳена, „первенствовавшій не только въ отечествѣ, но и во всемъ понтійскомъ народѣ, и пробившійся до извѣстности Августамъ", посвятилъ императорамъ Августу и Тиберію сооруженный имъ портикъ [1]). Римская власть все болѣе и болѣе близилась къ Ольвіи. Лежавшая на днѣстровскомъ лиманѣ Тира, какъ извѣстно изъ болѣе позднихъ над-

писей, вела свое счисленіе по особой эрѣ, начинавшейся съ 56 или 57 года. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что то была эпоха, когда Римъ утвердилъ непосредственно свою власть въ Тирѣ.

Въ концѣ царствованія Нерона разыгрались въ придунайскихъ степяхъ событія, которыя не могли не отразиться на Ольвіи. Къ сожалѣнію, они намъ слишкомъ мало извѣстны, и упоминаніе о нихъ сохранилось только въ эпитафіи одного высокаго сановника временъ Нерона, Плавшія Сильвана[2]). Въ числѣ его заслугъ помянуты въ эпитафіи его дѣла за время намѣстничества въ Мэзіи. Среди варварскихъ народовъ на сѣверъ отъ нижняго Дуная произошли какія-то волненія и войны, угрожавшія, повидимому, безопасности границъ имперіи, а также и городу Херсонесу. Плавцій перешелъ Дунай и властно вмѣшался въ дѣла варваровъ. Онъ отогналъ „Скиѳовъ" отъ Херсонеса, который былъ въ осадѣ, расширилъ границы имперіи, переселилъ множество варваровъ за Дунай, отведя имъ земли для мирнаго земледѣльческаго труда, и установилъ прямыя торговыя сношенія между Херсонесомъ и Римомъ: впервые, какъ отмѣчено въ эпитафіи, въ римскіе государственные запасы хлѣба отправлены были большія партіи изъ Херсонеса.—Повѣствуя о дѣяніяхъ Плавшія Сильвана, его эпитафія не называетъ Ольвіи, но событія эти разыгрывались въ непосредственной близости къ этому городу, и тогда впервые римская военная сила прошла по степямъ отъ римскихъ границъ до самаго юга Крыма. Быть можетъ, та военная эскадра изъ 40 кораблей и трехтысячный отрядъ войска, которые находились, по словамъ Іосифа Флавія, въ восточной части Чернаго моря для охраны римскихъ интересовъ въ послѣдніе годы правленія Нерона, стояли въ связи съ военными предпріятіями Плавція Сильвана въ западной половинѣ

[1]) *I. P. E.* I 47; 142. [2]) *C. I. L.* XIV 3608.

припонтійскихъ степей. Съ этого времени Херсонесъ находится въ зависимости отъ намѣстника нижней Мэзіи. О томъ свидѣтельствуетъ надпись на пьедесталѣ статуи, воздвигнутой въ честь Секста Веттулена Церіалиса, состоявшаго намѣстникомъ этой провинціи при имп. Веспасіанѣ [1]). Повидимому, къ этому времени относится свидѣтельство одной надписи о благодарности со стороны города Херсонеса одному своему гражданину за исправленіе посольства къ правителю Мэзіи [2]). При Веспасіанѣ находился, повидимому, нѣкоторое время въ Херсонесѣ отрядъ римской арміи. По всему вѣроятію, о немъ именно свидѣтельствуютъ найденные въ недавнее время въ мѣстности нынѣшняго Ай-Тодора кирпичи съ клеймами матросовъ эскадры Равеннскаго флота. Карта Птолемея позволяетъ на этомъ мѣстѣ локализовать городъ Хараксъ, который, очевидно, былъ мѣстомъ стоянки гарнизона [3]). Отъ времени Домиціана одна херсонесская надпись сохранила память о статуѣ, которую воздвигли херсонесцы намѣстнику провинціи Мэзіи, Сексту Октавію Фронтону (92 г. [4]).

Что касается до Ольвіи, то отъ этого времени нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ объ ея отношеніяхъ къ Риму и она, повидимому, признавала надъ собою власть варварскихъ царей. Указаніе въ этомъ смыслѣ даютъ монеты съ именами царей Фарзоя и Инисмея [5]).

Въ началѣ II вѣка Римская держава еще болѣе приблизилась къ Ольвіи, когда императоръ Траянъ разрушилъ царство Декебала и присоединилъ къ предѣламъ имперіи огромную территорію къ сѣверу отъ Дуная до нынѣшней Седмиградіи включительно. Граница провинціи Дакіи шла на востокѣ по рѣкѣ Серету. Вѣ-

---

[1]) *I. P. E.* I 197. [2]) ib. I 196. [3]) *Ростовцевъ,* Римскіе гарнизоны на Таврическомъ полуостровѣ. *Ж. М. Н. П.* 1900, мартъ. [4]) *I. P. E.* IV 93. [5]) *Орѣшниковъ,* Экскурсы въ область древней нумизматики Черноморскаго побережья. Москва. 1914, стр. 18—22.

роятно, въ связи съ этимъ измѣненіемъ границъ имперіи стоитъ и то обстоятельство, что въ предѣлы провинціи Нижней Мэзіи, захватывавшей нынѣшнюю восточную Болгарію и Добруджу, стали включать нижнее теченіе Днѣстра и Буга и вести границу до устья Борисѳена. Такъ изображаетъ дѣло на своей картѣ ученый астрономъ Птолемей. Но это включеніе имѣло весьма условный характеръ. Ольвія сохраняла свою самостоятельность, и ея жители сознавали себя особымъ государственнымъ цѣлымъ. При имп. Антонинѣ Піи Ольвію тѣснили новые враги: Тавроскиѳы, имя упоминаемое въ этомъ случаѣ впервые въ нашихъ источникахъ, которому впослѣдствіи суждено было служить въ устахъ византійскихъ Грековъ обозначеніемъ нашихъ предковъ, русскихъ славянъ. Императоръ оказалъ городу вооруженную помощь, враги были побѣждены и выдали заложниковъ. Быть можетъ, съ той поры въ Ольвіи остался римскій гарнизонъ. Въ числѣ эпиграфическихъ находокъ, участившихся со времени возобновленія раскопокъ на территоріи Ольвіи, была найдена въ 1907 году латинская надпись съ именемъ солдата одиннадцатаго легіона, поставившаго памятникъ на могилѣ своей матери [1]. А на территоріи Херсонеса недавно найдена латинская надпись отъ 185 года, въ которой названы трибунъ „перваго италійскаго“ легіона и „тріерархъ“ Мэзійскаго флота [2]. Повидимому, Херсонесъ былъ въ ту пору главнымъ опорнымъ пунктомъ римской власти въ Тавридѣ.

Непосредственное утвержденіе римской власти въ Ольвіи относится, повидимому, ко времени имп. Септимія Севера и, вѣроятно, стоитъ въ связи съ его мѣрами по упроченію своей власти послѣ побѣды надъ соперникомъ, Песценніемъ Нигромъ. На монетахъ Ольвіи появляется изображеніе римскаго императора, какъ свидѣтельство подчиненія его власти автономной прежде городской

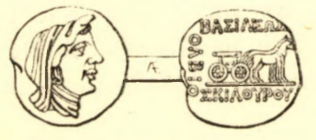
[1] *I. P. E.* IV 94. [2] *И. И. А. К.*, вып. 27, 64—67.

республики. Монеты этого типа идутъ до временъ Александра Севера. О томъ же свидѣтельствуетъ надпись на пьедесталѣ, на которомъ нѣкогда красовались статуи Каракаллы и Геты, сыновей Септимія Севера, относящаяся ко времени между 198—209 годами[1]). Въ 1902 году на территоріи Ольвіи была найдена посвятительная надпись въ честь императора Филиппа отъ 248 года[2]). Очевидно, въ ту пору тамъ стоялъ римскій гарнизонъ. Но эта охрана лишь на время отсрочила угрожавшую городу катастрофу, и вскорѣ Ольвія прекратила свое существованіе. Мы съ увѣренностью можемъ назвать врага. То были Готы, придвинувшіеся въ тѣ времена къ морю и начавшіе свои истребительные набѣги въ предѣлы имперіи черезъ Дунай и по морю. Современники не сохранили намъ свидѣтельствъ о гибели старыхъ культурныхъ центровъ, и, лишь комбинируя разнородныя данныя, мы можемъ съ увѣренностью говорить объ этихъ событіяхъ. Ольвія и Тира погибли и никогда болѣе не возстали. Лишь великолѣпные курганы, широко раскинувшіеся вокругъ огромнаго городища близъ нынѣшняго селенія Парутина, говорятъ намъ нѣмымъ языкомъ о прошедшей славѣ Ольвіи и о процвѣтавшей здѣсь нѣкогда оживленной культурной дѣятельности давняго населенія.

Монеты Ольвіи.

Монета царя Скилура.

[1]) *I. P. E.* I 109. [2]) *И. И. А. К.*, вып. 10, стр. 6.

VII.

Христіанство на Боспорѣ и въ Херсонесѣ въ IV вѣкѣ. Христіанство у Готовъ. Еп. Унила. Появленіе Гунновъ и утвержденіе ихъ въ степяхъ Тавриды.

Уцѣлѣвшее отъ того потрясенія, которое произвели Готы, культурное населеніе Таврическаго полуострова не осталось въ сторонѣ отъ того великаго переворота въ жизни античнаго міра, который сдѣлалъ его христіанскимъ. Уже на первомъ вселенскомъ соборѣ въ Константинополѣ въ 325 году засѣдалъ вмѣстѣ съ другими „Кадмъ, епископъ Боспора“, подписавшій соборныя опредѣленія [1]). Среди отцовъ второго вселенскаго собора 381 года есть уже и подпись херсонесскаго епископа Эѳерія [2]). Если Боспоръ имѣлъ своего епископа и составлялъ особую епархію уже въ началѣ IV вѣка, то необходимо предположить, что христіанство проникло въ эти предѣлы задолго до 325 года, успѣло распространиться среди населенія царства и, быть можетъ, стало господствующей религіей подъ вліяніемъ религіозной политики императора Константина Великаго. Исконныя живыя сношенія Боспора съ городами малоазіатскаго побережья указываютъ прямой путь проникновенія сюда христіанства. Древнѣйшимъ современнымъ свидѣтельствомъ о существованіи христіанства на Боспорѣ, а также и вообще на территоріи полуострова, является одна эпитафія, датированная 601 годомъ боспорской эры, т. е. 304 [3]).

Агіографическіе памятники, дошедшіе до насъ въ обработкѣ и записяхъ позднѣйшихъ вѣковъ, относятъ

---

[1]) *Gelzer,* Nomina patrum Nicaenorum. (1898), p. 56—57. [2]) *Mansi,* Coll. concil. 3, 572. [3]) *Зап. Од. Общ.* XXII (1900), Протоколы стр. 59.

появленіе христіанства въ Тавридѣ къ начальнымъ его временамъ. Такъ, сказанія о путешествіяхъ Апостола Андрея, получившія обработку въ концѣ VIII вѣка, ведутъ его черезъ Кавказъ въ Боспоръ и черезъ Ѳеодосію въ Херсонесъ на проповѣдь христіанства. Херсонесъ является, далѣе, мѣстомъ ссылки третьяго папы римскаго, св. Климента, который, по свидѣтельству легенды, сложившейся уже въ VI вѣкѣ, успѣшно проповѣдывалъ здѣсь христіанство и подвергся мученической кончинѣ отъ злого гонителя христіанства, императора Траяна. Начало христіанства въ Херсонесѣ и возникновеніе въ немъ епископской каѳедры представлено обильнымъ матеріаломъ въ житійной литературѣ. Въ относящихся сюда „житіяхъ св. епископовъ херсонскихъ“ насажденіе христіанства на этой окраинѣ имперіи отнесено ко времени императора Дюклитіана и иниціатива проповѣди христіанства приписана іерусалимскому патріарху. Несмотря на присутствіе въ этихъ житіяхъ многихъ чертъ, свидѣтельствующихъ о близкомъ знакомствѣ ихъ авторовъ съ жизнью и топографіей города, общій характеръ повѣствованія и хронологическія несообразности свидѣтельствуютъ, что эти житія возникли въ позднѣйшее время и не могутъ дать точныхъ историческихъ свѣдѣній [1]).

За полнымъ отсутствіемъ другихъ данныхъ, кромѣ позднихъ агіографическихъ памятниковъ (VII--X вѣкъ), вопросъ о началѣ христіанства въ Херсонесѣ не можетъ быть ближе разъясненъ; но и этотъ матеріалъ ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія тотъ общій фактъ, что въ началѣ IV вѣка христіанство уже прочно утвердилось въ этомъ

[1]) Критическая обработка текста житій дана акад. Латышевымъ въ *Запискахъ И. Акад. Наукъ по Ист.-фил. отд.* VIII, № 3. 1906. Въ 23 выпускѣ *И. И. А. К.* акад. Латышевъ представилъ переводъ житій херсонскихъ епископовъ по одной рукописи Моск. Синод. Библ., стр. 108—112. Въ 49-мъ выпускѣ того же изданія (1913 г.) изданъ сдѣланный прот. Кекелидзе переводъ особой редакціи того же житія, сохранившейся въ грузинской минеѣ, съ объяснительной статьей ак. Латышева.

старомъ культурномъ центрѣ южнаго побережья Тавриды. Христіанскіе датированные памятники, изъ числа найденныхъ доселѣ, не восходятъ дальше начала VI вѣка, но ихъ отсутствіе не говоритъ, конечно, ничего противъ справедливости высказаннаго положенія, и съ IV вѣка начинается, такимъ образомъ, исторія двухъ епархій на территоріи Тавриды херсонской и боспорской.

Къ тому же IV вѣку восходитъ начало третьей епархіи въ Тавридѣ—готской. Первый представитель ея, достовѣрно намъ извѣстный, былъ Унила, принявшій санъ отъ патріарха Константинопольскаго св. Іоанна Златоуста. Когда еп. Унила скончался, готскій князь обратился въ Константинополь съ просьбой поставить новаго епископа. Іоаннъ Златоустъ находился тогда въ изгнаніи (404 г.) и въ своемъ письмѣ изъ Кукуза къ Олимпіадѣ, воздавая хвалу почившему пастырю, просилъ друзей задержать назначеніе новаго епископа до его возвращенія. Предлогомъ задержки онъ совѣтовалъ выставить затруднительность зимняго плаванія на Боспоръ [1]). Очевидно, такимъ образомъ, что тѣ Готы, которымъ нуженъ былъ епископъ, имѣли свое пребываніе въ восточной части Таврическаго полуострова.

Одна недавняя (1904 г.) археологическая находка въ Керчи самымъ опредѣленнымъ образомъ засвидѣтельствовала пребываніе въ тѣхъ мѣстахъ Готовъ въ правленіе имп. Констанція (337—363 г.). Въ одной погребальной пещерѣ (катакомбѣ) обнаружено было богатое погребеніе со множествомъ вещей, преимущественно предметовъ вооруженія, того типа, за которымъ установлено въ настоящее время названіе готскаго. Тамъ же въ тайникѣ подъ порогомъ было найдено серебряное блюдо съ изображеніемъ имп. Констанція и подписью его имени [2]). Многіе изъ этихъ предметовъ на-

---

[1]) *Joan. Chrysost.*, Ep. ad Olymp. 15, 5 (*Migne*, P. G. 52, 618).
[2]) Отчетъ И. Археол. Комм. за 1904 годъ, стр. 78 и сл.

ходятся въ ближайшемъ сродствѣ по типу и орнаменту съ предметами знаменитаго клада, открытаго въ Петроссѣ и хранящагося нынѣ въ музеѣ Бухареста. Относительно Петросскаго клада давно установлена принадлежность его къ сокровищамъ готскихъ царей.

Богатство недавно открытаго въ Керчи погребенія, готскій характеръ найденныхъ въ немъ предметовъ и даты ихъ невольно ведутъ къ предположенію, что прекращеніе династіи Юліевъ Тиберіевъ совершилось подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ утвержденія владычества Готовъ на территоріи древняго Боспорскаго царства. Быть можетъ, дальнѣйшія находки позволятъ впослѣдствіи превратить это предположеніе въ прочный и доказанный фактъ.

Если таврическіе Готы состояли въ сношеніяхъ съ Іоанномъ Златоустомъ, то, значитъ, они были вѣрны православію въ ту пору, когда главная масса ихъ племени давно уже исповѣдывала аріанство, ставшее какъ бы національной религіей германскихъ племенъ и обособившее ихъ впослѣдствіи отъ туземнаго населенія имперіи на новыхъ мѣстахъ ихъ жительства въ V и VI вѣкахъ. Очевидно, христіанское исповѣданіе таврическихъ Готовъ восходитъ къ болѣе давнимъ временамъ, чѣмъ дѣятельность знаменитаго еп. Ульфилы, который, спасая себя и свою паству отъ гоненія, переселился въ предѣлы имперіи въ 348 году. Свидѣтельства церковныхъ историковъ Созомена и Филосторгія позволяютъ утверждать, что сѣмена христіанства занесены были къ Готамъ плѣнниками изъ Каппадокіи, которыхъ они увезли къ себѣ во время своихъ грабительскихъ морскихъ предпріятій во второй половинѣ III вѣка [1]). Св. Василій Великій называетъ имя одного изъ этихъ проповѣдниковъ—Евтихъ [2]). Общеніе съ туземнымъ населеніемъ Боспорскаго царства могло также оказать воздѣйствіе въ томъ же

[1]) *Migne, P. G.* 67, 949; 85, 468. [2]) id. 32, 636.

направленіи, и таврическіе Готы были и остались православными. Они обособились отъ главной массы племени подъ вліяніемъ событія мірового значенія—появленія новаго народа на аренѣ европейской исторіи, вторженія Гунновъ. Переживавшій эту эпоху историкъ Аммiанъ Марцеллинъ даетъ намъ точную дату этого событія—371 годъ[1]). Появившись огромными массами изъ степей средней Азіи, Гунны обрушились сначала на Аланъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ ними сокрушили остготскую державу Эрманриха, подчинили себѣ Остготовъ и оттѣснили ихъ на западъ отъ Поднѣпровья, разгромили Вестготовъ и вызвали переселеніе ихъ въ предѣлы имперіи, за Дунай. Незначительная часть Готовъ, принадлежавшая, вѣроятно, къ восточной вѣтви племени, т. е. Остготамъ, осталась на территоріи Тавриды и совершенно обособилась отъ своихъ соплеменниковъ. Въ сохранившемся матеріалѣ свидѣтельствъ о вторженіи Гунновъ нѣтъ упоминанія о томъ, что они проникли на полуостровъ и совершили здѣсь свое дѣло разрушенія; но болѣе чѣмъ вѣроятно, что кочевья Гунновъ простерлись и на эту территорію. Зосимъ и другіе близкіе къ нему по времени историки сохранили легенду о первомъ появленіи Гунновъ въ Европѣ, которая локализуетъ это событіе на берегахъ Боспорскаго пролива: раненый олень показалъ охотникамъ бродъ черезъ море, чѣмъ и воспользовались Гунны для переправы на европейскій берегъ[2]). Не подлежитъ сомнѣнію, что главная масса Гунновъ двигалась на западъ черезъ степи, не отклоняясь къ югу отъ общаго направленія своего пути. Но такъ какъ помянутая легенда восходитъ къ IV вѣку, то врядъ ли возможно отвергать ея свидѣтельство въ томъ смыслѣ, что уже при первомъ своемъ появленіи на территоріи Европы Гунны проникли въ прикавказскія степи и на

[1]) *Amm. Marc.* 31, 3, 1. [2]) *Zosim.* 4, 30. 3: *Jord.* Get. 25, 5; *Agath.* 5, 11.

Таврическій полуостровъ. Центры древней культуры на обоихъ берегахъ пролива, Фанагорія и Боспоръ, уцѣлѣли въ эту грозную годину и сохранили за своими стѣнами свое населеніе.

Прочное утвержденіе гуннскихъ ордъ на территоріи Таврическаго полуострова стояло, повидимому, въ связи съ тѣмъ отливомъ гуннской волны на востокъ, который совершился послѣ смерти „бича народовъ" Аттилы и крушенія его великой державы. Черезъ полуостровъ одна орда вернулась въ пріазовскія степи. Историкъ Прокопій сохранилъ свидѣтельство о столкновеніи Гунновъ съ Готами. Его описаніе мѣста этой борьбы подходитъ къ Керченскому полуострову. По его словамъ, Готы, послѣ упорнаго сопротивленія, вступили съ Гуннами въ соглашеніе и вмѣстѣ съ ними перешли на восточный берегъ пролива, гдѣ и заняли побережную территорію [1]. При имп. Юстиніанѣ они вышли на свѣтъ исторіи подъ именемъ Готовъ-Тетракситовъ. Но тотъ же Проконій знаетъ и другихъ Готовъ, удержавшихся въ горныхъ мѣстностяхъ Крыма. Они жили въ горныхъ долинахъ и имѣли свой центръ въ укрѣпленіи, носившемъ имя Доросъ (позднѣе Ѳеодоро, нынѣшній Мангупъ-кале). Болѣе чѣмъ вѣроятно, что Готовъ загнали въ горы надвинувшіяся въ Тавриду гуннскія орды. Боспоръ сохранилъ свое старое населеніе, а Готы раздѣлились на таврическихъ и тетракситовъ. Степныя пространства полуострова оказались съ тѣхъ поръ въ обладаніи гуннскихъ ордъ.

---

[1]) *Procop.* bel. goth. 4. 3, p. 479; 4, 4, p. 474—476.

VIII.

Боспоръ и Херсонъ въ теченіе IV и V вѣковъ. Керченская христіанская катакомба 491 года. Царь Діуптунъ на Боспорѣ. Отношенія Боспора къ Византіи. Юстиніанъ Великій.

Въ теченіе V вѣка на территоріи Таврическаго полуострова продолжали свое существованіе Боспорская и Херсонская епархіи. Епископы этихъ городовъ принимали участіе въ церковныхъ соборахъ. Такъ, епископъ Херсонеса Лонгинъ оставилъ свою подпись на соборныхъ актахъ 438 и 451 годовъ, а епископъ Боспора являлся на соборы 448 — въ Ефесѣ, 449 — въ Константинополѣ. Въ политическомъ отношеніи Херсонесъ сохранилъ свою зависимость отъ имперіи. Еще въ IV вѣкѣ онъ занималъ положеніе отдаленной окраины, гдѣ при случаѣ могли укрываться лица, вызывавщія противъ себя подозрѣніе со стороны верховной власти. Тамъ проживалъ нѣкоторое время родственникъ имп. Юліана Прокопій до выступленія претендентомъ противъ Валента [1]). Туда же сосланъ былъ въ 366 году за соучастіе въ дѣлѣ Проконія бывшій префектъ Константинополя Фронемій [2]). Аналогичныя свидѣтельства имѣются отъ V вѣка: въ 460 году сюда былъ сосланъ знаменитый поборникъ монофизитства, александрійскій патріархъ Тимоѳей Элуръ, который черезъ 16 лѣтъ послѣ этого былъ возвращенъ изъ ссылки на свою каѳедру [3]). Эта служба Херсонеса имперіи была возможна лишь при томъ условіи, что

---

[1]) *Zosim* 4, 5. [2]) *Amm. Marc.* 27, 10, 8. [3]) *Theoph.* p. 112: 121 *De Boor*.

тамъ находилась военная сила, являвшаяся живой связью отдаленнаго города съ центромъ государства. Прямое свидѣтельство о существованіи гарнизона въ Херсонесѣ въ концѣ IV вѣка дала эпиграфическая находка, сдѣланная въ 1905 году. Это посвятительная надпись на латинскомъ языкѣ въ честь императоровъ-соправителей, Валентиніана, Валента и Грашіана отъ солдатъ полка „баллистаріевъ“ [1]). Баллистаріи соотвѣтствуютъ нашей артиллеріи, отъ слова ballista, какъ назывались дальнобойныя метательныя орудія того времени.

При имп. Өеодосіи (379–395) были возобновлены укрѣпленія Херсонеса, о чемъ имѣется современное свидѣтельство въ одной надписи. Өеодосій и его сынъ и соправитель Аркадій названы въ ней—„наши владыки, вѣчные августы, непобѣдимые“ Въ этомъ дѣлѣ „много потрудился“ Флавій Витъ, трибунъ имперской арміи [2]). Въ 488 году, повелѣніемъ имп. Зинона, возобновлены были стѣны города и обновлена башня, о чемъ сохранила свидѣтельство современная надпись. Текстъ надписи называетъ въ концѣ, въ видѣ хронологической даты, пребываніе въ ту пору въ Херсонесѣ комита Дюгена [3]). Очевидно, это лицо и было представителемъ центральной власти на этой окраинѣ.

Что касается до Боспора, то въ теченіе V вѣка онъ стоялъ, повидимому, внѣ зависимости отъ имперіи. Но за своими стѣнами онъ хранилъ старое населеніе, сохранившее свой греческій языкъ, свою церковную связь съ Византіей, свои обычаи и традиціи своего давняго прошлаго. Съ полной опредѣленностью сказалъ намъ объ этомъ одинъ памятникъ, открытый въ 1890 году, а именно: христіанская погребальная пещера съ точной датой на одной изъ стѣнъ—788 годъ боспорской эры,

---

[1]) *И. И. А. К.* вып. 23, стр. 6. [2]) *I. P. E.* IV 464. [3]) Этой надписи посвящена спеціальная статья *Бертье-Делагардомъ, З. О. О.* XVI (1893), стр. 45 и сл.

т. е. 491 годъ нашего лѣтосчисленія. Пещера или катакомба, какъ принято называть этотъ типъ погребальныхъ сооруженій, устроена совершенно такъ, какъ дѣлали это въ I вѣкѣ нашей эры, а вѣроятно и раньше. Погребенная въ ней чета носитъ сарматскія имена: Савагъ и Фаиспарта, т. е. мы имѣемъ предъ собою несомнѣнныхъ туземцевъ, потомковъ исконнаго населенія Боспора. На стѣнахъ, изукрашенныхъ крестами типичной для V вѣка формы, расписаны красной краской надписи, причемъ буквы имѣютъ начертанія, образцы которыхъ можно найти на надписяхъ III и IV вѣковъ, несомнѣнно языческихъ. Кромѣ молитвы „Трисвятое", заканчивающейся поминаніемъ погребенной въ пещерѣ четы, на стѣнахъ написаны: краткая, сложенная въ обычномъ метрѣ молитва, не сохранившаяся въ нашемъ литургическомъ преданіи, текстъ 90-го псалма цѣликомъ и нѣсколько отдѣльныхъ стиховъ изъ псалмовъ, употребляющихся какъ прокимны въ разныхъ службахъ [1]). Въ 1895 году найдена была другая катакомба безъ даты, но, очевидно, того же времени, на стѣнахъ которой также написанъ полностью 90-й псаломъ, входящій и нынѣ въ чинъ погребенія усопшихъ [2]).

Кочевавшіе въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Боспоромъ Гунны держали, повидимому, городъ въ своей зависимости въ теченіе V вѣка. Но въ началѣ VI столѣтія дѣло измѣнилось и возстановлено было подчиненіе Боспора имперіи. Прямое свидѣтельство объ этомъ сохранилъ историкъ Прокопій, по словамъ котораго „автономные раньше Боспориты" признали надъ собой власть императора Юстина I (518—527). Быть можетъ, это событіе стояло въ связи съ тѣми сношеніями, которыя имп. Юстинъ велъ изъ Боспора съ гуннскимъ племенемъ Оногуровъ, желая привлечь изъ его среды вспомогательные

---

[1]) *Ю Кулаковскій,* Христіанская катакомба 491 года въ Керчи, Спб. 1891. (*М.* по *А. Р.*, вып. 6). [2]) *М.* по *А. Р.*, вып. 19, приложеніе.

отряды для грозившей въ ту пору имперіи войны съ Персами [1]). Около того же времени вновь существуетъ на Боспорѣ царская власть, прекратившаяся съ послѣднимъ Рескупоридомъ, современникомъ имп. Константина Великаго. Фактъ этотъ открыла намъ одна эпиграфическая находка, сдѣланная въ 1888 году [2]). Хронологическая дата сохранилась на камнѣ не вполнѣ, но съ большой вѣроятностью можно предполагать, что слѣдуетъ разумѣть 521 годъ нашей эры. Надпись свидѣтельствуетъ о сооруженіи башни, и въ началѣ ея текста стоитъ имя царя: „Тиберій Юлій Діуптунъ, другъ Кесаря, другъ Римлянъ, благочестивый“. Этотъ послѣдній эпитетъ имѣетъ уже, очевидно, новый смыслъ и относится къ христіанскому исповѣданію царя, что подтверждаетъ также изображеніе креста въ началѣ текста. Вслѣдъ за именемъ царя названы „эпархъ Исгудій“ и „комитъ Опадинъ“. Званія этихъ лицъ относятся къ византійской чиновной іерархіи, а варварскія имена ихъ не являются, по условіямъ того времени, ни въ малой степени препятствіемъ къ тому, чтобы признать въ нихъ имперскихъ чиновниковъ, несшихъ службу на этой отдаленной окраинѣ. Терминъ „комитъ“ примѣнялся въ ту пору къ тому званію, которое позднѣе называлось „коммеркіарій“, т. е. чиновникъ, завѣдывавшій сборомъ пошлинъ съ привоза и вывоза. Очевидно, Боспоръ сохранялъ свое значеніе большого рынка для торговаго обмѣна между варварскими племенами, занимавшими степи, и культурнымъ югомъ. Близкій къ тѣмъ временамъ историкъ Іорданъ сообщаетъ, что отсюда шли въ столицу мѣха, которые доставляли на Боспоръ сосѣдніе Оногуры [1]). Эта статья экспорта существовала съ давнихъ поръ и удерживалась затѣмъ въ теченіе долгихъ вѣковъ, независимо отъ смѣны кочевыхъ племенъ въ сосѣдствѣ съ побережьемъ. Еще интереснѣе другое

[1]) *Procop.* bel. Pers. I 12. [2]) *I. P. E.* II 49. [3]) *Jord.* Got. 5, 38.

сообщенiе того же Iордана, относящееся къ Херсонесу, а именно, что туда доставляли свои товары азiатскiе купцы. Существовавшiе въ теченiе вѣковъ караванные пути для товаровъ изъ глубины Азiи къ устью Танаида, на Боспоръ и въ Херсонесъ уцѣлѣли, несмотря на гуннское нашествiе и перемѣну степного населенiя. Имперiя извлекала изъ этого свои выгоды, и ея комитъ находился тогда не только въ Херсонесѣ, но и на Боспорѣ.

Новый разцвѣтъ внѣшняго могущества имперiи при Юстинiанѣ Великомъ (525—565) отразился и на жизни этихъ окраинныхъ имперскихъ владѣнiй. Въ первый годъ правленiя Юстинiана въ столицу имперiи прибылъ князь гуннской орды, кочевавшей по близости отъ Боспора, по имени Гродъ (или Горда), съ цѣлью принять христiанство. Императоръ былъ самъ его воспрiемникомъ и послѣ крещенiя, богато одаривъ своего духовнаго сына, отослалъ назадъ въ Тавриду, предоставивъ ему блюсти интересы имперiи на Боспорѣ. Какъ ревностный прозелитъ, Гродъ сталъ перечеканивать сдѣланные изъ драгоцѣнныхъ металловъ идолы на монету, чѣмъ вызвалъ неудовольствiе среди своихъ соплеменниковъ. Они возстали противъ него подъ предводительствомъ его брата Мугеля и убили его. Когда вѣсть о томъ дошла до императора, онъ послалъ военную силу на Боспоръ. Мугель былъ изгнанъ изъ Боспора, въ городѣ былъ помѣщенъ имперскiй гарнизонъ и установлена непосредственная власть императора [1]), которая простерлась и на противоположный берегъ пролива. Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ дала свидѣтельство одна недавно найденная на территорiи Таманскаго полуострова надпись, въ текстѣ которой рѣчь идетъ о сооруженiи какого-то зданiя, можетъ быть храма, при участiи имперскаго комита и трибуна имперской армiи [2]).

---

[1]) *Malal.* Chr. 430 B.; *Theoph.* Chr. 175 De Boor. [2]) *X. и. ю. P.* 98.

Прямая зависимость отъ имперіи выражалась обложеніемъ населенія податями. Но въ отношеніи этихъ отдаленныхъ мѣстностей имперія не примѣняла обшей формы поземельнаго налога. Мореходство, какъ главное занятіе туземнаго населенія, опредѣлило и форму обложенія. Херсонесъ, Боспоръ а вмѣстѣ съ ними еще и третья область, Лазика, на Кавказскомъ побережьѣ близъ устья Ріона несли морскую повинность въ натурѣ. Она называлась τὰ πλώϊμα и состояла въ поставкѣ судовъ, предметовъ оснастки и морского снаряженія. Взиманіе ея совершалось по индиктамъ, и при вступленіи новаго императора на престолъ на нее распространялись обычныя льготы. Указъ 575 года, изданный по поводу восшествія на престолъ имп. Тиберія, сохранилъ намъ память объ этой подати [1]).

Ко времени Юстиніана укрѣпленія Боспора и Херсонеса оказались въ весьма обветшавшемъ и полуразрушенномъ видѣ, и императоръ, въ заботахъ о безопасности населенія, отстроилъ заново стѣны этихъ городовъ. Жившіе по близости отъ Херсонеса Готы привлекли къ себѣ также его вниманіе. Съ цѣлью обезопасить ихъ отъ набѣговъ со стороны степняковъ, Юстиніанъ оградилъ укрѣпленіями входы въ ихъ горныя долины, а также соорудилъ два укрѣпленія на морскомъ берегу: Алустонъ и Горзувиты (н. Алушта и Гурзуфъ). Историкъ Прокопій, который сохранилъ намъ это свидѣтельство, сообщаетъ, что страна Готовъ—онъ называетъ ее Дори (Δόρυ)—хотя гориста, но не камениста и отличается большимъ плодородіемъ. Населеніе занимается земледѣліемъ и винодѣліемъ, живетъ въ открытыхъ селеніяхъ, не знаетъ и не любитъ городского быта. Состоя въ договорныхъ отношеніяхъ съ имперіей, Готы ставятъ, по требованію императора, свое ополченіе въ три тысячи человѣкъ [1]).

[1]) Novella 163, c. 2 (*Corp. Jur. Civ.* III, p. 751 Schöll).

[2]) *Procop.*, De aed. III 7, p. 262.

Обломокъ одной надписи, найденный въ 1905 году, позволяетъ утверждать, что при преемникѣ Юстиніана Юстинѣ II были возведены на Боспорѣ какія-то сооруженія. Представитель власти императора носитъ титулъ дукса, а не комита, какъ было при Юстиніанѣ, т. е. состоитъ въ высшемъ рангѣ [2]).

Заботъ императора Юстиніана удостоились также и пріазовскіе Готы—тетракситы. Узнавъ о томъ, что императоръ построилъ для Авазговъ (абхазцы) храмъ и поставилъ имъ епископа, Готы въ 21 годъ его правленія (547—48) обратились къ нему съ просьбой дать имъ епископа, и эта просьба была удовлетворена. О судьбѣ Готовъ-тетракситовъ мы ничего не слышимъ въ послѣдующее время; но, очевидно, они удерживали свою національную самостоятельность въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ, такъ какъ наше „Слово о полку Игоревѣ“ знаетъ еще о Готахъ въ Пріазовьѣ.

Рис. изъ стѣнной росписи Керченской катакомбы, открытой въ 1841 г.

[1]) *И. И. А. К.*, вып. 18, 121—123.

IX.

Авары въ черноморскихъ степяхъ. Нашествіе Турокъ. Зависимость Боспора и Херсонеса отъ имперіи въ концѣ VI вѣка. Хазары и утвержденіе ихъ власти въ восточной части Тавриды. Херсонъ въ половинѣ VII вѣка. Юстиніанъ II.

Въ ту пору, къ которой относится помянутый выше указъ императора Тиберія, собиралась надъ Боспоромъ новая гроза. Еще въ послѣдніе годы императора Юстиніана появилась въ степяхъ передняго Кавказа кочевая орда, бѣжавшая на далекій западъ изъ средней Азіи подъ вліяніемъ переворота, совершившагося въ сѣверной Монголіи, а именно объединенія тюркскихъ племенъ подъ главенствомъ великаго хана, имѣвшаго свою резиденцію въ горахъ Алтая. Бѣглецы эти назывались Авары, или Вархониты, какъ звали ихъ Тюрки. Разгромивъ Оногуровъ (они же Утургуры), кочевавшихъ въ пріазовскихъ степяхъ, а затѣмъ Кутургуровъ, занимавшихъ нынѣшнія южно-русскія степи къ западу отъ рѣки Дона и до Днѣстра, Авары прошли далеко на западъ и основали свое господство въ равнинахъ Тисы, гдѣ нѣкогда имѣлъ свою главную стоянку Аттила. Черезъ Боспоръ доходили до Византіи вѣсти о подвигахъ Аваровъ, но путь ихъ прошелъ въ сторонѣ отъ Боспора [1]). По слѣдамъ Аваровъ явились въ степи нижней Волги и Дона преслѣдовавшіе ихъ Турки. Одинъ изъ подчиненныхъ верховному хану вождей, по имени Турксанѳъ, разгромилъ Аланъ, подчинилъ себѣ Утургуровъ и въ отмще-

[1]) *Evagr.* hist. eccles. 5, 1.

ніе Византіи за союзъ съ Аварами осадилъ и взялъ Боспоръ. Менандръ сохранилъ имена вождей, которыхъ послалъ Турксанѳъ противъ Боспора: Боханъ (вѣроятно: Бука-Ханъ), предводительствовавшій Турками, и Анагей, князь Утургуровъ [1]). Событіе это относится къ 576 году. Враждебныя дѣйствія противъ союзныхъ съ имперіей племенъ и взятіе принадлежавшаго имперіи города совершились въ пору дружественныхъ сношеній между Византіей съ верховнымъ властителемъ турокъ: византійскій посолъ Валентинъ находился въ станѣ Турксанѳа, когда тотъ послалъ свои войска на осаду Боспора; онъ выслушалъ его угрозы проникнуть въ предѣлы имперіи черезъ нижній Дунай. Угрозамъ этимъ не суждено было тогда сбыться. Въ 581 году Турки угрожали Херсонесу [2]), но до взятія города дѣло не дошло, и турецкая волна скоро отхлынула. Причиной были междоусобія въ нѣдрахъ турецкой державы, длившіяся довольно долго. Верховный ханъ черезъ 20 лѣтъ послѣ помянутыхъ событій извѣстилъ императора Маврикія о возстановленіи внутренняго мира и укрощеніи всѣхъ мятежниковъ. Посольство, принесшее это посланіе въ Византію, прибыло въ 598 году [3]).

Когда окончилось турецкое нашествіе, Боспоръ оказался опять во власти Византіи. Свидѣтельство объ этомъ даетъ знаменитая надпись Евпатерія, открытая въ 1803 году. Въ ея текстѣ рѣчь идетъ объ отстройкѣ дворца (καισάριον) на Боспорѣ дуксомъ Херсона стратилатомъ Евпатеріемъ по приказу императора Маврикія въ 590 году [4]). Интересно отмѣтить, что въ этомъ памятникѣ конца VI вѣка имя города Херсонеса является въ сокращенной формѣ Херсонъ, которое, очевидно, вытѣснило къ тому времени окончательно старое имя

[1]) *Menandri* frg. c. 43, p. 64 sqq. Dindorff. [2]) *Menandri* frg c. 64, p. 125 Dind. [3]) *Theoph. Sim.* VII 7, p. 282 B. [4]) X. *н. ю. Р.* 99.

Херсонесъ. Такъ и мы будемъ называть этотъ городъ въ дальнѣйшемъ изложенiи.

Если и не сбылись угрозы Турксанѳа, то во всякомъ случаѣ нашествiе Турокъ имѣло весьма существенныя послѣдствiя. Подъ турецкой династiей объединилось одно племя, обитавшее въ степяхъ Волги и Дона еще при Аттилѣ и вышедшее на свѣтъ исторiи подъ именемъ Хазаръ. Въ кругозоръ византiйской политики Хазары вступили во время правленiя имп. Ираклiя (610—641). Подготовляя силы для своего послѣдняго похода въ Персiю, Ираклiй привлекъ къ союзу съ имперiей хазарскаго хана, и тотъ въ 627 году послалъ императору на помощь большiя силы подъ начальствомъ своего намѣстника въ закавказскiя страны. Вмѣстѣ съ хазарами Ираклiй осаждалъ Тифлисъ и, не доведя дѣла до конца, двинулся съ ними въ Ассирiю. Съ наступленiемъ зимы Хазары покинули императора, и онъ совершилъ свой славный походъ безъ ихъ помощи.

Тенденцiю къ расширенiю своего господства въ направленiи къ западу Хазары стали проявлять около половины VII вѣка. Ближайшiе сосѣди Боспора на востокѣ, Оногуры, были вынуждены признать надъ собою власть Хазаръ въ первые годы правленiя императора Константа II (642—668). Оногурами правилъ въ то время князь Батбайанъ, отецъ котораго, Курватъ, сносился съ Византiей, какъ самостоятельный властитель. Подчиненiе Оногуровъ Хазарамъ имѣло своимъ послѣдствiемъ зависимость отъ нихъ и побережныхъ культурвыхъ центровъ. Неизвѣстно, когда именно Хазары завладѣли Фанагорiей и Боспоромъ, но точно засвидѣтельствовано, что въ концѣ VII вѣка въ обоихъ этихъ городахъ сидѣли намѣстники хазарскаго хана, носившiе титулъ „тудунъ“. Власть Хазаръ простерлась и далѣе на западъ въ предѣлы полуострова, на побережье съ городомъ Сугдеей (нынѣ Судакъ); крѣпость внутри полуострова Фуллы (вѣроятно, на мѣстѣ н. Стараго Крыма) и часть горнаго

Крыма до земель, занятыхъ Готами, попали также подъ власть Хазаръ.

Херсонъ оставался въ прежнихъ отношеніяхъ къ имперіи и служилъ по старому мѣстомъ ссылки. Такъ, въ 654 году сюда былъ сосланъ римскій папа Маргинъ, въ слѣдующемъ году окончившій здѣсь свои дни. Въ письмахъ къ своимъ друзьямъ въ далекую Италію папа жаловался на дикіе нравы населенія, называя его языческимъ или обратившимся въ язычество. Жалуясь на дороговизну и недостачу жизненныхъ продуктовъ, папа Мартинъ дѣлаетъ между прочимъ интересное сообщеніе о томъ, что Херсонъ не имѣлъ своего хлѣба, а получалъ его съ противолежащаго берега моря, который зовется Романіей. Привозившія хлѣбъ суда возвращались назадъ на югъ съ грузомъ соли [1]). Такимъ образомъ, въ половинѣ VII вѣка Таврида, которая была житницей южныхъ странъ въ V вѣкѣ до Р. Х., при измѣнившихся этническихъ условіяхъ, сама нуждалась въ привозномъ хлѣбѣ, расплачиваясь за него солью.

Созданныя Хазарами отношенія предстаютъ предъ нами въ повѣствованіяхъ византійскихъ хронистовъ о приключеніяхъ, которыя пришлось пережить императору Юстиніану II, и событіяхъ послѣднихъ лѣтъ его правленія. Низложенный за свою свирѣпость и изуродованный усѣченіемъ носа, Юстиніанъ былъ сосланъ въ Херсонъ (695 г.). Не найдя поддержки у херсонцевъ въ своихъ замыслахъ воротить себѣ престолъ и опасаясь выдачи правившему тогда въ Византіи Апсимару, Юстиніанъ бѣжалъ въ крѣпость Доросъ и вступилъ оттуда въ сношенія съ хазарскимъ ханомъ. Ханъ принялъ бѣглеца, далъ ему въ замужество свою сестру и поселилъ въ Фанагоріи. Когда же Юстиніанъ имѣлъ основанія опасаться, что его выдадутъ его врагамъ въ Константинополѣ, то бѣжалъ изъ Фанагоріи, вызвалъ изъ Херсона

---

[1]) *Mansi,* Coll. Concil. X, Ep. XVI (p. 861) и XVII (p. 862).

нѣсколько вѣрныхъ друзей и при помощи болгарскаго царя Тарбела воротилъ себѣ власть (705 г.). О послѣдовавшихъ затѣмъ отношеніяхъ къ Херсону византійская лѣтопись сохранила такой разсказъ.—Пять лѣтъ спустя послѣ водворенія на царствѣ Юстиніанъ отправилъ большой флотъ въ Херсонъ подъ начальствомъ патрикія Стефана, поручивъ ему произвести экзекуцію надъ населеніемъ всей области за злые умыслы противъ него Стефанъ предалъ жестокой казни 27 знатныхъ гражданъ, перебилъ много народа, а тудуна хазарскаго и правителя города Зоила вмѣстѣ съ сорока представителями мѣстной знати отослалъ въ оковахъ въ столицу.

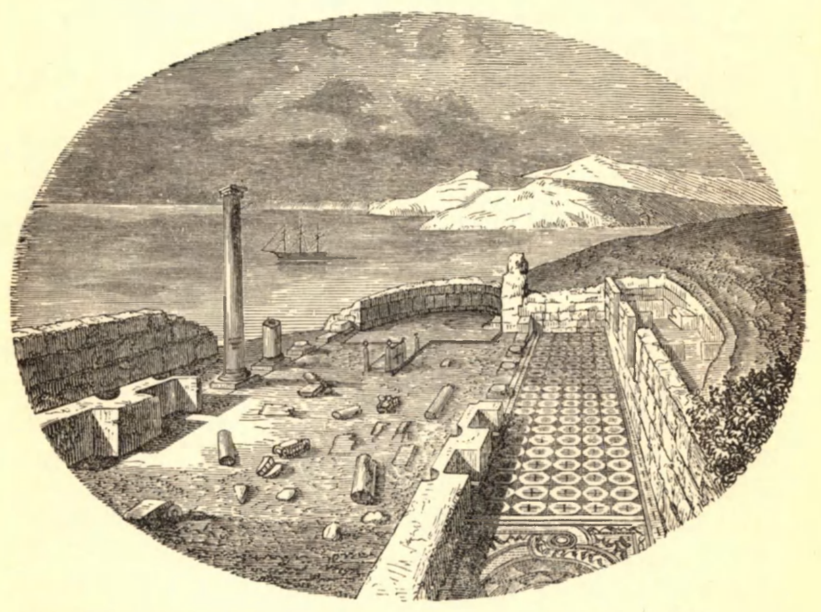
Власть въ Херсонѣ принялъ посланный для этой цѣли Юстиніаномъ сановникъ, по имени Илія. Подъ его надзоромъ находился сосланный въ Херсонъ знатный вельможа Варданъ, армянинъ по происхожденію. Византійскій флотъ отплылъ назадъ, но на обратномъ пути погибъ отъ бури. Не удовлетворившись произведенными казнями, Юстиніанъ началъ вторично снаряжать походъ противъ Херсона. Городъ сталъ готовиться къ оборонѣ, Илія и Варданъ перешли на сторону горожанъ и просили хазарскаго хана взять городъ подъ свою защиту. Между тѣмъ, Юстиніанъ отослалъ тудуна въ Херсонъ и поручилъ просить хана, чтобы тотъ заставилъ херсонцевъ выдать Илію и Вардана. На пути къ хану тудунъ умеръ; тогда Хазары перебили греческую эскорту. Между тѣмъ, херсонцы провозгласили Вардана императоромъ подъ именемъ Филиппика.

Снаряженный Юстиніаномъ флотъ подошелъ къ Херсону, и войска начали осаду города. Сначала дѣло пошло успѣшно: двѣ башни, Кентенаріійская и Синагра, были разрушены; но когда подоспѣли хазарскія войска, византійцы сняли осаду, измѣнили Юстиніану и, при участіи въ дѣлѣ хана, присягнули Вардану, который затѣмъ отплылъ въ Константинополь и низложилъ Юстиніана (711 г.)[1].

---

[1]) *Theoph.* Chr. p. 369—381; *Niceph.* Brev. 44—48. На недостовѣрность многихъ деталей этого разсказа обратилъ вниманіе

Такимъ образомъ Херсону, при помощи хазарскаго хана, пришлось сыграть видную роль въ событіяхъ внутренней исторіи имперіи. Изъ отдѣльныхъ чертъ повѣствованія видно, что городъ имѣлъ въ ту пору самоуправленіе, и стоявшій во главѣ именитый гражданинъ носилъ титулъ протевона (πρωτεύων—первенствующій). Хотя хазарскій ханъ принималъ живое участіе въ дѣлахъ города и посылалъ туда своихъ намѣстниковъ, тѣмъ не менѣе Херсонъ не былъ непосредственно включенъ въ предѣлы Хазарской державы и оставался въ зависимости отъ имперіи.

Базилика, открытая въ Херсонесѣ гр. Уваровымъ въ 1853 году.

Бертье-Делагардъ въ своей статьѣ: Надпись времени имп. Зенона (*З. О. О.* XVI, стр. 78 и сл.). Мотивъ мести Херсону за прошлое искажаетъ все повѣствованіе. Невѣроятна гибель флота съ 73 тысячами людей, избіеніе во время первой карательной экспедиціи всего взрослаго населенія херсонской области и другія детали. Не ясно въ разсказѣ и то, почему Стефанъ арестовалъ и отослалъ въ столицу ханскаго тудуна.

X.

Зависимость таврическихъ Готовъ отъ Хазаръ. Епископъ Іоаннъ Готскій и его судьба. Готская епархія въ Тавридѣ. Епископъ Стефанъ Сурожскій. Вѣрность православію таврическихъ христіанъ въ эпоху иконоборства. Пещерные монастыри.

Въ теченіе VIII вѣка Хазары находились въ непрерывной борьбѣ съ Арабами, и эта вражда являлась той почвой, на которой состоялось сближеніе Хазаръ съ имперіей. Сношенія Византіи съ Хазарами при императорѣ Львѣ были закрѣплены бракомъ наслѣдника престола, будущаго императора Константина V, съ дочерью хана, нареченной при св. крещеніи Ириной, которая прославилась впослѣдствіи своимъ благочестіемъ и заступничествомъ за св. иконы. Скрѣпленныя родственной связью добрыя отношенія между Хазарами и имперіей, по всему вѣроятію, и были причиной того, что Хазары не присоединили къ своей державѣ Херсона, и онъ остался въ прежней зависимости отъ имперіи. По прежнему онъ служилъ, какъ отдаленная окраина, мѣстомъ ссылки. Такъ, въ 785 году императоръ Левъ Хазаръ сослалъ въ Херсонъ видныхъ сановниковъ, заподозрѣнныхъ въ злыхъ умыслахъ противъ него [1]. Не посягая на Херсонъ, Хазары подчинили себѣ сосѣднюю область Готовъ, и ханъ поставилъ свой гарнизонъ въ крѣпости Доросѣ, назначивъ туда и своего тудуна. Точная дата этого событія намъ неизвѣстна, но такъ было во второй половинѣ VIII вѣка, когда епископомъ Готовъ былъ Іоаннъ.

---

[1]) *Theoph.* 451.

причтенный впослѣдствіи къ лику святыхъ. „Житіе“ св. Іоанна Готскаго, написанное между 815 и 842 годами въ Малой Азіи, даетъ цѣлый рядъ интересныхъ свѣдѣній о событіяхъ того времени.

Уроженецъ Готіи, „изъ торжища, называемаго Партениты“, св. Іоаннъ происходилъ изъ семейства, переселившагося сюда изъ Малой Азіи. Когда населеніе Готіи не пошло за своимъ епископомъ, склонившимся на сторону иконоборцевъ на соборѣ 754 года, и готскій епископъ получилъ другую каѳедру, Іоаннъ былъ посланъ въ Іерусалимъ, затѣмъ въ Грузію, гдѣ получилъ посвященіе въ епископы, и потомъ вернулся на родину. Около 787 года Готы возстали противъ Хазаръ, и во главѣ этого движенія стоялъ епископъ Іоаннъ. Готамъ удалось изгнать хазарскій гарнизонъ изъ Дороса, но вслѣдъ за тѣмъ произошло какое-то предательство, ханъ вновь овладѣлъ Доросомъ и „Клисурами“ и захватилъ въ плѣнъ епископа и князя Готіи. Послѣднему онъ даровалъ жизнь, казнивъ „17 его рабовъ, ни въ чемъ не повинныхъ“, а епископа Іоанна заточилъ въ крѣпости Фуллахъ. Ему удалось, однако, бѣжать оттуда и переправиться за море въ Амастриду, гдѣ онъ и скончался четыре года спустя. Тѣло почившаго святителя было немедленно перевезено въ Партениты и погребено въ храмѣ монастыря святыхъ Апостоловъ. „Монастырь этотъ преподобный снабдилъ всякимъ благолѣпіемъ зданій и святыхъ сосудовъ и различныхъ книгъ и помѣстилъ въ немъ множество монаховъ“ [1].

Развалины храма, сооруженнаго еп. Іоанномъ, были открыты въ 1871 году въ нынѣшнемъ Партенитѣ у подножія горы Аюдага; тамъ же въ 1884 году была найдена эпитафія игумена монастыря св. Апостоловъ аввы Никиты съ датой 903 г. [2]). Раскопки на мѣстѣ храма, про-

[1]) *Васильевскій*, Житіе Іоанна Готскаго. Рус.-визант. отрывки VII (*Ж. М. Н. П.* 1878. январь)=*Труды В. Г. Васильевскаго.* II, 351—427. [2]) Х. *и. ю. Р.* 69.

изведенныя въ 1907 году, позволяютъ предположить, что онъ погибъ отъ пожара въ концѣ X вѣка[1]. Въ XV вѣкѣ храмъ былъ вновь построенъ митрополитомъ Даміаномъ и вскорѣ затѣмъ пострадалъ во время водворенія турецкаго владычества, о чемъ придется помянуть въ дальнѣйшемъ.

Заточеніе въ Фуллахъ, которому подвергся св. Іоаннъ, имѣло чисто политическія причины. Будучи чужды религіознаго фанатизма, Хазары допускали проповѣдь христіанства въ предѣлахъ своихъ владѣній, и подъ ихъ властью—неизвѣстно въ точности, когда именно—готская епархія превратилась въ митрополію, захватившую огромную територію. Свѣдѣніе объ этомъ дано въ одномъ спискѣ епархій Константинопольскаго престола опубликованномъ въ 1891 году. Митрополичьей каѳедрой въ этомъ спискѣ является Доросъ, столица Готіи и готскому митрополиту подчинено семь епископовъ. Три изъ нихъ носятъ имена по народностямъ: Хоциры, Оногуры, Гунны, а четыре по именамъ городовъ: Хвала, Ретегъ, Таматарха и Астиль. Относительно именъ Хвала и Ретегъ возможны только догадки; что же до двухъ другихъ, то Таматарха—будущая русская Тмутаракань, а имя Астиль обозначало рѣку Волгу, а также и столицу Хазаръ (Итиль по другимъ источникамъ). Каѳедра Хоцирская пояснена въ этомъ спискѣ именемъ Χαρασίου т. е. Карасу, южный притокъ Салгира, на которомъ расположенъ нынѣ городокъ Карасубазаръ[2].

Долго ли существовала готская митрополія въ такихъ широкихъ предѣлахъ, неизвѣстно. Но этотъ фактъ былъ возможенъ, пока хазарскій ханъ еще не принялъ іудейства, и не стала слабѣть и умаляться его держава.

---

[1]) *Рѣпниковъ*, Партенитская базилика. *И. И. А. К.*, вып. 32. 91—140. [2]) *Ю. Кулаковскій*, Къ исторіи Готской епархіи въ Крыму въ VIII вѣкѣ *(Ж. М. Н. Пр.*, 1898, февраль).

Въ перiодъ хазарскаго господства въ Крыму начинается для насъ исторiя Сугдеи (Сурожъ древней Руси, нынѣ Судакъ). Въ XIII вѣкѣ жители этого города считали его существованiе съ 212 года по Р. Х. Но вся предшествующая исторiя города покрыта для насъ глубокимъ мракомъ, и мы лишь знаемъ, что въ половинѣ VIII вѣка въ Сугдеѣ имѣлъ свою каѳедру епископъ Стефанъ, видный противникъ иконоборства, обязанный своимъ спасенiемъ Иринѣ, женѣ императора Константина Копронима, о которомъ есть упоминанiе въ житiи Iоанна Готскаго. Въ паствѣ еп. Стефана были и Хазары. Въ его житiи помянутъ Юрiй Тарханъ, намѣстникъ (тудунъ) хазарскаго хана, который отличался „приверженностью къ святому закону" и „послушанiемъ" св. Стефану [1]). По всему вѣроятiю, Хазара слѣдуетъ признать въ „рабѣ Божiемъ Тамганѣ", скончавшемся въ 819 году, эпитафiя котораго на мраморномъ столбѣ хранится нынѣ въ Ѳеодосiйскомъ музеѣ, куда онъ перенесенъ изъ разрушенной нынѣ мечети [2]).

Св. Iоаннъ Готскiй и св. Стефанъ Сурожскiй были борцами за православiе въ той великой смутѣ религiозной жизни VIII вѣка, которая извѣстна подъ именемъ иконоборства. За иконы крѣпко стояли и паствы этихъ святителей. Защитники иконъ, подвергаясь тяжкому гоненiю въ столицѣ имперiи и Малой Азiи, знали о вѣрности православiю въ странахъ „Евксинопонта". Свидѣтельство объ этомъ сохранилось въ одномъ агiографическомъ памятникѣ, составленномъ въ Константинополѣ въ первые годы IX вѣка, а именно въ житiи св. Стефана Новаго, который свою вѣрность иконопочитанiю запечатлѣлъ мученической смертью въ 765 году. Въ бесѣдахъ съ вѣрными св. Стефанъ указывалъ на мѣстности, гдѣ почитатели иконъ могли найти убѣжище отъ

---

[1]) *Васильевскiй*, Рус.-Визант. изслѣдованiя, II (текстъ житiя и изслѣдованiе)=*Труды В. Г. Васильевскаго*, I, 297—350. [2]) *Х. н. ю. Р.* 75.

УСПЕНСКІЙ МОНАСТЫРЬ (Альбомъ Кюгельгена, рис. 4).

гоненій, а именно: области Евксинскаго моря, епархія Зихіи, города Никопсія, Боспоръ, Херсонъ и область Готіи; далѣе—южная Италія, нижняя Ликія и острова Средиземнаго моря [1]). И монахи вняли совѣту Стефана: одни отплыли на Евксинскій понтъ, другіе на Кипръ, третьи въ Римъ. „Монашество было словно уведено въ плѣнъ, и Византія осиротѣла“. Извѣстно, что преслѣдованіе монашества, особенно твердо стоявшаго за почитаніе иконъ, имѣло своимъ послѣдствіемъ большую эмиграцію монаховъ изъ Константинополя и Малой Азіи, и указаніе житія св. Стефана Новаго является лишь составленнымъ послѣ событія точнымъ историческимъ свидѣтельствомъ о совершившемся. Относительно эмиграціи въ Италію и множества возникшихъ тогда греческихъ монастырей имѣются многочисленныя современныя свидѣтельства. Что же касается Тавриды, то прямымъ подтвержденіемъ правильности сообщенія житія св. Стефана является то обстоятельство, что знаменитый поборникъ иконопочитанія св. Ѳеодоръ Студитъ († 826 г.) находился въ живыхъ сношеніяхъ съ представителями церковной іерархіи въ Тавридѣ, и въ числѣ его писемъ имѣется одно, обращенное къ епископамъ, жившимъ въ изгнаніи въ Херсонѣ [2]). Въ другомъ письмѣ, адресованномъ „архимандриту Готіи“, св. Ѳеодоръ даетъ разъясненія по поводу жалобъ относительно разнаго рода нестроеній и несогласій въ средѣ монашествуюшихъ и поучаетъ на счетъ правилъ монашескаго образа жизни и монастырскаго устава [3]). Очевидно, среди множества монаховъ, находившихъ пріютъ въ Тавридѣ, были люди, не стоявшіе на высотѣ своего подвига и вызывавшіе своимъ поведеніемъ раздоры и соблазнъ.

Слѣды непосредственныхъ сношеній благочестивыхъ византійцевъ того времени съ южнымъ побережь-

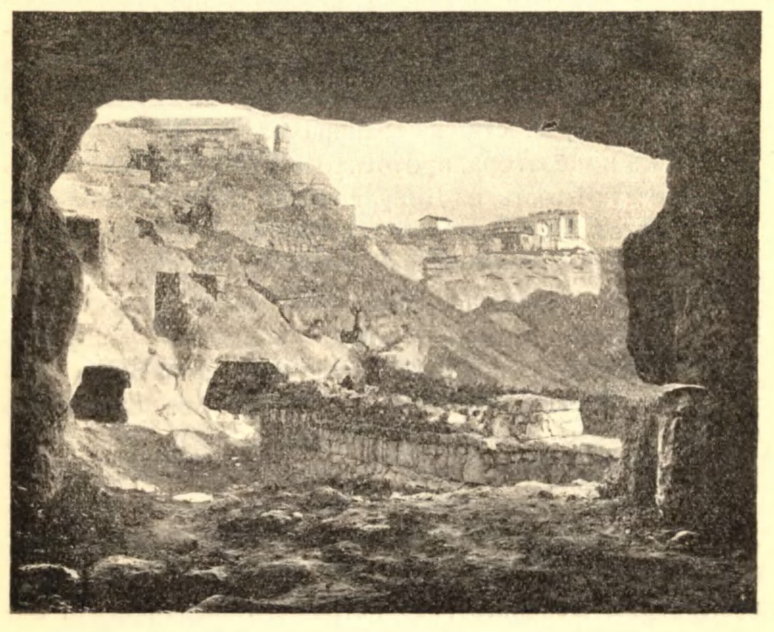
[1]) *Migne*, P. G. 100, p. 1117. [2]) ib. 99, p. 1344. [3]) Ib. ep. 164, p. 1520—21.

емъ Тавриды очевидны также у Епифанія, жившаго въ концѣ VIII или началѣ IX вѣка, въ его обработкѣ сказаній о путешествіи апостола Андрея по сѣвернымъ странамъ. Помянувъ о посѣщеніи ап. Андреемъ Боспора, Епифаній дѣлаетъ замѣчаніе, что и самъ онъ былъ въ этомъ городѣ и видѣлъ тамъ „ковчегъ, имѣющій надпись Симеона апостола, закопанный въ основаніи храма св. Апостоловъ". Изъ Боспора Епифаній ведетъ ап. Андрея въ Θеодосію и отмѣчаетъ, что въ настоящее время нѣтъ тамъ и слѣда человѣческаго. Ссылаясь на свидѣтельство насчетъ Херсона, онъ говоритъ о посѣщеніи ап. Андреемъ этого города и даетъ отъ себя такую характеристику его населенія: „Народъ коварный и до нынѣшняго времени тугъ на вѣру, лгуны и поддаются влеченію всякаго вѣтра" [1].

Весьма вѣроятно, что къ эпохѣ монашеской эмиграціи относится возникновеніе тѣхъ пещерныхъ монастырей, остатки которыхъ сохранились донынѣ въ разныхъ мѣстахъ горнаго Крыма. Одни изъ нихъ расположены на отдѣльныхъ скалахъ, какъ то: Шулданъ, Мармара близъ деревни Шулю, Качи-Кальонъ, Тепе-Керменъ, скала по близости отъ Сюйренской башни, другіе находились въ городахъ, а именно: Черкесъ-Керменъ, Мангупъ-кале, или по близости отъ городского поселенія, каковы пещеры въ скалахъ Инкермана и на противолежащемъ склонѣ Сапунъ-горы, а также въ ущельѣ, ведущемъ къ Чуфутъ-кале, въ предмѣстьѣ Бахчисарая Салачикѣ (возстановленный въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія Успенскій монастырь). Немногіе эпиграфическіе тексты, сохранившіеся кое-гдѣ на стѣнахъ пещеръ, а также изсѣченныя въ скалѣ изображенія креста относятся ко временамъ болѣе позднимъ и свидѣтельствуютъ о томъ, что эти монастыри расширялись и украшались въ XII—XV вѣкахъ и позднѣе. Можетъ быть, многіе

[1]) *Migne,* P. G. 120, p. 284. *Васильевскій,* Хожденіе Апостола Андрея въ странѣ Мирмидонянъ. *Труды В. Г. В.* II, 213—295.

изъ нихъ и возникли уже въ это время. Но начало пещерножительства, какъ типа монастыря, можно все-таки отнести къ эпохѣ иконоборства и монашеской эмиграціи въ Тавриду. Основаніемъ для такого предположенія является сходство въ типѣ, которое можно констатировать между крымскими сооруженіями этого рода и тѣми, какія имѣются въ южной Италіи и Сициліи. Эти послѣднія сооружены монахами, бѣжавшими съ востока. Они принесли съ собой свой типъ пещерножительства, процвѣтавшій въ Малой Азіи. Такіе же эмигранты, направлявшіеся на сѣверное побережье Чернаго моря, могли занести его и въ горы южнаго берега Крыма. По условіямъ мѣста и характеру горной породы, онъ привился здѣсь и переданъ былъ отсюда на Днѣстръ, а можетъ быть и въ Кіевъ.

Видъ на городъ Чуфутъ-Кале изъ сосѣдней пещеры.

XVI.

Сооруженіе крѣпости Саркела для Хазаръ. Херсонская ѳема. Открытіе въ Херсонѣ мощей св. Климента Константиномъ-философомъ. Появленіе Руси на Черноморскомъ побережьѣ.

Господство Хазаръ, державшееся въ черноморскихъ степяхъ и Тавридѣ въ теченіе VIII вѣка, продолжалось и въ IX-омъ. Но держава ихъ слабѣла подъ напоромъ другихъ тюрскихъ племенъ, прорывавшихся съ востока и искавшихъ себѣ новыхъ земель. Необходимость охраны границъ своихъ кочевій побудила хана обратиться къ императору Ѳеофилу съ просьбой о сооруженіи крѣпости на границахъ. Въ 839 году родственникъ императора, протоспаѳарій Петрона выстроилъ Хазарамъ крѣпость на Дону, которая была названа Саркелъ (Бѣлая Вѣжа русской лѣтописи). Мѣстоположеніе этого города доселѣ не удалось точно констатировать, несмотря на старательные розыски многихъ изслѣдователей, интересовавшихся этимъ вопросомъ. Саркелъ долго служилъ опорнымъ пунктомъ хазарскаго владычества въ черноморскихъ степяхъ и промежуточной станціей между столицей ихъ державы на нижней Волгѣ и приморскими владѣніями на территоріи Тавриды.

Пребываніе Петроны въ тѣхъ мѣстахъ и ознакомленіе на мѣстѣ съ тамошними отношеніями имѣло важныя послѣдствія для Херсона. По совѣту Петроны императоръ Ѳеофилъ распространилъ на городъ и его область тотъ типъ военнаго управленія, который сложился къ тому времени въ имперіи: образована была

новая ѳема съ стратигомъ во главѣ [1]). Самоуправленіе съ выборными властями изъ туземцевъ не было упразднено, но надъ нимъ сталъ непосредственный органъ власти императора. Сосѣдняя Готія высвободилась, повидимому, изъ-подъ непосредственной власти Хазаръ-- съ какого времени, это остается неизвѣстнымъ,—и вошла въ ѳему Херсона, получивъ названіе „готскихъ климатовъ". Со времени Ѳеофила держался въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ этотъ порядокъ управленія окраинной областью имперіи, и въ археологическомъ матеріалѣ имѣются печати цѣлаго ряда стратиговъ херсонской ѳемы.

Привычное къ самостоятельности населеніе Херсона не всегда жило въ мирѣ съ представителемъ центральной власти: подъ 892 годомъ у византійскихъ хронистовъ занесено извѣстіе о томъ что херсонцы убили своего стратига Симеона [2]). Чѣмъ вызвано было это событіе и какія имѣло послѣдствія,—для выясненія этихъ вопросовъ не имѣется никакихъ данныхъ въ сохранившихся источникахъ.

Въ 60-хъ годахъ IX вѣка въ Херсонѣ совершилось событіе, широко огласившееся въ христіанскомъ мірѣ и дошедшее до самаго Рима, для котораго оно имѣло особое значеніе. Разумѣемъ открытіе мощей св. Климента, третьяго преемника ап. Петра на епископскомъ престолѣ Рима.

Легенда о томъ, что мѣстомъ ссылки св. Климента былъ Херсонъ, гдѣ онъ претерпѣлъ мученическую кончину, сложилась за нѣсколько вѣковъ до открытія его мощей Константиномъ-философомъ. Она повѣствовала также и о чудѣ, совершающимся на гробѣ святого: въ день его памяти народъ и священники плывутъ на лодкахъ къ тому мѣсту, гдѣ покоятся святыя мощи; когда

---

[1]) *Constant. Porphyrogen.* De admin. imp. c. 42. [2]) *Leo gramm.* p. 268; *Symeon mag.* Migne. P. G. 109, p. 701.

они приплываютъ туда, море отступаетъ на 6 миль, и на мѣстѣ гдѣ находится гробница, раскидываются шатры, сооружается алтарь и въ теченіе восьми дней служатся литургіи. Господь совершаетъ много чудесъ: изгоняются бѣсы, а если кто изъ одержимыхъ прикоснется къ якорю, орудію мученической кончины святого, то тотчасъ получаетъ исцѣленіе. Въ такомъ видѣ записана эта легенда въ одномъ памятникѣ, восходящемъ къ VI вѣку [1]). Она была извѣстна Константину-философу, и своимъ пребываніемъ въ Херсонѣ онъ воспользовался для розысковъ мѣста упокоенія св. Климента.

Въ письмѣ одного современника этого событія, библіотекаря Анастасія (написано между 875 и 879 г.), даны нѣкоторыя живыя подробности открытія мощей, а также и свѣдѣнія о положеніи Херсона въ ту пору. По свидѣтельству Анастасія, Херсонъ непосредственно граничилъ съ хазарской землей, со всѣхъ сторонъ его тѣснили язычники, населеніе его казалось „скорѣе жителями тюрьмы, чѣмъ города“, такъ какъ они не смѣли изъ него выходить. Часть херсонской земли совсѣмъ запустѣла, въ разрушеніе пришелъ и тотъ храмъ, расположенный не подалеку отъ города, въ которомъ находились мощи св. Климента. Разспросы Константина-философа у мѣстныхъ жителей относительно чудеснаго отлива моря отъ этого храма не приводили къ выясненію мѣстонахожденія храма, такъ какъ чудо давно уже перестало совершаться, а самый городъ заселяли „не туземцы, а пришельцы изъ разныхъ варварскихъ народовъ, даже лютые разбойники“. Епископомъ Херсона былъ въ ту пору Георгій, а неподалеку отъ города пребывалъ находившійся въ изгнаніи епископъ Смирнскій Митрофанъ, котораго туда сослалъ патріархъ Фотій. Обрѣтеніе мощей совершилось при участіи въ поискахъ

---

[1]) *Описаніе Святой Земли Ѳеодосія* (Палестинскій Сборникъ, вып. 28, 1881, стр. 5—6).

епископа Георгія и всего херсонскаго населенія, такъ какъ всѣхъ сумѣлъ одушевить Константинъ-философъ. Анастасій узналъ о подробностяхъ этого дѣла какъ отъ еп. Митрофана, такъ и отъ самаго Константина-философа [1]).

Въ житіи Константина-философа подробно разсказано объ открытіи мощей св. Климента. Послѣ усердной молитвы къ Богу, Константинъ взошелъ на корабль вмѣстѣ съ епископомъ Херсона и клиромъ. Приплывши къ острову, онъ обошелъ его со свѣтильниками и приступилъ къ разрытію развалинъ храма, гдѣ и были обрѣтены мощи и якорь—орудіе смерти мученика. Ковчегъ съ мощами былъ отнесенъ на корабль и перевезенъ съ пѣснопѣніями на берегъ. Правитель города вышелъ на встрѣчу, и мощи были положены въ церкви св. Созонта, стоявшей вблизи города; затѣмъ ихъ отнесли въ церковь св. Леонтія, а оттуда, взявши ковчегъ съ мощами, обошли весь городъ и положили ихъ въ главной церкви города, св. Софіи [2]).

Въ Казачьей бухтѣ въ 12 верстахъ отъ Херсона есть маленькій островокъ, на которомъ обнаружены въ раскопкахъ 1890 года, произведенныхъ А. Л Бертье-Делагардомъ, стѣны фундамента и части бѣломраморнаго пола небольшой церкви. Это единственный островокъ на побережьѣ Херсона, и такъ какъ на немъ несомнѣнно была церковь, разстояніе отъ города подходитъ къ тому, о которомъ идетъ рѣчь въ житіи (къ полудню Константинъ-философъ прибылъ на островъ, а къ вечеру вернулся въ городъ), то болѣе чѣмъ вѣроятно, что именно здѣсь и совершилось открытіе мощей св. Климента. Тотъ храмъ, развалины котораго открыты здѣсь въ настоящее время, воздвигнутъ, вѣроятно, уже послѣ открытія мощей. Около него находился монастырь, какъ можно заключить по фундаментамъ

[1]) *Зап. Акад. Наукъ,* 72 (1893), кн. I, № 6. *Ягичъ.* [2]) Legenda Italica. Vita cum translatione S. Clementis. *Acta Sanct.* Martii II 19—21.

раскопанныхъ тамъ построекъ, окружавшихъ храмъ. Храмъ на островѣ близъ Херсона, несомнѣнно, существовалъ въ XIII вѣкѣ. Его видѣлъ Рубрукъ, проѣзжавшій въ 1253 году на суднѣ изъ Константинополя въ Сугдею. Въ описаніи своего путешествія онъ поминаетъ объ островѣ близъ Херсона и о церкви на островѣ, которая, по разсказамъ жктелей, была построена руками ангеловъ на мѣстѣ, гдѣ пострадалъ св. Климентъ. Рубрукъ не заѣзжалъ въ Херсонъ, и, очевидно, церковь была въ хорошемъ видѣ, если ее можно было видѣть съ моря [1]).

Константинъ-философъ посѣтилъ Херсонъ на пути къ Хазарамъ, куда онъ былъ посланъ императоромъ Михаиломъ по просьбѣ хана. Послѣ пребыванія у Хазаръ и пренія объ истинной вѣрѣ онъ вернулся въ Херсонъ, а по пути вступилъ въ борьбу съ почитаніемъ деревьевъ „въ Фульстѣ языцѣ", гдѣ срубилъ огромный дубъ, предметъ культа туземцевъ, и проповѣдывалъ среди нихъ слово Божіе. Уѣзжая изъ Херсона назадъ въ Константинополь, Константинъ увезъ съ собою мощи св. Климента, которыя впослѣдствіи были доставлены въ Римъ, гдѣ и покоятся до нынѣ въ базиликѣ, посвященной имени этого святого.

Хотя житіе просвѣтителей Славянъ говоритъ о блестящемъ успѣхѣ ихъ въ преніи о вѣрѣ, но на дѣлѣ поѣздка ихъ не имѣла желанныхъ послѣдствій, такъ какъ хазарскій ханъ обратился въ іудейство, которое и стало исповѣданіемъ правящаго рода и ближайшихъ къ нему вельможъ. Обращеніе въ іудейство не сдѣлало Хазаръ нетерпимыми въ религіозномъ отношеніи, но во всякомъ случаѣ оно должно было ослабить ту близость, которая существовала раньше между ними и православной Византіей. Хазары продолжали оставаться господствующимъ народомъ въ восточной части сѣвернаго побе-

[1]) *Бертье-Делагардъ,* Раскопки Херсонеса. Матеріалы по археологіи Россіи. Вып. 12 (1893), стр. 58.

СТАРЫЙ КРЫМЪ (Альбомъ Иванова, Е, рис. 79).

режья Чернаго моря, но уже въ первой половинѣ IX вѣка сталъ проникать съ далекаго сѣвера на югъ къ морю новый, невѣдомый дотолѣ, врагъ въ лицѣ „дикаго народа Руси". Въ житіи св. Георгія Амастридскаго дошло до насъ первое по времени свидѣтельство о морскомъ походѣ Руси на южное побережье Чернаго моря. Произведя страшные разбои на поморьѣ, Русскіе дошли до Амастриды, гдѣ и ограбили гробницу св. Георгія. Но отъ его мощей совершилось чудо, устрашившее варваровъ и побудившее ихъ возвратить награбленные и взятые предметы христіанскаго культа и воротиться назадъ [1]). Въ житіи св. Стефана Сурожскаго сохранилось такое же извѣстіе о разбойничьихъ подвигахъ Руси на Таврическомъ побережьѣ. Князь Бравлинъ изъ Новгорода подвергъ грабежу все побережье отъ Херсона до Боспора, который названъ уже Керчью. Въ Сугдеѣ Русскіе ограбили церковь, въ которой былъ погребенъ св. Стефанъ, и его гробницу. Вождь грабителей былъ пораженъ за это тяжкой болѣзнью и, чтобы избавиться отъ нея, воротилъ всѣ награбленныя святыни, возложилъ ихъ на гробницу святого Стефана, получилъ исцѣленіе и отступилъ отъ города [2]). Легендарный характеръ подробностей, которыми изукрашены повѣствованія объ этихъ событіяхъ, не лишаетъ историческаго значенія самую ихъ сущность, а именно: появленіе Руси на берегахъ Чернаго моря за нѣсколько десятковъ лѣтъ до знаменитаго похода на Царьградъ въ 865 году при императорѣ Михаилѣ III и патріархѣ Фотіи.

---

[1]) Житіе Георгія Амастридскаго, гл. 43 (*Васильевскій*, Русско-византійскія изслѣдованія. Вып. II, Петерб., 1893, стр. 66). [2]) Житіе Стефана Сурожскаго, гл. 31 (*Васильевскій*, о. с., стр. 100—101).

XII.

Мадьяры въ черноморскихъ степяхъ. Вытѣсненіе ихъ Печенѣгами. Сношенія Византіи съ Печенѣгами. Торговый путь по Днѣпру. Отношенія имперіи къ Херсону. Походъ великаго князя Владиміра въ Тавриду.

Съ постепеннымъ упадкомъ хазарскаго могущества измѣнялись этническія отношенія въ степяхъ черноморскаго побережья. Новыя племена тюркской расы прорывались съ востока черезъ область хазарскихъ кочевій и, занимая мѣстности къ западу отъ нихъ, создавали новыя опасности для культурнаго міра. Тюркская орда, объединившая подъ своей властью племена финской народности, занимала въ IX вѣкѣ своими кочевьями приднѣпровскія степи. То были Мадьяры, или Турки, какъ звали ихъ византійцы. Они состояли въ живыхъ сношеніяхъ съ Боспоромъ, куда доставляли на продажу рабовъ и гдѣ покупали ткани и одежды, доставлявшіяся изъ Византіи [1]). Ихъ встрѣтилъ на своемъ пути къ Хазарамъ Константинъ-философъ и едва не попалъ въ плѣнъ. Въ концѣ IX вѣка императоръ Левъ Мудрый сумѣлъ воспользоваться Мадьярами для борьбы съ Болгарами; но оказанная ими помощь имперіи имѣла для нихъ тяжкія послѣдствія: Болгары, въ отместку Мадьярамъ, возстановили противъ нихъ Печенѣговъ, которые двинулись изъ своихъ зауральскихъ кочевій и заставили Мадьяръ искать новаго мѣктожительства далѣе на западъ, а сами заняли все пространство степей отъ Дона до Дуная [1]).

---

1) Ибнъ-Руста (=Даста). *Хвольсонъ*, Извѣстія о хазарахъ, буртасахъ, стр. 26; 121. 2) *Constant. Porphyr.* De admin. imp. c. 40.

Въ половинѣ X вѣка, когда писалъ императоръ Константинъ Порфирородный, это событіе имѣло уже полувѣковую давность, и успѣли уже сложиться извѣстныя отношенія между дикой ордой и культурнымъ побережьемъ. Херсонъ былъ для Печенѣговъ рынкомъ для сбыта сырыхъ продуктовъ—императоръ Константинъ называетъ кожи и воскъ—и обмѣна ихъ на прозведенія ремесла и искусства. Ближайшее къ Херсону колѣно Печенѣговъ состояло въ договорѣ съ имперіей и несло службу въ сношеніяхъ Византіи и Херсона съ другими народами сѣвера. Посольства и караваны отправлялись изъ Херсона подъ охраной Печенѣговъ, которые выдавали заложниковъ въ обезпеченіе безопасности пути, а за эти услуги получали подарки отъ императора. Изъ Тавриды было два пуги на сѣверъ: одинъ черезъ перешеекъ, другой—по Арабатской стрѣлкѣ; оба они были въ рукахъ Печенѣговъ, и царственный писатель дѣлаетъ замѣчаніе, что Печенѣги были къ Боспору еше ближе, чѣмъ къ Херсону. Торговыя сношенія съ Кіевомъ имѣли въ ту пору постоянный характеръ, и императоръ Константинъ далъ описаніе торговаго пути, который шелъ по степямъ лѣваго берега Днѣпра до переправы въ мѣстности, называвшейся Краріи. Описаніе Константина настолько подробно, что является возможность дать точную локализацію Крарія: это Кичкасъ (нынѣ нѣмецкая колонія Эйнлаге). Ниже Крарія лежалъ островъ, носившій имя св. Георгія (нынѣ Хортица). Вѣроятно, тамъ была церковь или часовня во имя этого святого, которую поддерживали плававшіе по Днѣпру греческіе купцы. Отъ Крарія на сѣверъ путь шелъ уже по лѣвой сторонѣ Днѣпра[1]). Археологическія находки въ Чиги-

[1]) *Constant. Porph.*, De admin. imp. c. 9, p. 77.—Въ весьма интересномъ, но доселѣ не уясненномъ съ исторической стороны памятникѣ конца X вѣка, такъ наз. „Запискѣ Готскаго топарха", описанъ этотъ путь въ бурную зимнюю пору.

ринскомъ и Каневскомъ уѣздахъ Кіевской губерніи позволяютъ утверждать, что торговый путь по Днѣпру существовалъ задолго до X вѣка, и вѣроятно много раньше начала нашей эры.

Поддерживая сношенія съ сѣверомъ, Херсонъ велъ обширную торговлю моремъ съ побережьемъ Малой Азіи и столицей имперіи. Мореходство было главнымъ занятіемъ населенія. Предметами вывоза были продукты степного хозяйства, стекавшіеся въ Херсонъ, и соль, а съ юга херсонесцы получали хлѣбъ, вино, сукна, перецъ, предметы ремесла и искусства. За свои услуги горожане получали отъ императора десять фунтовъ золота и еще двѣ „по уговору“. Въ совѣтахъ своему сыну императоръ Константинъ давалъ указаніе, какимъ способомъ можно заставить смириться Херсонъ, если бы жители города задумали отложиться или выйти изъ воли императора: слѣдуетъ захватить всѣ херсонскіе корабли, находящіеся въ гавани Константинополя, и наложить оковы на экипажъ; переловить и привести въ столицу всѣ ихъ корабли съ малоазіатскаго побережья и воспретить плаваніе въ Херсонъ изъ портовъ Малой Азіи, съ которыми онъ ведетъ торговлю. Лишенный подвоза, Херсонъ долженъ будетъ смириться [1]). Очевидно, херсонцы проявляли свой буйный духъ въ тѣ времена, если императоръ Константинъ счелъ нужнымъ включить такой совѣтъ въ наставленія своему сыну.

Весьма важнымъ для благосостоянія населенія Херсона промысломъ были рыбныя ловли въ низовьяхъ и устьѣ Днѣпра. Свидѣтельство объ этомъ сохранено въ договорѣ Византіи съ вел. княземъ Игоремъ отъ 945 года. Въ особой статьѣ было оговорено обязательство Руси не причинять обидъ херсонскимъ рыболовамъ. Самыя мѣстности указаны весьма точно: устье Днѣпра, Бѣлобережье (Ахиллово ристалище, нынѣ Тендра) и островъ

[1]) *Constant. Porphyr.* De admin. imp. c. 58.

св. Ельферія[1]). Русскіе обязывались не оставаться на зимовку въ тѣхъ мѣстахъ и оберегать Корсунскую землю отъ набѣговъ сосѣднихъ варваровъ, которые названы въ договорѣ „черными болгарами“. Нѣкогда мощная и дружественная имперія хазарская держава ослабла въ ту пору подъ напоромъ новыхъ Тюркскихъ племенъ изъ Зауралья и усиливавшейся мощи русскихъ князей. Херсонъ и сосѣдняя съ нимъ Готія, носившая тогда имя „Готскихъ климатовъ“, искали и сами поддержки отъ „могущественнаго князя сѣверныхъ областей“. Свѣдѣнія объ этомъ для второй половины X вѣка сохранены въ одномъ фрагментарномъ источникѣ, который въ современной ученой литературѣ носитъ имя „Записки Готскаго топарха“[2]). Астрономическое указаніе въ этомъ текстѣ истолковано въ недавнее время въ смыслѣ указанія на декабрь 962—январь 963 года. Авторъ отрывковъ подробно разсказываетъ о своемъ путешествіи въ зимнюю пору, описываетъ видъ замерзшаго Днѣпра—повидимому, въ мѣстности Крарійской переправы—и позволяетъ намъ догадываться, что его переговоры съ кіевскимъ княземъ имѣли цѣлью обезпечить его протекторатъ надъ Готскими климатами, которые тогда терпѣли всякія обиды отъ дружественныхъ нѣкогда Хазаръ. Весьма вѣроятно, что въ связи съ этими сношеніями Готскаго топарха съ великимъ княземъ Святославомъ стоитъ его походъ на Хазаръ и взятіе ихъ крѣпости Бѣлой вежи (965 годъ).

Мирныя сношенія Руси съ византійскими владѣніями въ Тавридѣ были рѣзко нарушены въ 988 году, когда великій князь Владиміръ ополчился на Херсонъ, заво-

[1]) По локализаціи, предложенной акад. Латышевымъ,—Кинбурнская коса (*Ж. М. Н. Пр.* 1899, май=ΠΟΝΤΙΚΑ, 284—297).

[2]) Послѣдняя по времени работа объ этихъ отрывкахъ принадлежитъ г. *Вестбергу, Виз. Врем.* XV (1910), 71—132; 227—288. Г. Вестбергу принадлежитъ заслуга выясненія астрономическаго указанія и тѣмъ самымъ хронологіи.

евалъ всю Корсунскую землю, осадилъ и взялъ самый городъ [1]). Поводы и мотивы этого предпріятія остаются неясными, но самое событіе сохранено въ описаніи, отличающемся такой точностью указаній на топографическія подробности, что въ немъ виденъ современникъ и свидѣтель этой достопамятной осады. Изъ обширной литературы по вопросу объ осадѣ Владиміромъ Херсона позволимъ себѣ указать на прекрасное изслѣдованіе А. Л. Бертье-Делагарда, который оживилъ свидѣтельства преданія какъ своимъ близкимъ и непосредственнымъ знакомствомъ съ мѣстностью, такъ и яснымъ представленіемъ о военныхъ условіяхъ и средствахъ того времени [2]).

Послѣдствія взятія Корсуни Владиміромъ были громадны по своему значенію для судебъ Руси въ грядущемъ. Заключивъ союзъ съ имперіей, Владиміръ принялъ христіанство, женился на сестрѣ императоровъ и отступился отъ своихъ завоеваній „за вѣно" своей супруги. Херсонскій епископъ и священники сопровождали его на обратномъ пути въ Кіевъ, чтобы приступить къ просвѣщенію русской земли свѣтомъ христіанства. Когда религія объединила Русскихъ съ Греками, культурное воздѣйствіе Херсона на Приднѣпровье стало болѣе живымъ и непосредственнымъ. Изъ Херсона шли въ Россію предметы христіанскаго культа и разнаго рода издѣлія изъ драгоцѣнныхъ металловъ, предметы роскоши и украшенія. Археологическія находки, сдѣланныя не только на территоріи Кіева и Кіевской земли, но и далекаго Новгорода, Рязани и другихъ мѣстъ, ясно говорятъ о торговомъ значеніи Херсона для Руси тѣхъ временъ.

Если Владиміръ честно исполнилъ договоръ и очистилъ Корсунскую землю, которая невозбранно остава-

[1]) Лаврентьевская лѣтопись, изд Археограф. Комм. 1872 г., стр. 106. [2]) „Какъ Владиміръ осаждалъ Корсунь". *Изв. Отд. русск. яз. и слов. И. Акад. Наукъ.* XIV (1909), 241—307.

лась ѳемой Византійской имперіи въ дальнѣйшіе вѣка, то, тѣмъ не менѣе, въ его владѣніи оказалось поморье близъ Боспорскаго пролива въ мѣстностяхъ, которыя прежде принадлежали Хазарамъ. Морскіе походы Руси въ IX вѣкѣ направлялись черезъ Боспорскій проливъ. Оттуда ходилъ на Царьградъ въ 941 году Игорь, туда же бѣжалъ онъ послѣ своей неудачи. Остается доселѣ неяснымъ, когда Русскіе прочно обосновались на побережьѣ. Но великій князь Владиміръ послѣ своей смерти въ 1015 году оставилъ своему младшему сыну Мстиславу Тмутараканскій удѣлъ, т. е. нынѣшій Таманскій полуостровъ. Быть можетъ, утвержденіе русскаго господства въ тѣхъ мѣстахъ стоитъ въ связи съ сношеніями Владиміра съ Византіей въ годъ его смерти о совмѣстномъ походѣ противъ Хазаръ. Походъ этотъ дѣйствительно состоялся, хотя онъ и не занесенъ въ русскую лѣтопись, въ 1016 году. По сообщенію византійскихъ хронистовъ, Хазары были разбиты, и въ первомъ сраженіи былъ взятъ въ плѣнъ ихъ предводитель, по имени Цулъ [1]). Упоминаніе объ этомъ событіи слишкомъ кратко, но рѣчь идетъ о морскомъ походѣ, а потому и можно догадываться, что театромъ военныхъ дѣйствій было побережье Азовскаго моря.

---

[1]) *Cedren.* II 462 B.

XIII.

Тмутараканскій удѣлъ. Присоединеніе Сугдеи къ Херсонской ѳемѣ. Надпись князя Глѣба 1068 года. Половцы въ черноморскихъ степяхъ. Ихъ сношенія съ моремъ. Отношенія Херсона къ Византіи и Руси. Инокъ Евстратій. Возстановленіе зависимости Боспора и Тмутаракани отъ Имперіи. Появленіе Итальянцевъ въ Черномъ морѣ. Географъ Эдризи.

Тмутараканскій удѣлъ былъ расположенъ въ предѣлахъ нынѣшняго Таманскаго полуострова, т. е. охватывалъ территорію, которая нѣкогда составляла область Готовъ-тетракситовъ и затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій входила въ предѣлы хазарской державы. Одновременно съ утвержденіемъ Руси въ Тмутаракани прекратилась зависимость отъ Хазаръ и восточной половины Таврическаго полуострова. Крымскіе Готы, сохранявшие и подъ властью Хазаръ своего національнаго князя, какъ видно изъ сообщеній житія св. Іоанна Готскаго и одного мѣста въ письмѣ св. Ѳеодора Студита, не состояли подъ властью Хазаръ уже давно, быть можетъ со времени организаціи Херсонской ѳемы при императорѣ Ѳеофилѣ. Что же до мѣстностей далѣе къ востоку съ городами Сугдеей и Фуллами, то здѣсь, повидимому, возстановилась власть византійскаго императора. Прямое свидѣтельство о томъ, что Сугдея входила въ предѣлы Византійской ѳемы, дано въ одной херсонской надписи отъ 1059 года, въ которой названъ „стратигъ Херсона и Сугдеи“, по имени Левъ Аліатъ [1]). Весь-

[1]) *X. н. ю. Р.* 8.

ма интересно отмѣтить, что Боспоръ не названъ въ титулѣ стратига. Отсюда слѣдуетъ сдѣлать заключеніе, что въ ту пору власть императора не распространялась на Боспоръ. Такъ какъ стоитъ внѣ сомнѣнія, что хазарское господство на полуостровѣ прекратилось, то является вѣроятность, что Боспоръ подпалъ власти русскихъ князей, сидѣвшихъ на Тмутараканскомъ удѣлѣ. Въ нашихъ лѣтописныхъ упоминаніяхъ о Тмутаракани нельзя найти указаній на то, чтобы западный берегъ пролива входилъ въ предѣлы этого княжества; тѣмъ не менѣе подчиненіе его князю Тмутаракани болѣе чѣмъ вѣроятно. Условія объединенія обоихъ береговъ даны въ самыхъ условіяхъ природы: оба берега слишкомъ близки, чтобы жить особою жизнью, и тотъ промыселъ, который испоконъ вѣка держится въ проливѣ, рыболовство, дѣлаетъ невозможнымъ разграниченіе жизненныхъ интересовъ населенія обоихъ береговъ. За распространеніе власти русскаго князя на западный берегъ говоритъ и текстъ извѣстной надписи князя Глѣба отъ 1068 года о томъ, что онъ „мѣрилъ море по леду отъ Тъмутороканя до Кърчева“ [1]. Въ такомъ же смыслѣ даетъ свидѣтельство одна вещественная находка, сдѣланная неподалеку отъ Еникале, а именно печать съ надписью „отъ Ратибора“. Человѣкъ этого имени былъ посадникомъ князя Всеволода въ Тмутаракани [2]. Указаніе въ томъ же смыслѣ можно извлечь изъ разсказа о событіи, отмѣченномъ въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1066 годомъ, а именно: корсунскій котопанъ отравилъ медленнымъ ядомъ князя Ростислава Владиміровича. Возмущенные этимъ злодѣяніемъ херсонцы побили камнями своего котопана [3]. Хотя лѣтописный разсказъ ничего не говоритъ о мотивахъ этого гнуснаго убійства,

[1] Мраморъ съ надписью кн. Глѣба былъ найденъ въ Тамани въ концѣ XVIII вѣка и хранится въ Эрмитажѣ. [2] Труды Кіев. Арх. Съѣзда, II, 165—169, статья Люценко. [3] Лаврентьевская лѣтопись, стр. 162.

но дѣло слѣдуетъ, очевидно, понимать такъ, что этотъ предпріимчивый и воинственный князь внушалъ страхъ своимъ сосѣдямъ, и котопанъ пришелъ къ мысли устранить его во избѣжаніе опасности. Такимъ образомъ, если и нѣтъ прямого свидѣтельства о подчиненіи Боспора Русскимъ, то во всякомъ случаѣ цѣлый рядъ косвенныхъ указаній приводитъ къ убѣжденію, что въ теченіе XI вѣка Русскіе владѣли обоими берегами Боспорскаго пролива и сосѣдили съ Херсонской ѳемой имперіи въ мѣстностяхъ между Сугдеей и Боспоромъ. Къ этому времени относится, по всему вѣроятію, утвержденіе торговыхъ сношеніи Руси съ Сугдеей, которыя держались затѣмъ въ теченіе столѣтій.

Около половины XI вѣка совершилось большое передвиженіе кочевыхъ ордъ тюркскаго племени въ степяхъ черноморскаго побережья. Печенѣги, съ которыми успѣли сложиться опредѣленныя отношенія у населенія Херсона, передвинулись на западъ и перешли всей массой своего племени за Дунай въ предѣлы Болгаріи, которая не была уже самостоятельнымъ государствомъ и составляла единое цѣлое съ имперіей. Появленіе Печенѣговъ въ нынѣшней Добруджѣ имѣло послѣдствія чрезвычайной важности, и созданная ими новая опасность для имперіи повліяла на ходъ событій міроваго значенія: начало перваго крестоваго похода. Въ черноморскихъ степяхъ Печенѣговъ смѣнили враждовавшіе съ ними сородичи ихъ—Половцы, извѣстные у западныхъ историковъ подъ именемъ Кумановъ. Они остались въ обладаніи территоріи отъ Дона до Дуная въ теченіе столѣтія, до появленія на ихъ мѣсто Татаръ. Смѣна кочевниковъ не отразилась, повидимому, на положеніи Херсона и другихъ поморскихъ культурныхъ мѣстностей. Половцы пользовались Херсономъ, какъ рынкомъ для сбыта невольниковъ и сырыхъ продуктовъ своего хозяйства и пріобрѣтенія тѣхъ издѣлій и продуктовъ, которыми могъ снабдить ихъ культурный центръ,

имѣвшій достаточно времени, чтобы приспособиться къ потребностямъ и вкусамъ кочевого населенія. Одно извѣстіе отъ половины XII вѣка говоритъ намъ о дани, которую взимали Половцы съ городовъ побережья. Быть можетъ, то была не дань, а откупъ отъ угрозы грабежа во время ихъ набѣговъ. Существенно повліяли Половцы на судьбу русскихъ владѣній на Боспорѣ. Они явились грозной и могучей преградой для сношеній Руси съ Тмутараканью. До конца XI вѣка русскимъ князьямъ удавалось пробиваться черезъ половецкія вѣжи до береговъ синяго моря, но подъ 1094 годомъ въ нашей лѣтописи въ послѣдній разъ помянута Тмутаракань, а въ послѣдующее время походы воинственныхъ князей Сѣверщины не достигали мѣстностей дальше Дона и Донца, путь къ морю былъ закрытъ и остался такимъ на долгіе вѣка, Пѣвецъ Слова о Полку Игоревѣ знаетъ о томъ, что готскія дѣвы звенятъ русскимъ золотомъ, онъ помнитъ Тмутараканскаго болвана, но это золото проходило черезъ руки Половцевъ и близъ „болвана“ не могъ уже водрузить свой стягъ русскій князь, чтобы оттуда возстановить бранную славу Мстислава и Ростислава ..

За время существованія Тмутараканскаго удѣла Херсонская ѳема продолжала невозбранно свое сущесгвованіе, находясь подъ властью назначаемыхъ изъ Византіи стратиговъ. Одинъ изъ нихъ, помянутый выше Левъ Аліатъ, оставилъ по себѣ память возстановленіемъ укрѣпленій города при императорѣ Исаакѣ Комнинѣ въ 1059 году. Свидѣтельство объ этомъ сохранила помянутая уже надпись: „Сооружены желѣзныя ворота преторія, возобновлены и прочія ворота“. О сношеніяхъ Херсона съ Тмутараканью имѣется лишь прнведенное выше извѣстіе лѣтописи объ отравленіи князя Ростислава корсунскимъ „котопаномъ“ въ 1066 году. Преступное дѣло котопана имѣло своимъ послѣдствіемъ возстаніе противъ него населенія Херсона: онъ былъ побитъ кам-

нями. Повидимому, бунтъ противъ котопана обратился въ возстаніе противъ императора, такъ какъ императоръ Михаилъ обращался съ просьбой о помощи противъ Корсунянъ къ великому князю Всеволоду. Тотъ послалъ усмирить Херсонъ своихъ сыновей, тмутараканскаго князя Глѣба и Владиміра, тогда еще 20-лѣтняго юношу [1]). Самъ Всеволодъ собирался предпринять походъ противъ Херсона, но за смертью императора Михаила этотъ походъ не состоялся.

Живой торговый обмѣнъ Херсона съ Половцами дѣлалъ его рабовладѣльческимъ рынкомъ, куда попадали русскіе плѣнники. Опредѣленное свидѣтельство объ этомъ сохранилось въ печерскомъ патерикѣ съ точной датой событія, а именно: 1096 годъ. Инокъ Кіево-Печерской лавры Евстратій попалъ въ числѣ многихъ другихъ, плѣненныхъ Половцами, въ руки евреевъ, производившихъ торговлю людьми въ Херсонѣ. По его уговору плѣнники уморили себя голодомъ, но привычный къ посту инокъ не умеръ и былъ подвергнутъ мучительной смерти, какъ виновникъ убытка, который понесъ торговецъ невольниками [2]).

Являвшіеся въ Херсонъ для торговыхъ цѣлей Половцы не прочь были вмѣшаться въ дѣла Византіи, которой они оказали такую огромную услугу истребленіемъ Печенѣговъ въ 1091 году. Въ томъ же году въ Херсонъ былъ сосланъ одинъ самозванецъ, выдававшій себя за Константина, сына императора Романа Діогена. Ему удалось вступить въ сношенія съ Половцами, пріѣзжавшими въ городъ изъ своихъ степей, и онъ бѣжалъ съ ними. Князья половецкіе, съ Тугорканомъ во главѣ, приняли въ немъ участіе и вознамѣрились посадить его на отчій престолъ. Въ 1095 году предприняли они боль-

---

[1]) *Васильевскій*, Рус.-виз. отр. *Ж. М. Н. П.* 1875, декабрь, 292—96. —*Труды В. Г. В.* II 28—34). [2]) *Яковлевъ*, Памятн. рус. лит. XII и XIII в.в. (1878), 93—95.

шой походъ за Дунай, который однако, окончился несчастливо для самозванца: онъ попалъ въ плѣнъ, былъ ослѣпленъ, и его роль тѣмъ закончилась, а Половцы долго еще грабили и разоряли прибалканскія области [1]).

Почти столѣтнее господство Русскихъ на берегахъ боспорскаго пролива было преходящимъ эпизодомъ въ жизни тѣхъ странъ. Культурное населеніе городовъ Тмутаракани и Корчева поддерживало связи съ столицей имперіи, въ обоихъ городахъ были епископскія каѳедры съ автокефальными архіепископами, числившимися въ спискахъ Константинопольскаго патріархата и принимавшими участіе въ церковной жизни того времени. Естественно поэтому, что наслѣдіе русскихъ князей должно было перейти къ византійскому императору. Объ этомъ говоритъ печать „боспорскаго стратига Аркадія", единственный, впрочемъ, извѣстный доселѣ памятникъ въ этомъ родѣ [2]). Болѣе опредѣленное свидѣтельство имѣется отъ 1169 года, когда императоръ Мануилъ Комнинъ регулировалъ отношенія съ новой культурной силой, которая появилась въ Черномъ морѣ, Генуэзской республикой. Онъ разрѣшилъ Генуэзцамъ, заходить во всѣ порты, кромѣ двухъ: Таматарха и Россія [3]). Первое имя и есть византійское названіе для Тмутаракани; что же до второго, то врядъ ли возможно сомнѣніе, что подъ нимъ разумѣется древній Боспоръ, русскій Корчевъ. Мотивы запрета не указаны въ текстѣ договора, но ихъ не трудно отгадать: главный торгъ рыбой шелъ изъ Азовскаго моря черезъ проливъ, и императоръ не желалъ предоставить эту важную часть ввоза изъ сѣверныхъ странъ генуэзскимъ купцамъ, сберегая ее для Грековъ.

---

[1]) *Anna Comnena* X, p. 271 (самозванецъ ошибочно названъ Львомъ). Русская лѣтопись подъ 6603 годомъ. *Васильевскій*. Рус.-виз. отр. I (*Ж. М. Н. П.* 1875, декабрь, 301=*Труды В. Г. В.* II 39—40). [2]) *Revue des Etudes grecques,* 1889, 251. [3]) *Miklosich et Müller,* Acta et dipl. gr. medii aevi, III, p. 35.

Договоръ 1169 года является первымъ свидѣтельствомъ о распространеніи генуэзской торговли въ Черное море. Но, по всему вѣроятію, непосредственное знакомство Итальянцевъ съ этими странами восходитъ къ болѣе давнему времени. Сдѣлать такое утвержденіе позволяютъ данныя, которыя включилъ въ свой трудъ арабскій географъ Эдризи (или Идризи), писавшій въ Сициліи около 1154 года. Въ его описаніи черноморскаго побережья читаемъ слѣдуюшее: „Отъ Карсуны до Джалиты въ странѣ Кумановъ 30 миль, отъ Джалиты до Гарзуни, цвѣтущаго приморскаго города, 12 миль, оттуда до Бартабити, небольшого, но хорошо населеннаго города, гдѣ строятся суда, 10 миль; оттуда до Лабады, прекраснаго города, 8 миль, отъ Лабады до Шалусты, важнаго приморскаго города, 10 миль, оттуда до Шалтатіи близъ моря 20 миль, оттуда до Бутатръ (или Ютаръ) 20 миль, отъ Бутара до устья Русской рѣки 20 миль; оттуда до Матархи 20 миль. Матарха весьма древній городъ, а имя его основателя неизвѣстно. Матарха окружена воздѣланными полями и виноградниками; цари ея весьма отважны, мужественны, предпріимчивы и весьма грозны сосѣднимъ народамъ. Городъ этотъ густо населенъ и весьма цвѣтущъ; въ немъ бываютъ ярмарки, на которыя стекается народъ изъ всѣхъ близкихъ и дальнихъ краевъ“ [1]). Страну, къ которой принадлежитъ это побережье, Эдризи называетъ Хазаріей. Подъ этимъ именемъ узнали Таврическій полуостровъ Итальянцы и удержали его затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ своего господства въ Черномъ морѣ. Упоминаніе о воинственности князей Матархи является далекимъ отголоскомъ бранной славы тмутараканскихъ князей.

[1]) Géographie d'Edrisi, trad. par *Joubert.* II 400—401; русскій переводъ этого отрывка приведенъ въ статьѣ *Гаркави:* Крымскій полуостровъ до монг. нашествія въ арабской литературѣ. (Труды Казанск. Арх. Съѣзда, II, 244). Жоберъ транскрибируетъ имена иначе: Бутеръ и Бутра, Солдадія и Керсона.

Тексты арабскихъ писателей представляютъ всегда не мало затрудненій въ дешифровкѣ географическихъ именъ, и отдѣльные издатели не рѣдко транскрибируютъ ихъ различнымъ образомъ. Этому обшему положенію подлежитъ, конечно, и текстъ Эдризи. Обходя эти детали, замѣтимъ однако, что локализація названныхъ у Эдризи городовъ не представляетъ затрудненія: онъ разумѣетъ, очевидно: Херсонъ, Ялту, Гурзуфъ, Партенитъ, Ламбатъ, Алушту, Сугдею. Неяснымъ остается имя города Бутаръ; вѣроятно, подъ нимъ скрывается Боспоръ или Корчевъ. Подъ „устьемъ Русской рѣки“ Эдризи разумѣетъ Керченскій нроливъ, древнѣйшій выходъ Русскихъ на просторъ Чернаго моря. Данныя Эдризи, очевидно, не восходятъ къ какому-нибудь древнему периплу, которые сохранялись въ литературномъ преданіи Византіи; его источникъ—живой и современный: показанія моряковъ, плававшихъ въ тѣхъ отдаленныхъ странахъ и искажавшихъ на свой ладъ современныя имена городовъ, которыя они слышали изъ устъ туземцевъ. Керсона, Джалита, Шалтадія выдаютъ Итальянцевъ, такъ какъ на всѣхъ позднѣйшихъ итальянскихъ картахъ значатся близкія къ этимъ названія.

XIV.

Латинская имперія въ Византіи. Зависимость Херсонской ѳемы отъ Трапезунтской имперіи. Появленіе Татаръ въ черноморскихъ степяхъ. Епископъ Ѳеодоръ Аланскій. Сугдея подъ властью Татаръ. Торговыя сношенія Сугдеи съ южными странами и Русью.

Въ началѣ XIII вѣка Византія пережила великій переворотъ: тронъ греческихъ императоровъ заняли западные рыцари, и на развалинахъ греческой имперіи водворилась латинская. Побережье Чернаго моря теперь еще свободнѣе раскрылось для торговыхъ оборотовъ итальянскихъ республикъ, не связанныхъ уже болѣе въ этихъ предѣлахъ условіями договора съ императоромъ. Тѣмъ не менѣе Херсонская ѳема осталась греческой и вошла въ удѣлъ трапезунтскихъ Комниновъ. Свидѣтельство объ этомъ сохранилось въ одномъ агіографическомъ памятникѣ, именно въ словѣ Лазаря Трапезунтскаго о чудесахъ св. Евгенія. Въ немъ разсказанъ слѣдующій эпизодъ. Намѣстникъ Иконійскаго султана Рейсъ Етума захватилъ въ Синопѣ корабль, который везъ императору ежегодныя подати отъ Херсона и Готскихъ климатовъ. Корабль направлялся въ Трапезунтъ, но буря загнала его въ Синопу, находившуюся во владѣніи султана, который затѣмъ послалъ вооруженныя суда въ Херсонъ и опустошилъ всю страну [1]). Это обстоятельство и послужило поводомъ къ войнѣ между Греками и Турками въ 1223 году.

---

[1]) *Johannis Lazaropuli* Miracula s. Eugenii (*Пападопуло-Керамевсъ,* Сборникъ по ист. Трапезунтской имперіи. 1897), стр. 117.

ѲЕОДОСІЯ (Альбомъ Иванова, В, рис. 25).

Слабость Трепезунтской имперіи и затруднительность сообщенія по морю, на которомъ плавали теперь и Турки, создавала возможность для Херсона высвободиться изъ-подъ зависимости преемниковъ Византійскаго императора. Если же этого не случилось, то, очевидно, таврическіе Греки цѣнили свое единеніе съ имперіей и имѣли отъ этой связи какія-либо реальныя выгоды и существенные интересы.

Въ то самое время, когда Трапезунтскій императоръ находился въ войнѣ съ Иконійскимъ султаномъ, черноморскія степи стали вновь ареной событій міроваго значенія: совершилось нашествіе Татаръ. Предупредивъ возможность союза Аланъ, Половцевъ и Русскихъ, Татары разбили ихъ порознь, и несчастная битва на Калкѣ была грознымъ предзнаменованіемъ будущаго. Татары проникли тогда же и на Таврическій полуостровъ, испыталъ ихъ нашествіе и городъ Сугдея. Краткая современная запись объ этомъ событіи, сохранившаяся въ Сугдейскомъ синаксарѣ, даетъ только самый фактъ[1]. Полнѣе говоритъ объ этомъ одинъ арабскій источникъ[2]. Онъ сообщаетъ, что многіе жители бѣжали отъ Татаръ въ горы, куда спасали также и свое имущество, иные уѣхали моремъ на побережье Малой Азіи. Татарская волна схлынула тогда, и лишь черезъ 14 лѣтъ опять появились Татары и взяли въ прочное обладаніе черноморскія степи. Подъ 1238 годомъ помянуты въ Сугдейскомъ синаксарѣ „безбожные" Татары и „миріархъ Толактемиръ", подъ 1239 г. 26 декабря приходъ Татаръ[3]. Арабскій источникъ даетъ болѣе опредѣленное свѣдѣніе о томъ, что грабежу и разоренію подверглись тогда же и другіе города крымскаго побережья.

---

[1]) *Арх. Антонинъ,* Замѣтки XII—XV вѣка, относящіяся къ Сугдеѣ, приписанныя на греческомъ синаксарѣ. *З. О. О.* V 495—623, № 23. [2]) *Тизенгаузенъ,* Матеріалы по исторіи Золотой Орды. 1, 26 (Ибнэльассиръ). [3]) *Арх. Антонинъ,* о. с., №№ 11 и 10.

Подъ 1249 годомъ Сугдейскій монахъ записалъ объ „очищеніи“ города отъ Татаръ и одновременно съ тѣмъ о переписи населенія, произведенной „севастомъ“, — „и оказалось восемь тысячъ триста человѣкъ“ [1]). Населеніе умѣло приспособиться къ постигавшимъ его бѣдамъ. Оно сохранило свои святыни, поддерживало сношенія съ патріархомъ, имѣло смѣнявшихся на епископской каѳедрѣ пастырей, праздновало дни памяти мѣстныхъ святыхъ, обновляло старые храмы, сооружало новые, созидало монастыри и киновіи. Начавшееся еше съ давнихъ поръ воздѣйствіе на варваровъ, сказывавшееся уже во времена епископства св. Стефана, продолжалось и теперь: имена священниковъ, монаховъ и мірянъ, сохранившіяся въ записяхъ лѣтописца въ синаксарѣ, говорятъ о принадлежности ихъ носителей къ тюркской народности: Анна, дочь Ачипая († 1273), Чолакъ († 1279), монахъ Аладжи († 1288), Кутлуцъ († 1307), Василій Туркманъ († 1318), Токтемиръ († 1320), Чименъ, сынъ Ямгурче, родственникъ Оракчи († 1344), Чохача († 1379) и др. Иногда христіанскія имена сопровождаются указаніемъ на татарскую національность: Іоаннъ христіанинъ Татаринъ († 1276), Параскева Татарка христіанка († 1275) и др.

О другихъ городахъ побережья мы не имѣемъ такихъ свѣдѣній, какія сохранилъ Сугдейскій синаксарь о жизни этого города отъ XII до XV вѣка. Но въ церковной письменности есть одинъ памятникъ, заключающій въ себѣ весьма интересныя свѣдѣнія о Херсонѣ и Боспорѣ отъ 1240 года, а именно: Посланіе епископа Аланскаго Ѳеодора [2]). Этотъ пастырь, достигнувъ предѣловъ своей паствы въ горахъ передняго Кавказа, разсказалъ въ своемъ посланіи къ патріарху исторію своего

---

[1]) ib. № 104 (у арх. Антонина ошибка въ переводѣ: 308 тыс.).

[2]) *Migne,* P. G. 140. Русскій переводъ этого памятника помѣщенъ мною въ *З. О. О.* XXI.

путешествія и постигшихъ его злоключеній въ пути и на мѣстѣ. Къ сожалѣнію, его сообщенія, изложенныя въ весьма риторическомъ тонѣ, обличающемъ въ немъ человѣка весьма образованнаго въ духѣ того времени, заключаютъ въ себѣ много неопредѣленнаго и загадочнаго.

Еп. Ѳеодоръ принялъ посвященіе въ санъ отъ патріарха въ Никеѣ, гдѣ тотъ имѣлъ тогда свою каѳедру, и отправился моремъ на сѣверъ. Преслѣдуемый какимъ-то врагомъ, онъ былъ насильственно высаженъ въ Херсонѣ. Тамъ онъ нашелъ защитника, но тотъ не могъ его отстоять. Въ городѣ началось какое-то волненіе и извнѣ грозила какая-то опасность. Случай помогъ еп. Ѳеодору бѣжать изъ Херсона, и онъ нашелъ убѣжище у проживавшихъ по близости отъ города Аланъ. Эти послѣдніе принадлежали къ паствѣ херсонскаго епископа, но были лишены всякаго духовнаго руководства, и Ѳеодоръ, войдя въ ихъ нужды, взялъ на себя заботу о нихъ. Между тѣмъ, междоусобное волненіе въ Херсонѣ обратилось на того самаго человѣка, который былъ врагомъ Ѳеодора, и лишь бѣгство спасло его отъ неминуемой гибели. Херсонскій епископъ усмотрѣлъ въ дѣятельности Ѳеодора умаленіе своихъ пастырскихъ правъ и привлекъ его на судъ, гдѣ Ѳеодору пришлось испытать разныя оскорбленія. Среди зимы Ѳеодоръ со своими спутниками отправился далѣе на востокъ морскимъ путемъ и съ большими затрудненіями достигъ Боспора. Но странникамъ не дано было разрѣшенія высадиться на берегъ. Несмотря на усиленныя просьбы горожанъ, властитель Боспора не согласился дозволить отцу еп. Ѳеодора соединиться со своей паствой (очевидно, онъ былъ назначенъ епископомъ Боспора). Изъ Боспора путники направились далѣе на востокъ и высадились гдѣ-то на кавказскомъ берегу. Отецъ Ѳеодора остался здѣсь „среди небольшого числа Аланъ“, а самъ Ѳеодоръ послѣ 60-дневнаго путешествія, сопровождавша-

гося различными затрудненіями, достигъ предѣловъ своей паствы. Оттуда онъ и написалъ свое слезное посланіе патріарху.

Сообщенія еп. Ѳеодора, какъ и его злоключенія, довольно загадочны и не поддаются точному выясненію. Яснѣе остального та внѣшняя опасность, которая грозила Херсону. Въ 1239 году Сугдея подверглась нашествію Татаръ; отъ того же врага могла угрожать опасность и Херсону. Не пытаясь здѣсь разгадывать остального, остановимся лишь на важномъ свѣдѣніи о томъ, что по близости отъ Херсона жили Аланы „столько же по своей волѣ, сколько и по желанію херсонцевъ, словно нѣкое огражденіе и охрана". Остается неяснымъ, съ какихъ поръ жили Аланы въ тѣхъ мѣстахъ, но во всякомъ случаѣ очевидно, что они были тамъ не исконнымъ населеніемъ, а сравнительно новымъ. Если они служили „огражденіемъ" для Херсона, то, очевидно, занимали какой-нибудь сильный пунктъ, По сообщенію арабскаго географа Абульфеды (†1331 г.), въ крѣпости Киркъ-іерѣ (нынѣ Чуфутъ-кале) жили Асы, т. е. Яссы русской лѣтописи, или Аланы [1]). Это свидѣтельство подтверждается и однимъ позднѣйшимъ татарскимъ сообщеніемъ о взятіи Киркъ-іера послѣ упорнаго сопротивленія, которое оказали Асы, гяуры по религіи [2]). Такимъ образомъ, показаніе еп. Ѳеодора имѣетъ полную историческую достовѣрность: Аланы составляли часть населенія горнаго Крыма въ XIII вѣкѣ. Проникновеніе Аланъ на территорію Крыма относится, вѣроятно, къ очень давнимъ временамъ, и весьма возможно, что они именно составляли туземное населеніе въ тѣхъ предѣлахъ, гдѣ возникъ городъ Сугдея и лежала хазарская крѣпость Фуллы.

---

[1]) Géographie d'Aboulféda trad. par. Reinaud, II, I, 319. Свѣдѣнія объ Аланахъ сопоставлены въ моемъ изслѣдованіи: Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ и византійскихъ писателей. Кіевъ 1899. [2]) Приведено у *Смирнова,* Крымское ханство, стр. 104.

Татары утвердили свою власть на побережьѣ. Морской берегъ отъ Кафы до Сугдеи былъ въ ихъ непосредственномъ владѣніи, и центромъ ихъ сношеній по морю съ южными странами стала Сугдея. Она сохранила свое греческое населеніе, которое пользовалось самоуправленіемъ подъ главенствомъ сановника, именовавшагося „севастомъ“, но платила дань хану. Когда въ 1253 году прибылъ въ Сугдею изъ Константинополя посолъ короля Людовика Святого Рубрукъ (Рубруквисъ, Руисбрекъ), городскія власти, capitanei, были въ ту пору въ отсутствіи: еще зимою отправились они къ хану Батыю для уплаты дани. Константинопольскіе купцы, знакомые съ мѣстными условіями, дали совѣтъ французскому посольству на счетъ способовъ передвиженія по степямъ, предложивъ имъ обзавестись для перевозки вещей крытыми телѣгами съ воловыми упряжками, „въ коихъ Русскіе перевозятъ свои мѣха“. Это послѣднее замѣчаніе служитъ интереснымъ свидѣтельствомъ о живомъ торговомъ обмѣнѣ Руси съ поморьемъ въ тѣ времена. Когда въ 1263 году посѣтило Сугдею и Солхатъ посольство египетскаго султана Бейбарса, то современный арабскій писатель оставилъ замѣтку, что населеніе Солхата состояло изъ Кипчаковъ, Русскихъ и Аланъ [1]). О торговыхъ сношеніяхъ Руси съ Сугдеей въ тѣ времена имѣется и русское свидѣтельство отъ 1288 года. Въ описаніи погребенія князя Владиміра Васильевича Галицкаго лѣтописецъ сообщаетъ, что его оплакивали, вмѣстѣ съ другими иноземцами, также и Сурожане [2]). По поводу посольства Бейбарса интересно отмѣтить, что посредниками въ сношеніяхъ Мамелюковъ съ Кипчаками были аланскіе купцы, находившіеся въ Египтѣ. Такимъ образомъ, господство Татаръ не только не умалило торговаго значенія Сугдеи, но расширило ея рынокъ. Пользуясь этой гаванью и извлекая доходы изъ торговыхъ

---

[1]) *Тизенгаузенъ,* о. с. I, 38. [2]) Ипатьевская лѣтопись, стр. 605.

оборотовъ этого города, Татары заботились о безопасности сугдейскихъ купцовъ. Такъ, въ 1281 году императоръ Михаилъ Палеологъ въ договорѣ съ золотоордынскимъ ханомъ подписалъ обязательство не задерживать купцовъ изъ Сугдеи и давалъ обѣщаніе не отбирать невольниковъ, какіе будутъ съ ними, за исключеніемъ, однако, того случая, если это будутъ христіане [1].

Каменная баба, найденная близъ д. Мирзабекъ Евпаторійскаго у.

[1]) *Тизенгаузенъ*, о. с. 541.

XV.

Итальянцы въ Тавридѣ. Кафа во владѣніи Генуэзцевъ. Отношенія къ Татарамъ. Римско-католическіе епископы въ Тавридѣ. Свидѣтельства Ибнбатуты о Сугдеѣ и Керчи. Утвержденіе Генуэзцевъ въ Сугдеѣ и ея округѣ. Предоставленіе имъ Готіи. Солхатъ. Армяне въ Тавридѣ.

Ко времени татарскаго господства въ черноморскихъ степяхъ относится прочное утвержденіе Итальянцевъ на побережьѣ Тавриды. Уже въ 1169 году императоръ Мануилъ Комнинъ заключилъ договоръ съ Генуэзской республикой, въ силу котораго генуэзскіе корабли получили право вести торговлю во всѣхъ портахъ побережья, кромѣ Матрахи и „Россіи“. За время латинской имперіи въ Константинополѣ (1204—1261) Черное море было открыто для Венеціанцевъ, умѣвшихъ извлекать торговыя выгоды изъ завоеваннаго положенія. Въ 1260 году прибыли въ Сугдею два венеціанскихъ купца, по фамиліи Поло, и завели здѣсь торговыя предпріятія. Ихъ старшій братъ, Марко, имѣвшій большіе торговые обороты въ Константинополѣ, когда рѣшился вернуться на родину, составилъ въ 1280 году духовное завѣщаніе, по которому предоставилъ, между прочимъ, домъ, принадлежацій ему въ Сугдеѣ, находившимся тамъ францисканцамъ.

Когда Михаилу Палеологу удалось отвоевать Константинополь у Латинъ и возстановилась греческая имперія, Генуэзцы, соперничавшіе съ Венеціанцами, за услуги, оказанныя при этомъ императору, получили право исключительной торговли по берегамъ Чернаго моря. Въ 1266 году они прочно обосновались на крымскомъ

берегу въ мѣстности древней Ѳеодосіи. Этотъ городъ, бывшій въ конечномъ запустѣніи въ VIII вѣкѣ, началъ новую блестящую исторію подъ новымъ именемъ Кафы Самое мѣсто имъ пришлось купить у какого-то татарскаго владѣльца.

Венешанцы, успѣвшіе уже раньше развить свою торговлю въ Черномъ морѣ, нашли доступъ къ Михаилу Палеологу, который предоставилъ также и имъ право селиться на черноморскомъ побережьѣ. Они основались въ Сугдеѣ, которая носила у Итальянцевъ имя Солдайи. Въ 1287 году назначенный туда консулъ получилъ полномочія въ отношеніи ко всей Хазаріи, Gazaria, какъ звали на Западѣ прилегающія страны по воспоминанію о давно минувшихъ временахъ. Генуэзскимъ купцамъ запрещено было подъ угрозою штрафа проводить болѣе трехъ дней въ Сугдеѣ и вести какіе-либо торговые обороты на всемъ побережьѣ отъ Сугдеи до Кафы. Въ 1299 году обѣ республики заключили между собой вѣчный миръ, который, впрочемъ, не прекратилъ соперничества и столкновеній. Быть можетъ, это примиреніе стояло въ связи съ событіемъ 1298 года: страшнымъ разореніемъ, которому подвергъ Ногай всѣ города побережья. Въ Кафѣ былъ убитъ внукъ Ногая, котораго онъ послалъ для сбора дани. Явившись съ огромными войсками, Ногай взялъ Кафу и сжегъ ее, при чемъ было перебито множество купцовъ различной національности. Ограблены были также города: Сарукерманъ (т. е. Херсонъ), Кыркъ-іеръ (нынѣ Чуфутъ-кале), Керчь и др.[1]. Тогда же пострадала и Сугдея.

Спустя нѣсколько лѣтъ, въ 1368 году, Кафа подверглась новому разоренію отъ Татаръ, о чемъ сохранилъ свидѣтельство современный сугдейскій лѣтописецъ, заносившій свои замѣтки въ синаксарь[2]. Генy-

[1]) *Тизенгаузенъ*, о. с. I, стр. 111 (Рукнеддинъ-Бейбарсъ).
[2]) *З. О. О.* V 613, № 120.

БАЛАКЛАВА Альбомъ Иванова, Е, рис. 58).

эзцы умѣли справиться съ посѣщавшими ихъ бѣдствіями, развивали свои торговые обороты на черноморскомъ побережьѣ, и въ 1313 году возникло въ Генуѣ спеціальное вѣдомство, именовавшееся Officium Gazariae. Отъ имени этого учрежденія издано было въ 1316 году особое положеніе объ управленіи владѣніями республики на дальнемъ сѣверѣ, которое оставалось въ силѣ болѣе столѣтія. Въ 1318 году Генуэзцы основали постоянную колонію на Боспорѣ, который носилъ у нихъ имя Воспро или Пондикопера. Вѣроятно, около того же времени утвердились они также и въ Херсонѣ.

Колоніи Итальянцевъ были опорными пунктами римско-католической пропаганды, которая была направлена не только на не вѣдавшихъ христіанства кочевниковъ, но и на „греческихъ схизматиковъ“. Миссіонерская дѣятельность возложена была на орденъ миноритовъ. которые вызвали къ жизни цѣлый рядъ каѳедръ не только на побережьѣ Чернаго моря, но и далеко въ глубь Азіи. Въ 1318 году возникла епископская каѳедра въ Кафѣ. Ее занималъ францисканецъ Джироламо, который имѣлъ свой престолъ въ церкви св. Агнесы [1]. Въ 1333 году существовали каѳедры въ Херсонѣ и Боспорѣ. Первую занималъ англичанинъ Ричардъ, вторую — итальянецъ Францискъ де-Камарино. Первый имѣлъ свою каѳедру въ церкви св. Климента, второй—архангела Михаила. Къ обоимъ этимъ епископамъ вмѣстѣ обращалъ свое посланіе папа Іоаннъ, поучая ихъ касательно лежащей на нихъ обязанности искоренять схизму [2]. Въ своемъ посланіи папа называетъ городъ Боспоръ—„именитымъ, общирнымъ, весьма населеннымъ, изобилующимъ всякими благами міра сего“. Трудно судить, въ какой степени эти похвалы соотвѣтствовали дѣйствительности, но

---

[1]) *Baronii* Annales Ecclesiastici. XV, p. 240 (1322. № 45). Границы новой епархіи: отъ Варны въ Болгаріи до Сарая и на сѣверѣ до земли Русскихъ. [2]) Ib. p. 451 (1333 годъ. № 19).

во всякомъ случаѣ похвалы расточены одному Боспору и не простираются на Херсонъ, который, несомнѣнно, уже потерялъ въ ту пору свое прежнее значенiе.

Миссiонерская дѣятельность боспорскаго епископа проявилась, между прочимъ, въ томъ, что аланскiй князь Милленъ отвергъ свое греческое исповѣданiе и присоединился къ Риму. Его примѣру послѣдовалъ князь Зиховъ (Джигетовъ), Верзахтъ, который удостоился получить почетное посланiе папы изъ Авиньона, датированное iюлемъ мѣсяцемъ 1333 года [1]. Въ 1350 году Зихiя получила отъ папы Климента VI своего епископа въ лицѣ францисканца Iоанна [2].

Папа принималъ близко къ сердцу интересы христiанскаго населенiя этой далекой окраины культурнаго мiра. Въ 1322 году постигло Сугдею страшное несчастiе. Раздоръ между Греками и Тюрками повелъ къ столкновенiю; побѣда осталась сначала на сторонѣ Грековъ; но затѣмъ „Тюркамъ помогли ихъ сообщники, которые перебили византiйцевъ страшнѣйшимъ образомъ и выгнали большую часть ихъ". Такъ сообщаетъ Ибнбатута объ этомъ событiи. А въ сугдейскомъ синаксарѣ стоитъ замѣтка такого содержанiя: „8 августа пришелъ уполномоченный хана Узбека по имени Карабулатъ и занялъ Сугдею безъ боя, приказалъ снять всѣ колокола, сломать иконы и кресты и запереть двери церквей: была печалъ, какой никогда не бывало". Въ январѣ слѣдующаго года занесена замѣтка: „Безбожные Агаряне закрыли божественную и святую икону Спасителя въ царскихъ вратахъ богоспасаемаго города Сугдеи" [3].

Вѣсти объ этомъ погромѣ дошли до папы, пребывавшаго тогда въ Авиньонѣ, и онъ обратился съ посланiемъ къ хану Узбеку, прося его дозволить изгнанникамъ воротиться и возстановить въ прежнемъ благо-

---

[1]) Ib. p. 417 (1333, № 38). [2]) *Muralt,* Chron. byz. 1350 № 24.
[3]) *З. О. О.* V, стр. 621, № 181; стр. 600, № 30.

лѣпіи храмы [1]). Заступничество папы, повидимому, не имѣло успѣха, и подъ 1327 годомъ въ синаксарѣ стоитъ запись о разореніи городского замка и церквей св. Софіи, св. Стефана и св. Варвары. Это дѣло совершилъ Агачъ-Пасли по приказанію хана Узбека и Толактемира, его намѣстника. Путешественникъ Ибнбатута, посѣтившій Сугдею въ 1334 году, засталъ тамъ почти исключительно тюркское населеніе. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ невзгоды, городъ сохранилъ часть своего исконнаго греческаго населенія, которое продолжало жить въ старыхъ идеяхъ связи съ имперіей и патріархіей, какъ видно это изъ лѣтописныхъ замѣтокъ того же синаксаря, которыя продолжаются до 1419 года. Городъ сохранялъ и свое значеніе торговаго порта, ближайшаго къ татарской столицѣ въ предѣлахъ полуострова, Солхату (нынѣ Старый Крымъ), гдѣ проживалъ намѣстникъ золотоордынскаго хана. Венеціанцы договоромъ съ ханомъ Джанибекомъ отъ 1347 года обезпечили себѣ право торговли въ Солхатѣ съ уплатой 2% пошлины съ проданнаго. Въ позднѣйшихъ двухъ договорахъ (одинъ отъ 1356 года, а другой позднѣе, безъ точной даты) подтверждается право Венеціанцевъ торговать въ Солхатѣ, причемъ помянуты также три портовыхъ города: Прованто, Каліера и Солдайя, гдѣ положена пошлина до 3% [2]).

Горазно менѣе свѣдѣній доціло до насъ о жизни Боспора въ XIV вѣкѣ. Повидимому, этотъ городъ не подвергался такимъ разореніямъ, какія испытывала Сугдея. Интересныя упоминанія сохранилъ о немъ арабскій писатель Ибнбатута, который высадился здѣсь на пути изъ Синопы въ 1334 г. и сдѣлалъ остановку передъ отъѣздомъ сухимъ путемъ въ Кафу.

---

[1]) *Baronii* Ann. Eccl. XXIV p. 202. [2]) *Mas Latrie,* Privilèges commerciaux accordés à la République de Venise. *Bibl. de l'Ecole des Chartes,* VI Sér. 4 (1868).

Подробно описавъ свою высадку, Ибнбатута продолжаетъ такъ: „Я увидѣлъ церковь, направился къ ней, засталъ въ ней монаха и на одной изъ стѣнъ церкви увидѣлъ изображенiе мужчины арабскаго, въ чалмѣ, опоясаннаго мечомъ и съ копьемъ въ рукѣ. Передъ нимъ горѣла лампада. Я сказалъ монаху: „что это за изображенiе?“ Онъ отвѣтилъ: „это изображенiе пророка Али“, и я удивился его отвѣту. Мы переночевали эту ночь въ церкви и сварили себѣ куръ, которыхъ привезли съ собою на кораблѣ.... Мѣстность эта, въ которой мы остановились, принадлежитъ степи, извѣстной подъ именемъ Дештъ-Кипчакъ. Дештъ по турецки значитъ степь. Степь эта зеленая, цвѣтущая, нѣтъ на ней ни дерева, ни горы, ни холма, ни подъема. Нѣтъ на ней и дровъ, а жгутъ они (жители) только сухой пометъ, который называютъ тезекъ (=кизякъ). Видишь, какъ даже старѣйшины ихъ подбираютъ его и кладутъ въ полы одежды своей. Ѣздятъ въ этой степи не иначе какъ на телѣгахъ, а разстилается она на шесть мѣсяцевъ пути, изъ нихъ три ѣдешь по землямъ султана Мухаммеда Узбека, а три по другимъ владѣнiямъ. На слѣдующiй день послѣ нашего прибытiя въ эту гавань одинъ изъ купцовъ, нашихъ товарищей, отправился къ тѣмъ въ этой степи, которые принадлежатъ къ народу, извѣстному подъ именемъ Кипчаковъ,—они христiанской вѣры—и нанялъ у нихъ телѣгу, которую тащилъ конь. Мы сѣли въ нее и прибыли въ городъ Кафу“ [1]).

Врядъ ли возможно сомнѣваться въ томъ, что церковь, въ которой провелъ ночь Ибнбатута, есть храмъ св. Іоанна Предтечи, на одной изъ колоннъ котораго красуется надпись съ датой 6265 лѣтъ отъ Адама, т. е. 757 годъ нашей эры [2]). Въ высшей степени интересно сообщенiе Ибнбатуты о томъ, что въ окрестностяхъ города среди кипчацкаго населенiя были христiане. Оче-

---

1) *Тизенгаузенъ*, о. с. 283. 2) *Х. и. ю. Р.* 93.

видно, они были греческаго православнаго исповѣданія, такъ какъ римско-католическая пропаганда еще только начиналась около этого времени. Если въ христіанство обращались мѣстные Кипчаки, то отсюда справедливо будетъ заключить, что туземное христіанское населеніе было достаточно многочисленно и сильно въ своемъ христіанскомъ просвѣщеніи.

Послѣ разгрома Сугдеи въ 1327 году нѣтъ извѣстій о нападеніяхъ Татаръ на побережные города до 1344 года, когда ханъ Джанибекъ вступилъ въ войну съ Генуэзцами и угрожалъ Кафѣ. Но Генуэзцамъ удалось отстоять центръ своего господства на побережьѣ; они разбили войска хана и заставили его возмѣстить причиненные городу убытки. Вскорѣ послѣ этого возгорѣлась вновь вражда между Генуей и Венеціей, и война, начавшаяся въ 1349 году, закончилась въ 1355 г. торжествомъ Генуи. Развивая свое могущество на Черномъ морѣ, Генуэзцы заключили въ 1365 году договоръ съ Татарами, по которому имъ была предоставлена пришедшая къ тому времени въ упадокъ Сугдея съ ея округомъ на тѣхъ же правахъ, на какихъ они владѣли Кафой. Въ послѣдовавшихъ затѣмъ договорахъ 1380, 1381 и 1387 годовъ[1]) за Генуэзцами было закрѣплено все побережье отъ Чембало (Балаклава) до Кафы. Въ Сугдейскомъ округѣ считалось 18 селеній, которыя перечислены въ договорной грамотѣ. Не всѣ имена этихъ селеній могутъ быть точно локализованы въ настоящее время, но во всякомъ случаѣ ясно, что территорія ихъ соотвѣтствуетъ горной области отъ Алушты до Кафы. Кромѣ того, въ силу тѣхъ же договоровъ, Генуэзцамъ была предоставлена „Готія съ ея селеніями“.

Имена селеній Готіи перечислены въ текстѣ договора и всѣ они легко локализуются на современной картѣ Крыма: Фори (Форосъ), Кикинео (Кикинеизъ),

---

[1]) *Baron de Sacie,* Notices et Extraits, XIII (1827), стр. 57—58.

Лупико (Алупка), Мусакори (Мисхоръ), Оріанда, Джалита (Ялта), Сикита (Никита), Горзувіумъ (Гурзуфъ), Пертените (Партенитъ), Ламбадіе (Ламбатъ) и Луста (Алушта). Городомъ на мѣстѣ нынѣшней Балаклавы, который носилъ у Итальянцевъ названіе Чембало, они завладѣли еще около 1345 года, а въ 1357 тамъ сидѣлъ уже генуэзскій консулъ. Херсонъ былъ окончательно переданъ Генуэзцамъ по договору съ имп. Андроникомъ въ 1350 году, причемъ было даже запрещено греческимъ купцамъ заходить въ этотъ портъ [1]).

Основавшись въ разныхъ пунктахъ по побережью Тавриды, Генуэзцы распространили свои факторіи по восточному берегу Чернаго моря, проникли и въ Азовское. Устье Дона стало опять цвѣтущимъ центромъ международнаго обмѣна, какъ было то въ пору могущества Боспорскаго царства. Поселеніе это, расположенное на мѣстѣ древняго Танаида и нынѣшняго Азова, называлось Тана, отъ имени рѣки. Съ соизволенія татарскихъ хановъ здѣсь возникли торговые городки Генуэзцевъ и также Венеціанцевъ для обмѣна произведеній западнаго производства на продукты кочевого хозяйства и товары далекаго востока, прибывавшіе сюда по старымъ караваннымъ путямъ. Въ Донскомъ военномъ музеѣ хранится погребальная плита консула Джакомо Корнаро, умершаго въ 1362 году.

Главнымъ городомъ большого колоніальнаго государства Генуэзцевъ была Кафа. Центральное управленіе Черноморскими колоніями въ Генуѣ назначало консуловъ въ Кафу, Чембало, Солдайю и далекую Тану; въ другіе, менѣе важные пункты, каковыми были на Крымскомъ берегу Алушта, Партенитъ, Гурзуфъ и Ялта, назначалъ консуловъ представитель Генуи въ Кафѣ. Этотъ городъ быстро разростался, и въ 1384—86 году въ черту его укрѣпленій вошли его предмѣстія. Укрѣпленія Сугдеи

---

[1]) *Niceph. Greg.* II, p. 877 (XVIII 2).

только въ эту пору начали возникать: въ 1385 году воздвигнута была первая бацiня. Захирѣвшая въ прежнее время Сугдея стала оправляться подъ властью Генуэзцевъ. Она великолѣпно отстроилась и получила тройной рядъ укрѣпленiй. Окончанiе фортификацiонныхъ работъ въ Сугдеѣ относится къ 1414 году, какъ сохранила о томъ свидѣтельство одна надпись [2]).

Центромъ татарскаго господства въ Тавридѣ былъ городъ Солхатъ. Расположенный на широкой и хорошо орошенной равнинѣ, онъ больше, по видимому, соотвѣтствовалъ вкусамъ кочевниковъ, нежели старые приморскiе города. Быть можетъ, въ выборѣ этого мѣста для столицы дѣйствовала и старая традицiя, такъ какъ весьма вѣроятно, что тамъ именно находилась въ хазарское время крѣпость Фуллы, мѣсто заточенiя св. Iоанна Готскаго и проповѣди Константина-философа. Въ Солхатѣ имѣлъ свою резиденцiю намѣстникъ золотоордынскаго хана, какъ нерѣдко о томъ поминается въ арабскихъ и итальянскихъ извѣстiяхъ о Тавридѣ. Въ XIV вѣкѣ, въ пору Ибнбатуты, то былъ великолѣпный, богатый и огромный по размѣрамъ городъ. Здѣсь воздвиглись первыя мусульманскiя мечети. Въ 1288 году египетскiй султанъ мамелюкъ Бейбарсъ въ воспоминанiе о своемъ половецкомъ происхожденiи соорудилъ великолѣпную мечеть. Въ 1314 году велѣнiемъ хана Узбека сооружена была другая огромная мечеть [2]). Городъ имѣлъ весьма разнообразное населенiе, благодаря своему торговому значенiю. Здѣсь вели торгъ Венецiанцы, сюда прiѣзжали русскiе купцы, привозившiе мѣха, здѣсь жили въ качествѣ мѣстнаго элемента Армяне.

Вопросъ о томъ, съ какихъ поръ началась осѣдлость Армянъ въ Тавридѣ, остается неяснымъ и по нынѣ. Распространенное въ ученой литературѣ прежняго вре-

[1]) *Юргевичъ,* Надписи въ Судакѣ, № 10. *З. О. О.* V 169—175.
[2]) Текстъ надписи съ датой сооруженiя мечети см. *З. О. О.* II 529.

мени представленіе, что Армяне появились тамъ только при золотоордынскомъ ханѣ Узбекѣ, опровергается самыми положительными данными. Армяне играли видную роль въ судьбахъ Византіи еще съ VIII вѣка и могли проникнуть въ Крымъ гораздо раньше разоренія ихъ родины Татарами. Калокиръ, принадлежавшій къ знати Херсона, черезъ котораго Византія вступила въ сношенія съ великимъ княземъ Святославомъ, чтобы поднять его противъ Болгаръ, былъ армянинъ по происхожденію. Но то былъ знатный человѣкъ, имѣвшій званіе патриція, и его пребываніе въ Херсонѣ не можетъ служить свидѣтельствомъ о существованіи армянской колоніи въ Крыму. Прямыя показанія въ этомъ послѣднемъ смыслѣ даютъ надписи нѣсколько болѣе поздняго времени. Такъ, въ церкви св. Георгія въ Ѳеодосіи имѣется надпись съ датой 1027 года, въ Килійской крѣпости найдено армянское надгробіе съ датой 1159 года [1]). Въ сугдейскомъ синаксарѣ есть замѣтка отъ 1242 года о смерти „раба Божія Давида, сына Сумбата"— армянина, судя по имени. Тамъ же имѣется замѣтка отъ 1282 года о томъ, что Армяне разошлись съ православными въ празднованіи дня св. Пасхи и справили его по другому счисленію, раньше православныхъ [2]). Очевидно, въ ту пору Армяне составляли въ Сугдеѣ довольно значительную колонію, если этотъ фактъ отмѣченъ благочестивымъ лѣтописцемъ, заносившимъ свои замѣтки въ синаксарь. Подъ властью Татаръ Армяне прочно утвердились въ Солхатѣ, и по близости отъ города возникъ въ XIV вѣкѣ монастырь св. Креста (Сурпъ Хачъ), сушествующій и до нынѣ. Одна надпись на куполѣ монастырской церкви сохранила дату сооруженія, а именно: 1338 годъ [3]). Въ рукописномъ евангеліи, хранящемся въ

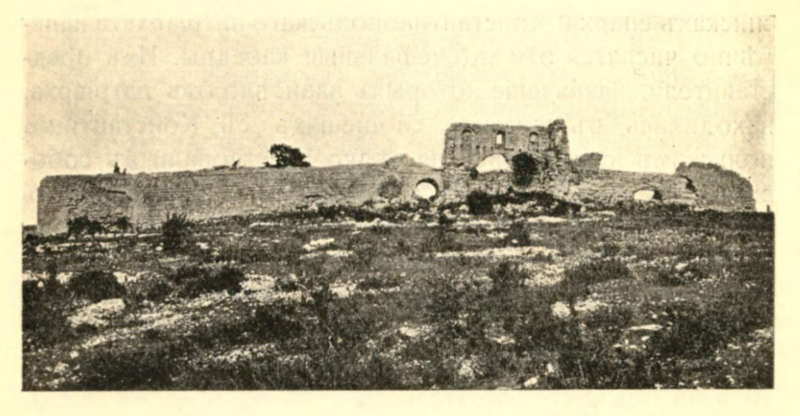
[1]) *З. О. О.* VI (1867), 327, 328. [2]) *Арх. Антонинъ,* Замѣтки XII—XV вѣка etc. *З. О. О.* V № 47, стр. 603; № 88, стр. 609. [3]) *З. О. О.* VI, 325.

ИНКЕРМАНЪ (Альбомъ Иванова, Е, рис. 53).

церкви св. Георгія въ Нахичевани (куда выселились Армяне въ 1779 году изъ Крыма) имѣется запись отъ 1347 года, въ которой дано свидѣтельство о существованіи въ ту пору множества монашескихъ келій въ окрестностяхъ монастыря. Въ Коктебельской долинѣ, не подалеку отъ Ѳеодосіи, сохранился алтарь церкви св. Стефана. Одна изъ найденныхъ тамъ надписей называетъ имя перваго соорудителя этого храма, причемъ хронологическая дата не сохранилась, а другая—„послѣдняго возобновителя“ съ датой, соотвѣтствующей 1400 году[1]).

Римско-католическая пропаганда, оказавшаяся, повидимому, безсильной относительно туземнаго христіанскаго населенія, оказала свое воздѣйствіе на Армянъ, которые приняли въ 1438 году покровительство римскаго папы и въ значительномъ числѣ присоединились къ римско-католической церкви.

Видъ стѣны цитадели Мангупъ-кале.

[1]) *Кушнеревъ,* Армянскія древности Таврическаго полуострова *З. О. О.* X 459—496 (Переводъ отрывка изъ армянскаго сочиненія *Минея Медицы:* Путешествіе по Польшѣ и друг. мѣстн. 1830).

XVI.

Православныя епархіи въ Тавридѣ. Споры между іерархами за предѣлы епархій. Князь Алексѣй въ Θеодоро. Паденіе Византіи. Гибель генуэзскихъ колоній.

Утвержденіе Итальянцевъ въ Тавридѣ и возникновеніе римско-католическихъ епископскихъ каθедръ съ возложеніемъ на ихъ представителей миссіонерскихъ обязанностей не пошатнуло, повидимому, туземнаго греческаго и погреченнаго населенія. По прежнему на территоріи Тавриды было четыре православныхъ епархіи: Херсонская, Готская, Сугдейская въ соединеніи съ Фулльской[1]) и Боспорская. Во всѣхъ дошедшихъ до насъ спискахъ епархій Константинопольскаго патріархата неизмѣнно числятся эти автокефальныя каθедры. Ихъ представители, назначеніе которыхъ зависѣло отъ патріарха, находились въ живыхъ сношеніяхъ съ Константинопольскимъ синодомъ и не рѣдко участвовали въ соборахъ. Въ концѣ XIII вѣкѣ епископъ Сугдейскій, а въ XIV остальные были повышены въ рангѣ: стали митрополитами[2]). Но это повышеніе не свидѣтельствуетъ о подъемѣ значенія и благосостоянія каθедръ. Болѣе другихъ обѣднѣла, повидимому, каθедра Херсонская. Когда патріархъ назначилъ въ Херсонъ митрополитомъ Іеремію, то взялъ съ него обязательство, что тотъ послѣ посвященія не будетъ искать предлога оставаться въ столицѣ,

---

[1]) *Parthey,* Not. Episc. XI, 97—отъ времени имп. Исаака Комнина; но при Михаилѣ Палеологѣ Фуллы опять стоятъ особо.
[2]) ib. p. 136, списокъ епархій изъ времени Андроника младшаго (1282—1328).

просить о переводѣ на другую каѳедру и бояться трудности управленія этой епархіей[1]). Между таврическими митрополитами происходили споры изъ-за пограничныхъ мѣстъ и поступавшихъ съ нихъ доходовъ. Такъ, въ 1317 году патріархъ разбиралъ тяжбу между митрополитами Готскимъ и Сугдейскимъ. Запустѣвшія отъ татарскаго погрома селенія, принадлежавшія къ Сугдейской епархіи, оказались черезъ нѣкоторое время, когда жители въ нихъ воротились, подначальными Готскому митрополиту, который сталъ взимать съ нихъ каноническую подать (τὸ κανονικόν). На это принесъ жалобу патріарху Сугдейскій митрополитъ[2]). Отъ конца того же XIV вѣка имѣется цѣлый рядъ документовъ о спорахъ между митрополитами Херсонскимъ съ одной стороны и Готскимъ и Сугдейскимъ—съ другой. Предметомъ спора между Херсонскимъ и Сугдейскимъ митрополитами было поселеніе по имени Елиссъ. Въ половинѣ XIV вѣка оно принадлежало къ Сугдейской епархіи, а потомъ было захвачено Херсонскимъ митрополитомъ. Когда дѣло было разобрано въ 1376 году, патріархъ воспретилъ Херсонскому митрополиту возбуждать какія-либо претензіи на Елиссъ, но послѣдующіе патріархи нѣсколько разъ перерѣшали дѣло, и въ 1390 г. Елиссъ опять былъ присужденъ Херсонской епархіи[3]).

Съ Готскимъ митрополитомъ у Херсонскаго шелъ споръ изъ-за обладанія селеніями: „Сикита, Партенита, Лампасъ, Алуста и Аланія“[4]). Это дѣло разбиралось въ 1382 году и затѣмъ въ 1384.—Три имени изъ этихъ пяти совершенно ясны; Сикита—очевидно Никита (н. Никитскій садъ); неясною остается только Аланія, лежавшая, очевидно, гдѣ-то къ востоку отъ нын. Алушты на побережьѣ, какъ видно изъ другого акта. Спорныя

---

[1]) Acta Patriarchatus Const. I № 83, документъ не имѣетъ даты; относится онъ къ первой половинѣ XIV вѣка. [2]) ib. № 41, p. 75—76. [3]) ib. II № 419, p. 150. [4]) ib. № 367, p. 67.

мѣстности были присуждены Готскому митрополиту; но споры не прекратились и дѣло дошло даже до убійства. Патріархъ поручилъ Сугдейскому митрополиту вновь разобрать это дѣло. Въ документѣ 1385 года сохранилось дѣло о мѣстности Кинсанусъ, которая была присуждена Готскому митрополиту [1]). А въ 1390 году мѣстность Кинсанусъ (χώρα Κινσάνους) и „всѣ приморскія мѣста: Фуна, Аланія, Алуста, Лампадопартенита, Сикита и Хрихари (Φούνα, Ἀλανία, Ἀλούστα, Λαμπαδοπαρθενίτα, Σικίτα, Χρίχαρι) возвращены Херсонскому митрополиту [2]). — Въ документахъ, касающихся этой многолѣтней тяжбы, не рѣдко указывается на бѣдность Херсонской митрополіи. Въ тѣхъ же документахъ помянуто подъ 1371 и 1384 годами о существованіи на морскомъ побережьѣ патріаршаго владѣнія по имени Ялита (Γιαλίτα), которое поручено было вѣдѣнію Сугдейскаго митрополита. Имѣлъ патріархъ владѣнія и въ Готской епархіи, но, къ сожалѣнію, они не названы въ документѣ по именамъ [3]).

Хотя документы говорятъ только о раздорахъ между таврическими іерархами, но они въ то же время являются свидѣтельствомъ о томъ, что исконное населеніе оставалось православнымъ, сохраняло свой греческій языкъ и свое національное самосознаніе; власть императора надъ тѣми областями уже прекратилась, и Генуэзцы еще въ 1350 году возбраняли греческимъ судамъ ходить дальше устьевъ Дуная, не допуская ихъ до Херсона и дальше расположенныхъ портовъ [4]). Таврическіе греки поддерживали и возобновляли старыя церкви, созидали новыя, сооружали новыя пещеры въ старыхъ монастыряхъ для церковнаго богослуженія и жительства. Изсѣченные на стѣнахъ пещеръ кресты, уцѣлѣвшія, а чаще полустертыя надписи должны быть отнесены по большей части къ XII—XV вѣкамъ. Въ одной изъ пе-

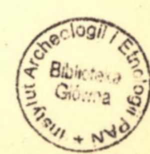
[1]) ib. № 368, p. 69—70. [2]) ib. № 419, p. 148—150. [3]) ib. №№ 367, 371, II, p. 68; 74. [4]) *Niceph. Greg.* II, p. 877 (XVIII 2).

щерныхъ церквей подъ Инкерманомъ имѣется надпись съ датой 1272 года.

Вся страна, на сколько она не была предоставлена Генуэзцамъ, находилась во власти Татаръ. Имя золотоордынскаго хана Тохты (+1313 г.) или, можетъ быть, Тохтамыша значится въ одной христіанской надписи, найденной въ Мангупъ-кале [1]). Въ Чуфутъ-кале, древнемъ Киркъ-іерѣ доселѣ уцѣлѣлъ мавзолей (тюрбе), въ которомъ была погребена дочь Тохтамыша, Ненкеджанъ-ханымъ, умершая въ 1437 году [2]). Но господство Татаръ не устраняло возможности политической самостоятельности туземнаго населенія, занимавшаго крымскія горы, и въ томъ же самомъ Мангупъ-кале, древнемъ Доросѣ, который въ разсматриваемое время назывался Ѳеодоро, сидѣлъ независимый отъ Итальянцевъ князь, по имени Алексѣй. Былъ ли то потомокъ древнихъ готскихъ князей, или византійскихъ топарховъ, высвободившихся изъ-подъ власти имперіи, гадать объ этомъ трудно. На одной надписи, сохранившей память объ его дѣяніяхъ и носящей дату 1427 года, онъ называется „господинъ Алексѣй, властитель города Ѳеодоро и поморья“ [3]). Въ текстѣ надписи рѣчь идетъ о сооруженіи храма и крѣпости (κάστρον). Камень съ этой надписью попалъ въ научный оборотъ не прямо съ мѣста своего нахожденія въ тѣ давнія времена, а потому возможно сомнѣніе насчетъ того, о какой крѣпости онъ свидѣтельствуетъ: разумѣется ли здѣсь столица Алексѣя, Ѳеодоро, или другое какое-нибудь мѣсто, напр., нынѣшній Инкерманъ. „Митрополитомъ города Ѳеодоро и всей Готіи“ былъ тогда преосвященный Даміанъ. Его имя и титулъ сохранила надпись съ датой того же 1427 года, найденная въ Партенитѣ. Она заключаетъ въ себѣ свидѣтельство о возстановленіи заново старой церкви свв. Апостоловъ Петра и Павла, сооруженной нѣкогда св. Іоанномъ Готскимъ [4]). Новая эпи-

---

[1]) *Х. н. ю. Р.* 46. [2]) *З. О. О.* II 527. [3]) *Х. н. ю. Р.* 45. [4]) ib. 71.

графическая находка 1912 года дала свидѣтельство, что „господинъ Алексѣй, владыка города Ѳеодоро и поморья", расширялъ въ 1425 году свой дворецъ и возводилъ новыя укрѣпленія въ своей столицѣ [1]).

Владѣтель Готіи поддерживалъ сношенія съ дворомъ трапезунтскихъ императоровъ, и въ 1426 году его дочь Марія прибыла въ Трапезунтъ, чтобы вступить въ замужество съ царевичемъ Давидомъ [2]), который впослѣдствіи былъ послѣднимъ трапезунтскимъ императоромъ (1458–62). Генуэзцы видѣли въ Алексѣѣ узурпатора, который самовольно удерживаетъ въ своей власти мѣстности, принадлежащія по праву Кафѣ. Осуществляя свое право на поморье, Алексѣй укрѣплялъ портъ Каламиту (нынѣ Инкерманъ [3]) и грузилъ здѣсь корабли, на что жаловались консулы Кафы въ своихъ донесеніяхъ въ Геную. Въ 1433 году Алексѣй сдѣлалъ попытку расширить предѣлы своего поморья. Въ Чембало (Балаклава) составился заговоръ: мѣстное греческое населеніе овладѣло крѣпостью и передало ее Алексѣю. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Генуи, немедленно снаряженъ былъ флотъ подъ командой Карла Ломеллино. Высадившись въ Кафѣ въ 1334 году, Ломеллино пошелъ на Алексѣя и отнялъ у него Чембало, но не отрѣзалъ его отъ моря, и генуэзцы жаловались и послѣ того на морскую торговлю въ Каламитѣ.

Въ ту пору, когда въ горахъ Готіи властвовалъ Алексѣй, надъ генуэзскимъ владычествомъ въ Тавридѣ и надъ всѣмъ христіанскимъ ея населеніемъ собирались грозныя тучи. Турки имѣли рѣшительный успѣхъ въ своей борьбѣ съ имперіей и тѣснили Византію съ обѣихъ сторонъ. Въ половинѣ XV вѣка внутреннія и внѣшнія нестроешя въ черноморскихъ колоніяхъ Генуи повели къ выработкѣ новаго устава (1449 г.), который

---

[1]) *И. И. А. К.,* вып. 47 (1913), стр. 79. [2]) *Panaret.* Chron. Trapez. c. 57. (*Хахановъ,* Трапезунтская хроника. Москва 1905). [3]) См. карту Бенинказы.

долженъ былъ устранить злоупотребленія и, упрочивъ внутреннюю и внѣшнюю безопасность въ колоніяхъ, содѣйствовать поднятію ихъ благосостоянія и значенія. Но дѣло не остановилось на этой реформѣ подъ вліяніемъ событій внѣшнихъ. Немедленно послѣ взятія Константинополя Магометъ II осадилъ Галату, генуэзскую часть города, разрушилъ ея стѣны, предалъ на разграбленіе дома и имущество жителей, а ихъ самихъ продалъ въ рабство или разогналъ. Это было 2 іюня 1453 года. Генуэзская республика, желая спасти свои черноморскія владѣнія, прибѣгла къ помощи Банка св. Георгія, обладавшаго громадными средствами, и въ ноябрѣ того же года состоялась передача всѣхъ владѣній Генуи на Черноморскомъ и Азовскомъ побережьяхъ въ собственность Банка. Сношенія между Генуей и Кафой стали затруднительны, такъ какъ приходилось проходить Босфоръ, оба берега котораго были во власти Турокъ. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива стояли другъ противъ друга турецкіе форты Анатоли-Иссаръ и Румели-Иссаръ, метавшіе ядра въ генуэзскіе корабли. Храбрые генуэзскіе капитаны проходили, однако, не разъ благополучно черезъ проливъ и доставляли въ Кафу боевые запасы и войско. Явился и другой путь, по которому поддерживались сношенія метрополіи съ колоніями: черезъ Венгрію и Молдавію, и еще болѣе далекій—черезъ Польшу и Великое Княжество Литовское. Крѣпость Монкастро на мѣстѣ древней Тиры, на правомъ берегу днѣстровскаго лимана, время возникновенія которой остается неизвѣстнымъ, перешла въ это смутное время подъ власть воеводъ Молдавскихъ.

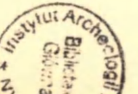
Въ этихъ трудныхъ условіяхъ доживали свой вѣкъ генуэзскія колоніи. Мечты папы Каликста IV вызвать противъ Турокъ крестовый походъ не осуществились. Населеніе Кафы искало помощи у польскаго короля Казиміра IV, и въ 1465 году набрано было 500 казаковъ, которые подъ командой Галеаццо направились мимо Брацлавскаго замка на югъ. Казаки ограбили Брацлавъ,

но на пути ихъ нагнало литовское войско и истребило почти всѣхъ. Лишь немногіе вмѣстѣ съ Галеацдо добрались до Кафы [1]). Хотя Генуэзцы и не признавали законности господства князя Готіи Алексѣя, но мирились теперь съ самостоятельностью этого владѣнія и вступали въ сношенія съ преемниками Алексѣя, какъ естественными союзниками въ отстаиваніи свободы христіанскаго населенія Тавриды отъ исповѣдывавшихъ мусульманство Татаръ. Съ перенесеніемъ столицы изъ Солхата въ Бахчисарай въ 1428 году Татары стали непосредственными сосѣдями Таврической Готіи. Быть можетъ, къ этому времени относится взятіе Киркъ-іера, благодаря хитрости бея яшлавскаго, и предоставленіе этого прежде христіанскаго города караимамъ, которые удержались въ немъ съ тѣхъ поръ до начала XIX вѣка, когда онъ окончательно запустѣлъ.

Въ 1475 году произошла катастрофа, положившая конецъ свободѣ христіанскаго населенія Тавриды: Кафа пала подъ соединенными усиліями Татаръ и Турокъ. Цвѣтущій центръ культуры былъ уничтоженъ, и его населеніе было перебито или выселено въ Константинополь [2]). Судьбу Кафы раздѣлили и другіе города Генуэзцевъ, а также и властитель Готіи. Княземъ Ѳеодоро былъ въ ту пору „Исайко", какъ именуется онъ въ русскихъ современныхъ документахъ. Не задолго до своей гибели „Исайко, князь Мангупскій" вступилъ въ сношенія съ Московскимъ царемъ и предлагалъ свою дочь въ замужество наслѣднику московскаго престола. Царь Иванъ Васильевичъ началъ было переговоры, но этому проекту не было суждено осуществиться, и прибывшій въ Крымъ посолъ русскаго царя не засталъ уже въ живыхъ Мангупскаго князя.

---

[1]) *З. О. О.* I 513. [2]) О послѣднихъ судьбахъ Кафы см. статью *Колли,* Хаджи-Гирей-ханъ и его политика, *Изв. Тавр. Арх. Ком.* вып. 50 (1912), 99—139.

СУДАКЪ (Солдайя).

XVII.

Судьбы туземнаго христіанскаго населенія въ Тавридѣ. Свидѣтельства о готскомъ языкѣ въ XV и XVI вѣкахъ. Объединеніе таврическихъ христіанъ съ Татарами въ языкѣ. Крымскіе города и епархіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Набѣги на Русь и Литву крымскихъ татаръ и русскіе плѣнники въ Тавридѣ. Игнатій, митрополитъ готѳейскій и кафайскій, и выселеніе христіанъ изъ Крыма.

Вмѣшательство Турокъ въ дѣла Тавриды имѣло своимъ послѣдствіемъ подчиненіе султану всѣхъ взятыхъ тогда укрѣпленныхъ городовъ: Керчи, Сугдеи, Кафы, Балаклавы, Инкермана и Мангупа, а также и всѣхъ окрестныхъ селеній съ христіанскимъ населеніемъ. Турки вели войну съ Генуэзцами и, какъ побѣдители, присоединили къ своей державѣ все то, что было нѣкогда уступлено Генуэзцамъ Татарами по договорамъ конца XIV вѣка. Владѣнія эти были подѣлены на кадыдыки, изъ которыхъ первый имѣлъ своимъ центромъ Мангупъ-кале, второй—Сугдею и третій—Кафу. Татары остались въ обладаніи степными пространствами полуострова. Они признали надъ собой главенство султана, который обязался назначать хановъ изъ рода Гераевъ. Такой порядокъ держался въ теченіе трехъ столѣтій.

Для Генуэзцевъ взятіе ихъ городовъ имѣло значеніе роковой катастрофы, положившей навсегда конецъ ихъ колоніальному государству въ Тавридѣ. Память о храброй защитѣ ими своихъ крѣпостей была жива и сто лѣтъ спустя, когда Крымъ посѣтилъ посолъ польскаго короля Мартинъ Броневскій. Много ихъ погибло въ то время, другихъ турецкій султанъ переселилъ въ Константинополь, предоставивъ право жительства въ сто-

лицѣ имперіи, и лишь небольшая горсть уцѣлѣла въ Крыму. Броневскій сообщаетъ, что нѣкоторымъ Генуэзцамъ предоставлено было право поселиться въ селеніи Сортассъ (Сююрташъ), въ горной мѣстности къ югу отъ Бахчисарая, выше лѣваго берега рѣки Качи. Они получили разрѣшеніе отъ хана выстроить здѣсь римско-католическую церковь, и ее посѣщалъ Броневскій въ бытность тамъ въ 1578 году. Ея настоятелемъ состоялъ тогда монахъ францисканскаго ордена, выкупленный христіанами изъ турецкаго плѣна. Ханы пользовались Генуэзцами для сношеній съ христіанскими государями, и тотъ священникъ, котораго зналъ Броневскій, побывалъ съ посольствомъ хана въ Литвѣ и городѣ Вильнѣ. По сообщенію Броневскаго, въ Сююрташѣ часто живали литовскіе и московскіе послы [1]). Доминиканецъ Дортели д'Асколи, пробывшій въ Крыму болѣе десяти лѣтъ въ началѣ XVII вѣка, имѣлъ случай ближе ознакомиться съ этими остатками Генуэзцевъ. По его словамъ, они терпѣли въ „Сивурташѣ“ притѣсненія отъ Черкесовъ и потому переселились, лѣтъ за 30 до его времени, т. е. въ самомъ началѣ XVII вѣка, въ мѣстность Феччіала (вѣроятно Фотисала). По свидѣтельству д'Асколи, оставалось въ его время только 12 домовъ, удержавшихъ латинское вѣроисповѣданіе. Родной языкъ они уже забыли и говорили по турецки, по татарски и по черкесски. „Отче нашъ“ и „Богородицу“ знали по латыни, но исповѣдывать ихъ, какъ и держать имъ проповѣдь, приходилось по турецки. Женились они на черкешенкахъ или мѣстныхъ гречанкахъ и въ своихъ нравахъ сблизились съ Черкесами. Ходили съ ханомъ въ походы, уводили плѣнныхъ и заставляли ихъ обрабатывать свои поля. Папскій миссіонеръ прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы исправить нравы своихъ одичавшихъ соплеменни-

---

[1]) *Мартинъ Броневскій*, Описаніе Тартаріи. *З. О. О.* VI 345-46.

ковъ и, по его словамъ, имѣлъ успѣхъ [1]). Болѣе чѣмъ вѣроятно, что результаты его дѣятельности не были прочны, и остатки Генуэзцевъ слились съ татарскимъ и черкесскимъ населеніемъ, языкъ котораго они усвоили уже въ ту пору съ полнымъ забвеніемъ своего родного.

Въ иныхъ условіяхъ были христіане греческаго исповѣданія. Они составляли массу туземнаго населенія, удержали свою церковную связь съ Византіей, сохранили и свою іерархію. Живя мирнымъ сельскимъ трудомъ подъ властью пашей, назначаемыхъ изъ Константинополя, они находились въ непосредственномъ общеніи съ господствующимъ татарскимъ населеніемъ. Горныя долины остались въ обладаніи христіанъ, но Татары придвинулись къ нимъ въ ближайшее сосѣдство съ перенесеніемъ столицы въ Бахчисарай въ 1428 году. Историческое преданіе не сохранило намъ прямыхъ свидѣтельствъ о характерѣ отношеній крымскихъ христіанъ къ Татарамъ, но весьма вѣроятно, что то было мирное сожительство. Указаніе въ такомъ смыслѣ можно извлечь изъ одного эпизода, сохраненнаго польскимъ ученымъ начала XVI вѣка Матвѣемъ изъ Мѣхова, въ его „Описаніи Сарматій, Азіатской и Европейской". Помянувъ о крѣпости Киркель (Киркъ-іеръ, Чуфутъ-кале), онъ разсказываетъ легенду о возникновеніи пещернаго Успенскаго монастыря въ предмѣстьѣ Бачхисарая. Въ горахъ появился драконъ, истреблявшій людей. Окрестное населеніе разбѣжалось, оставивъ свои жилища, и обращалось съ молитвой о спасеніи къ Пресвятой Дѣвѣ Маріи. Спустя нѣкоторое время, показалась въ разсѣлинѣ скалы горящая свѣча. Вырубивъ ступени и добравшись до свѣчи, люди увидали предъ нею икону Богоматери, возлѣ которой лежалъ убитый дра-

[1]) *Эмиддіо Дортелли д'Асколи,* Описаніе Чернаго моря и Тартаріи. *З. О. О.* XXIV, отд. 2, 128.

конъ. Съ тѣхъ поръ икона эта, какъ явленная, пользовалась всеобщимъ поклоненіемъ у христіанъ. Когда крымскій ханъ Хаджи Девлетъ Гирей находился въ войнѣ съ братьями, то и онъ прибѣгъ къ покровительству Божіей Матери. А когда ему удалось побѣдить своихъ соперниковъ, то онъ продалъ двухъ лошадей и на вырученныя деньги приказалъ сдѣлать изъ воска двѣ большихъ свѣчи, которыя и были возжены предъ чудотворной иконой Богоматери. Съ тѣхъ поръ свѣчи возжигались непрерывно, и преемники Девлетъ Гирея продолжали соблюдать это установленіе [1]). Матвѣй писалъ при третьемъ преемникѣ Девлета, Магометъ Гиреѣ (1515—1523).

Этотъ разсказъ можетъ служить указаніемъ на вѣротерпимость Татаръ и ихъ сношенія съ сосѣдними христіанами. Христіане поддерживали свои старыя святыни и сооружали новыя церкви вмѣсто приходившихъ въ разрушеніе старыхъ. Такъ, въ Херсонѣ на мѣстѣ базилики, сооруженной въ X вѣкѣ, возникла церковь болѣе поздней даты, занявшая центральный нефъ древней. Въ христіанскихъ селеніяхъ вокругъ церквей лежали кладбища, и имена нѣкоторыхъ изъ почившихъ, похороненныхъ поближе къ церкви, записывались на ея стѣнахъ. Такъ, въ селеніи Шуры, по теченію рѣки Качи, имѣются надписи съ датами 1594 и 1622 годовъ. Въ церкви селенія Біасала на Качѣ найдена надпись съ датой 1587 года о сооруженіи новой церкви во имя Іоанна Предтечи „рукою моею смиреннаго Констанція, архіерея и предстоятеля Готіи, стараніемъ, помощью и иждивеніемъ господина Бината, сына Темирке, въ память его и родителей его“ [2]). Имя ктитора свидѣтельствуетъ, что татарское населеніе не оставалось чуждо проповѣди христіанства.

---

[1]) *Laur. Mezlerus de Kolof,* Historiarum Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae Scriptorum Collectio magna. I (1781), p. 201.

[2]) *X. н. ю. Р.* 62.

Непосредственное сосѣдство съ Татарами имѣло своимъ послѣдствіемъ объединеніе съ ними мѣстнаго христіанскаго населенія въ языкѣ. Языкомъ религіи церкви и письменности остался греческій, но языкомъ общежитія сталъ татарскій, и христіане Тавриды независимо отъ своего кровнаго происхожденія: Греки, Готы, Аланы (Ясы) объединились въ однородную массу. Этотъ фактъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что о существованіи готскаго языка, какъ живого народнаго языка таврическихъ готовъ, имѣется цѣлый рядъ свидѣтельствъ отъ XIII и до XVI вѣка. Такъ, Рубруквисъ, посѣтившій Крымъ въ 1253 году, поминаетъ о Готахъ съ замѣчаніемъ, что ихъ языкъ—германскій (ydioma teutonicum). Рыцарь Шильтбергеръ, попавшій въ плѣнъ къ Туркамъ въ 1395 году и только въ 1427 году воротившійся на родину, въ описаніи своихъ приключеній за время плѣна поминаетъ о Готахъ въ Крыму (Kuti), которые исповѣдуютъ христіанскую вѣру и говорятъ на своемъ языкѣ, который онъ называетъ Kuthia sprauch. Точно также венеціанецъ Іосифъ Барбаро, пробывшій 16 лѣтъ въ Танѣ (1436—52 г.), сообщаетъ о существованіи Готовъ въ Крыму и замѣчаетъ, что его слуга-нѣмецъ могъ объясниться съ Готомъ, какъ напр., Флорентинецъ можетъ понять жителя Фріуля. Послѣднее и наиболѣе полное извѣстіе относится къ половинѣ XVI вѣка. Бузбекъ, посолъ императора Фердинанда при турецкомъ султанѣ, встрѣтилъ въ Константинополѣ Готовъ изъ Крыма. Онъ заинтересовался ихъ языкомъ и записалъ немало словъ, а также начало пѣсни. Пѣсня попала по недоразумѣнію, такъ какъ оріенталисты признали въ ней турецкія слова; но отдѣльныя слова, записанныя Бузбекомъ, всѣ германскія. Правда, отношеніе этихъ остатковъ готскаго языка къ языку Ульфилы довольно трудно поддается выясненію, но самый фактъ, что Готы въ Крыму въ XVI вѣкѣ не потеряли своего языка, стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Въ по-

слѣдующія затѣмъ времена Готы усвоили для общежитія татарскій языкъ, какъ и другіе христіане, жившіе съ ними въ общеніи.

Столица Готовъ Доросъ или Ѳеодоро носила теперь имя Мангупъ-Кале. Одна надпись, найденная въ 1901 г., называетъ намъ имя турецкаго намѣстника, сидѣвшаго въ Мангупѣ въ 1503 году: Τζουλαβή—вѣроятно, Челеби, при которомъ была заново отстроена одна изъ городскихъ башенъ [1]). Сто лѣтъ спустя послѣ гибели князя Исайка живы были еще воспоминанія объ этомъ событіи, и ихъ занесъ въ свою ученую книгу Мартинъ Броневскій, посѣтившій Крымъ въ 1578 году. По его словамъ, 18 лѣтъ спустя послѣ взятія города Турками, онъ пострадалъ отъ страшнаго пожара, отъ котораго уцѣлѣло лишь немногое. Ворота верхняго замка испещрены были греческими надписями, и тамъ стоялъ высокій каменный домъ. Этимъ домомъ крымскіе ханы пользовались часто, какъ мѣстомъ заключенія московскихъ пословъ, когда гнѣвались на нихъ. Городъ почти безлюденъ. Въ немъ уцѣлѣли двѣ церкви, одна св. Константина, другая св. Георгія, „совершенно ничтожная“, какъ прибавляетъ Броневскій [2]). Во время д'Асколи Мангупъ оставался резиденшей кади, назначаемаго изъ Константинополя, имѣлъ очень скудное населеніе изъ Грековъ, Турокъ и Евреевъ; эти послѣдніе преобладали и занимались преимущественно выдѣлкой кожъ [3]).

Городъ Херсонъ, оскудѣвшій еще и въ прежнее время, окончательно палъ во время турецкаго господства. Мартинъ Броневскій видѣлъ въ Херсонѣ однѣ лишь „достойныя удивленія развалины“. Со стороны моря высилась еще высокая стѣна съ большими башнями изъ тесаныхъ огромныхъ камней. У самыхъ стѣнъ города видны были водопроволы и высѣченныя въ камнѣ

---

[1]) *И. И. А. К.*, вып. 3, 31—33. [2]) *Броневскій*, о. с. 343. [3]) *д'Асколи* о. с. 121.

трубы, по которымъ шла въ городъ вода за четыре мили отъ него. Недалеко отъ моря, на каменной горѣ, стоялъ монастырь св. Георгія, и окрестные христіане стекались сюда править годовой праздникъ. Дома въ предѣлахъ города лежали въ развалинахъ, большой храмъ стоялъ безъ крыши. Особо упоминаетъ Броневскій развалины большого зданія, которое онъ называетъ царскимъ дворцомъ. Въ городѣ оставался греческій монастырь [1]). Таковъ былъ цвѣтущій и славный нѣкогда городъ, который Турки называли Сару-керменъ, т. е. желтая крѣпость. Если здѣсь и оставалось еще христіанское населеніе, то митрополія прекратила свое существованіе еще въ концѣ XIV вѣка.

Неподалеку отъ Херсона высилась въ пору Броневскаго въ долинѣ нынѣшней Черной рѣчки крѣпость на скалѣ, получившая отъ Татаръ имя Инкерманъ, т. е пещерная крѣпость. Весь склонъ скалы къ долинѣ былъ покрытъ пещерами тогда уже заброшеннаго и необитаемаго монастыря. Крѣпость была тогда въ запустѣніи, и Броневскій догадывался, что она была построена греческими государями, такъ какъ на воротахъ и на нѣкоторыхъ зданіяхъ были греческія надписи и гербы. Онъ видѣлъ остатки великолѣпныхъ строеній и множество колодцевъ, изъ которыхъ лишь немногими можно было пользоваться въ ту пору. Броневскій правъ въ своихъ догадкахъ, такъ какъ, по всему вѣроятію, здѣсь имѣлъ свой выходъ къ морю князь Ѳеодорскій Алексѣй и отсюда грузилъ суда, на что жаловались въ свое время Генуэзцы.

Черезъ 60 лѣтъ послѣ Броневскаго Инкерманъ посѣтилъ русскій священникъ Іаковъ, бывшій въ Крыму съ посланникомъ Борисомъ Двоерениновымъ (1634—35 г.). По его свидѣтельству, въ Инкерманѣ жили Татары, Греки и Армяне. На полугорѣ онъ видѣлъ древнюю вырубленную въ скалѣ церковь съ росписью на стѣнахъ. Алтарь

[1]) *Броневскій,* o. c. 341—42.

былъ разрушенъ, а за лѣвымъ клиросомъ находилась каменная гробница. Надъ нею былъ изображенъ Богъ Саваоѳъ съ пророками по сторонамъ, а пониже два святые, одинъ съ мечомъ, другой съ крестомъ. Въ гробницѣ накодились обнаженныя нетлѣнныя мощи. Тайкомъ отъ Татаръ о. Яковъ вошелъ ночью въ храмъ и съ помощью русскаго плѣнника Максима Новосильцева омылъ мощи теплой водой и облекъ ихъ въ одежду. Чьи это были мощи, Якову не удалось узнать; но отъ другого плѣнника, Василія Хромого, онъ узналъ, что обнажили эти мощи Татары и нѣсколько разъ выбрасывали ихъ, но мощи чудесно появлялись опять на мѣстѣ. По пятницамъ и воскресеньямъ Греки и Армяне приходили на поклоненіе мощамъ, возжигали свѣчи и воскуряли ѳиміамъ. Яковъ хотѣлъ взять эти мощи въ Россію, но святой явился ему ночью и, открывшись, что память его бываетъ въ Симоновъ день, выразилъ желаніе остаться въ родномъ мѣстѣ [1]).

Спеціальное обслѣдованіе стѣнъ Инкермана, сдѣланное А. Л. Бертье-Делагардомъ, установило тотъ фактъ, что первоначальное укрѣпленіе было возведено въ XV вѣкѣ, а позднѣе, въ концѣ XVI или началѣ XVII вѣка, крѣпость была перестроена Турками [2]).

Такое же оскудѣніе постигло и область Сугдеи. Въ пору посѣщенія Крыма Броневскимъ была еще жива память о томъ, какъ погибло здѣсь генуэзское господство послѣ отчаяннаго сопротивленія, оказаннаго Туркамъ мѣстнымъ гарнизономъ. Стояли еще стѣны, дѣлившія склонъ горы на три замка: верхній, средній и нижній. Множество церквей города было въ развалинахъ. Въ нижнемъ замкѣ видны были три большихъ католическихъ храма, дома, стѣны, ворота и красивыя башни, украшенныя генуэзскими гербами. Въ городѣ было въ пору Броневскаго незначительное христіанское населе-

---

[1]) *З. О. О.* II 685—662. [2]) ib. XIV 180 и сл.

ГУРЗУФЪ.

ніе [1]). Сугдофулльская митрополія прекратила свое существованіе еше въ началѣ XIV вѣка. Въ 1567 году лежавшія въ ея предѣлахъ десять христіанскихъ селеній были переданы въ управленіе экзарху Іоанну, сакелларію Кафы. Документъ, сохранившій свѣдѣніе объ этомъ, сообшаетъ, что раньше того ихъ захватывали сначала готскій митрополитъ, а потомъ кафскій, владѣвшій ими два года [2]). Броневскій въ 1578 году встрѣтилъ, повидимому въ Сугдеѣ или Кафѣ, греческаго митрополита, прибывшаго съ острововъ „для осмотра церквей". Очевидно, Константинопольская патріархія имѣла здѣсь свои владѣнія или вступила въ наслѣдіе упраздненной митрополіи.

Что касается до Кафы, то въ прежнія времена она входила въ предѣлы епархіи Сугдофулльской. Особый кафскій митрополитъ, помянутый въ документѣ 1567 года, является первымъ для насъ. Возникновеніе этой митрополіи объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что городъ Кафа не потерялъ своего значенія и послѣ катастрофы, постигшей генуэзское владычество въ 1475 году.

Дортелли д'Асколи, пробывшій въ Крыму болѣе десяти лѣтъ въ началѣ XVII вѣка, оставилъ цѣлый рядъ живыхъ и непосредственныхъ сообщеній о Кафѣ того времени.—„Со стороны суши городъ окруженъ очень большими рвами, но безъ воды, такъ какъ здѣсь мѣстность то поднимается, то опускается. Стѣны, стоящія за рвами, двойныя, засыпаны землей съ многочисленными куртинами и бастіонами. Возвышающіеся близко надъ городомъ холмы густо уставлены мельницами. Въ городѣ два крѣпкихъ замка: одинъ надъ воротами въ Татарію, построенный Генуэзцами, снабженный рвами и многими крупными орудіями; онъ защищаетъ городъ съ моря; другой внѣ предмѣстья на небольшомъ холмѣ, построенъ

---

[1]) *Мартинъ Броневскій,* o. c. 346. [2]) *Sathas,* Bibl. graeca medii aevi, III 597.

Турками. Онъ не оченъ великъ, круглаго очертанія, сложенъ изъ сырцовыхъ кирпичей и одновременно обороняетъ городъ съ суши и моря... Кафа изобилуетъ мясомъ, винами, птицей, рыбой, молочными скопами и плодами, а зимой углемъ и дровами. Въ городъ черезъ ворота Татаріи ежедневно въѣзжаетъ 500, 600, 900 и до тысячи телѣгъ, а подъ вечеръ ни на одной изъ нихъ не остается ничего для продажи. Но главный источникъ богатства Кафы—море, снабжающее ее всѣми Божьими щедротами, какія можно пожелать; поэтому Кафа—очень бойкій торговый городъ, куда съѣзжаются купцы изъ Константинополя, Азіи и Персіи. Городъ населенъ Турками, Греками, Армянами и Евреями. Турки имѣютъ тамъ до 70-ти мечетей, Греки до 15 церквей и митрополита; у Армянъ до 28 церквей и епископъ, у Евреевъ двѣ синагоги, по одной на каждую народность" (очевидно, разумѣются евреи-талмудисты и караимы). Римско-католическая паства, состоявшая въ ту пору изъ невольниковъ-поляковъ и пріѣзжихъ итальянскихъ купцовъ, имѣла только одну церковь, которую Армяне выкупили у Турокъ и передали прибывшему въ городъ миссіонеру [1]).

Православнымъ митрополитомъ Кафы былъ въ ту пору Парѳеній (съ 1631 по 1642 годъ) [2]). Въ 1661 году Кафская митрополія была соединена съ Амасійской (на побережьѣ Малой Азіи) [3]); но это соединеніе удержалось не долго: въ 1678 году она была соединена съ Готской [4]), и съ тѣхъ поръ готскій митрополитъ сталъ главою всѣхъ православныхъ христіанъ въ Крыму. Изъ числа іерарховъ занимавшихъ эту каѳедру послѣ временъ св. Іоанна Готскаго, извѣстны по именамъ лишь немногіе, таковы: Константинъ, принимавшій участіе въ соборахъ 1147 и 1156 годовъ, Арсеній въ XIII вѣкѣ,

---

[1]) *д'Асколи,* о. с. 118—119. [2]) *Sathas,* о. с. I 568; 576. [3]) *Пападопуло-Керамевсъ,* Тр. Од. Арх. Съѣзда, II 178—79. [4]) *Sathas,* о. с. III 604.

при которомъ Готская архіепископія была возвышена въ рангъ митрополіи, Софроній, засѣдавшій въ патріаршемъ синодѣ въ 1292 году, Ѳеодосій и его преемникъ Антоній, участвовавшіе въ разбирательствѣ помянутаго выше дѣла относительно мѣстности Кинсанусъ въ концѣ XIV вѣка, Іоаннъ Оловолъ, занимавшій Готскую каѳедру съ 1399 по 1410 годъ, Даміанъ, при которомъ въ 1427 году былъ возстановленъ храмъ въ Партенитѣ, построенный св. Іоанномъ Готскимъ, Константій, названный въ надписи 1587 года, Анѳимъ и смѣнившій его въ 1657 году Даніилъ [1]), Гедеонъ, управлявшій Готской епархіей съ 1725 по 1769 годъ [2]), и его преемникъ Игнатій, прибывшій изъ Константинополя въ 1771 году. Русская жалованная грамота отъ 14 марта 1779 года называетъ его „митрополитомъ Готѳейскимъ и Кафайскимъ“.

То процвѣтаніе Кафы подъ татарскимъ владычествомъ, о которомъ свидѣтельствовалъ Дортелли д'Асколи, стояло въ ближайшей и непосредственной связи съ значеніемъ этого города, какъ главнаго невольничьяго рынка, поставлявшаго людей на тяжелую подневольную службу гребцовъ на галерахъ турокъ, итальянцевъ, африканскихъ берберовъ, испанцевъ. Такими же, но меньшими по значенію рынками были города: Бахчисарай, Евпаторія, Карасубазаръ. Торговля людьми на крымскомъ побережьѣ была очень давнимъ промысломъ и являлась послѣдствіемъ исконной борьбы степняка-кочевника съ осѣдлымъ землепашцемъ, о чемъ въ свое время сѣтовалъ Владиміръ Мономахъ. Но это бѣдствіе особенно усилилось въ пору татарскаго господства въ Тавридѣ и достигло наибольшаго расцвѣта въ теченіе XVI—XVII вѣковъ. Неспособное къ воспріятію культуры татарское населеніе сдѣлало главнымъ своимъ промысломъ грабежъ людей въ окраинныхъ областяхъ Московскаго царства и Польско-Литовскаго государства.

---

[1]) *З. О. О.* II 387. [2]) ib. 380.

Соперничество этихъ державъ создавало для Татаръ особенно благопріятныя условія въ ихъ промыслѣ. Михаилъ Литвинъ и Дортелли д'Асколи даютъ описаніе походовъ, которые предпринимали ханы въ этой организованной охотѣ на людей. Татары выступали изъ Крыма огромнымъ войскомъ съ большимъ числомъ запасныхъ коней. Близъ границъ сосѣдняго царства разбивался лагерь, гдѣ и оставался подъ охраной нѣсколькихъ тысячъ воиновъ главный руководитель набѣга. Остальное войско разбивалось на мелкіе отряды, которые проникали въ глубь страны, врасплохъ захватывали мирное населеніе, жгли и разоряли поселенія, грабили скотъ и уводили въ плѣнъ людей, доставляя добычу въ главный лагерь. Эти набѣги были явленіемъ постояннымъ, повторявшимся изъ годъ въ годъ, и нерѣдко въ тѣ тяжкія времена получали характеръ грознаго нашествія. Въ 1521 году Махметъ-Гирей и братъ его, царь Казанскій Саинъ-Гирей вывели изъ Московскаго государства до 800 тысячъ плѣнныхъ. Въ 1533 году крымскій ханъ Саинъ-Гирей хвалился, что онъ вывелъ изъ Московскаго государства не менѣе ста тысячъ народа. Въ 1571 году Девлетъ-Гирей сжегъ Москву и увелъ въ плѣнъ до 150 тысячъ человѣкъ. Ежегодныя поминки, которыя получали крымскіе ханы отъ московскихъ царей, не спасали окраинныхъ областей отъ набѣговъ, и ханы извлекали огромные доходы отъ продажи въ рабство нашихъ предковъ на невольничьихъ рынкахь Тавриды. Попадая въ огромномъ числѣ на службу въ галерахъ, безвѣстно кончали свою страдальческую подневольную жизнь десятки и сотни тысячъ людей. Немногимъ изъ нихъ удавалось иногда бѣжать изъ тяжкой неволи и кружнымъ путемъ, черезъ Венецію, а иногда и Римъ, вернуться на родину. Остававшіеся во множествѣ въ самомъ Крыму плѣнники работали на татаръ въ сельскомъ быту; иные достигали свободы, принимали мусульманство и объединялись съ господствующимъ населеніемъ.

Закладывая крѣпости на границахъ, обороняясь и отбиваясь отъ насильниковъ, а въ то же время и откупаясь, московское правительство было вынуждено организовать съ половины XVI вѣка выкупъ людей изъ плѣна. Такъ возникъ особый налогъ „полоняничный сборъ", который легъ новой тяжестью на сельское населеніе. Въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича опредѣляются цѣны откупа: за дворянина полагалось 20 рублей, за московскаго стрѣльца—40, за украинскаго стрѣльца и казака—25, за крестьянина—15. За знатныхъ людей, попадавшихъ въ татарскій плѣнъ, цѣны значительно выростали и достигали тысячъ и десятковъ тысячъ рублей. Появленіе казачества на Днѣпрѣ и на Дону было вызвано тяжкими условіями жизни окраинныхъ областей Московскаго и Польско-Литовскаго государсгвъ. Усваивая нравы татарскихъ сосѣдей, казаки оказывали незамѣнимыя услуги въ борьбѣ съ ихъ набѣгами, отбивали плѣнныхъ, ходили сами въ набѣги на татаръ, уводили ихъ въ плѣнъ и вели обмѣнъ людьми. Не ограничиваясь борьбой на сухопутіи, казаки оживили память старыхъ походовъ Руси на Царьградъ, дѣлали набѣги въ Крымъ съ моря, грабили и разоряли побережныя области. Въ 1657 году донскіе казаки обогнули Крымъ и вошли въ устье рѣки Альмы. Въ 1859 году они дѣлали высадки подъ Керчью, Кафой, Балаклавой, углублялись далеко отъ берега внутрь страны, брали татаръ въ плѣнъ, освобождали своихъ. Еще большую смѣлость и удаль проявляли въ такихъ же походахъ запорожцы. Подвиги храбрости въ этихъ войнахъ, бѣдствія и страданія плѣнныхъ, измѣна и переходъ иныхъ изъ нихъ въ мусульманство оставили свой слѣдъ въ южно-русскихъ народныхъ думахъ.

Русская государственность медленно надвигалась на разбойничье царство крымскихъ татаръ, и борьба Руси съ Польшей являлась тяжкимъ задерживавшимъ

успѣхъ дѣла условіемъ конечной побѣды, совершившейся при Екатеринѣ Великой [1]).

Положеніе туземныхъ христіанъ подъ господствомъ грубаго и неспособнаго къ культурѣ татарскаго населенія, жившаго набѣгами на Русь и Польшу и торговлей людьми, становилось съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе тяжкимъ. Продолжительное сожительство съ мусульманами и привилегированное положеніе послѣднихъ вели къ тому, что многіе изъ христіанъ роднились съ татарами и сами переходили въ мусульманство. Когда русская государственность властно надвинулась къ побережью Чернаго моря, явилась мысль о выселеніи христіанъ изъ Крыма и предоставленіи имъ новыхъ мѣстъ жительства. Инишаторомъ былъ, повидимому, митрополитъ Игнатій, который въ 1772 году ходатайствовалъ предъ графомъ Панинымъ о подчиненіи своей епархіи русскому св. Синоду. Но дѣло не устроилось. Митрополитъ съѣздилъ въ Петербургъ, и тамъ было рѣшено переселить крымскихъ христіанъ на новыя мѣста въ нуждавшейся въ жителяхъ Новороссіи. Армянскій архимандритъ Петръ, а также и армяно-католическій патеръ Іосифъ расположили къ переселенію своихъ соплеменниковъ.

Игнатій былъ послѣднимъ носителемъ титула Готѳейскій, и съ его времени прекратила свое существованіе Готская епархія. 23 апрѣля 1779 года, въ день Пасхи, митрополитъ Игнатій послѣ литургіи въ пещерной церкви Успенскаго монастыря близъ Бахчисарая объявилъ своей паствѣ о состоявшемся съ русскимъ правительствомъ соглашеніи, и послѣ разнаго рода затрудненій, которыя преодолѣлъ своей энергіей и распорядительностью Суворовъ, состоящій тогда при Румянцевѣ, переселеніе

[1]) *Бережковъ,* Русскіе плѣнники и невольники въ Крыму. *Труды Одесск. Арх. Съѣзда.* т. II. Одесса. 1888, стр. 342—372.

совершилось, не взирая на протестъ какъ Татаръ, такъ и самихъ христіанъ. По точнымъ современнымъ даннымъ число всѣхъ переселенцевъ было 31280 человѣкъ. Въ это число входили, впрочемъ, и Армяне, поселенные затѣмъ въ городѣ Нахичевани. Въ „вѣдомости“, представленной митрополитомъ Игнатіемъ въ 1783 году, перечислены 60 селеній и 6 городовъ, откуда вышли люди его паствы. Они покинули 54 церкви въ селеніяхъ и 22 въ городахъ (Бахчисарай, Карасу-базаръ, Старый Крымъ, Ялта, Балаклава и Козловъ, т. е. Гезлёвъ, нынѣ Евпаторія). Кромѣ того, митрополитъ поминаетъ о 20 разоренныхъ или заброшенныхъ церквахъ въ городахъ и селеніяхъ. Монастырь названъ всего одинъ—Георгіевскій близъ Балаклавы, въ которомъ было тогда всего три монаха. Общее число священниковъ во время исхода было 83 [1]). Въ спискѣ митрополита Игнатія отсутствуютъ имена городовъ: Сугдея, Мангупъ-кале, гдѣ въ XV вѣкѣ была каѳедра Готской епархіи, и Херсонъ, или турецкій Сару-карменъ. Очевидно, эти города были тогда въ полномъ запустѣніи [2]).

Свою національную святыню, явленную икону пещерной церкви въ селеніи Майрумъ близъ Бахчисарая (нынѣ Успенскій монастырь), христіане увезли не безъ затрудненій и съ большими предосторожностями, такъ какъ она пользовалась почитаніемъ и со стороны татарскаго населенія и ее пытались задержать даже на пути. Предназначенныя первоначально для поселенія мѣстности оказались не подходящими, и переселенцы были переведены на побережье Азовскаго моря. Земледѣльческое населеніе основалось въ поселкахъ, получившихъ старыя названія, принесенныя съ таврической родины, и центромъ ихъ явился городъ Маріуполь. Ар-

---

[1]) *З. О. О.* XIV 136—141. [2]) *Арс. Маркевичъ,* Къ вопросу о положеніи христіанъ въ Крыму во время татарскаго владычества. Симферополь. 1910.

мяне основали новую Нахичевань, близъ которой позднѣе возникъ городъ Ростовъ.

Покинутыя церкви стали приходить въ разрушеніе, и въ настоящее время лишь немногія изъ нихъ сохранили болѣе или менѣе цѣлый видъ. Такова церковь св. Ѳеодора Тирона въ селеніи Демерджи неподалеку отъ Алушты на пути въ Симферополь. Селеніе было занято татарами, но въ недавнее время оно было совсѣмъ покинуто вслѣдствіе обвала каменныхъ глыбъ съ высящихся надъ нимъ горныхъ высотъ. Таковы церкви въ селеніи Керменчикѣ близъ деревни Лаки. До недавняго времени существовали двѣ армянскихъ церкви въ селеніи Топлахъ, которыя были разобраны на камень мѣстнымъ землевладѣльцемъ.

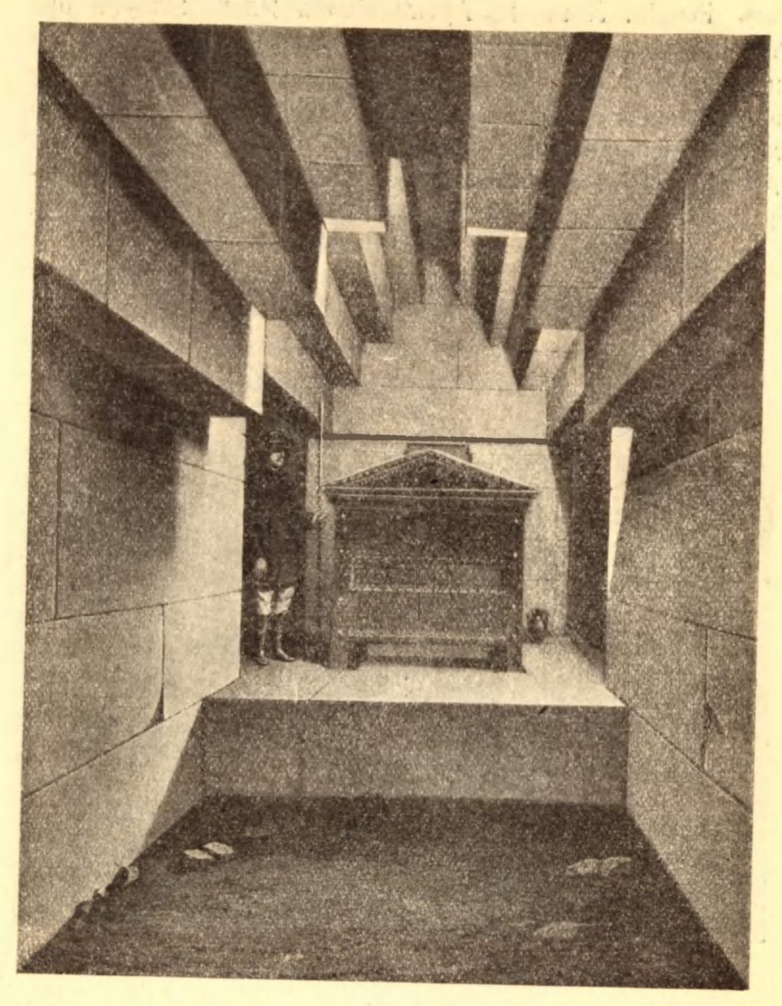
Не всѣ христіане ушли тогда изъ старыхъ насиженныхъ мѣстъ: многіе ради того, чтобы остаться, переходили въ мусульманство, и среди нынѣшняго горскаго татарскаго населенія не мало потомковъ крымскихъ готовъ, которые обличаютъ свою принадлежность къ арійской расѣ какъ своимъ типомъ, такъ и физическимъ складомъ. То греческое православное населеніе, которое живетъ въ настоящее время въ Балаклавѣ и сосѣднихъ селеніяхъ: Карань, Кадыкой, Комора и далѣе въ горахъ въ Керменчикѣ и Лакѣ, не имѣетъ ничего общаго съ туземцами старыхъ временъ. Оно происходитъ отъ греческихъ выходцевъ, которые присоединились къ Русскимъ во время экспедиціи графа Орлова-Чесменскаго въ Архипелагѣ и по окончаніи войны были поселены въ Керчи, Еникале и Таганрогѣ. Позднѣе имъ дано было порученіе усмирить Татаръ южнаго берега и предоставлены были новыя земли для поселенія.

Покинутыя христіанами въ 1779 году селенія одни запустѣли и пришли въ разрушеніе, другія заняты были туземцами-мусульманами, нѣкоторыя попали черезъ нѣсколько лѣтъ во владѣніе вышепомянутыхъ греческихъ выходцевъ, такъ называемаго Албанскаго войска, а

два—Мангушъ и Біа-сала—заселены были переселенцами изъ Россіи. Лишь въ Ауткѣ близъ Ялты живутъ потомки стараго населенія Крыма Здѣсь было поселено нѣсколько семействъ, воротившихся изъ Маріуполя по вызову графа Воронцова, чтобы заняться промысломъ ловли устрицъ. Впослѣдствіи они были приписаны къ Албанскому войску и смѣшались съ этими новыми обитателями Крыма.

Развалины церкви св. Троицы въ селеніи Лакахъ.

Склепъ въ курганѣ Юзъ-оба близъ Керчи, открытый въ 1860 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Общій обзоръ изученія крымскихъ древностей со времени присоединенія Крыма къ Россійской Державѣ.

Историческое прошлое Крыма и вещественные памятники его многовѣковой культурной жизни стали интересовать русскихъ людей съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ водворилось на этой окраинѣ русское господство. Уже князь Потемкинъ отдавалъ приказы разыскивать монеты и медали, снимать рисунки съ древнихъ надписей и сообщать разные матеріалы итальянцу Одерико, который былъ занятъ тогда большимъ трудомъ по исторіи генуэзскихъ колоній въ Крыму [1]; тотъ же Потемкинъ послалъ въ 1783 году подполковника Бальдани для провѣрки извѣстій нашей лѣтописи и снятія плана съ городища Херсона; онъ же направилъ въ Крымъ для ученыхъ изслѣдованій Габлица и снабдилъ его средствами для производства съемокъ. Когда императрица Екатерина Великая совершала въ 1787 году свое путешествіе для ознакомленія съ вновь пріобрѣтенной территоріей, въ Николаевъ была доставлена найденная въ Тамани мраморная плита съ надписью князя Глѣба отъ 1068 года. Императрица повелѣла отвезти ее назадъ и хранить на томъ мѣстѣ, гдѣ она была найдена. (Впослѣдствіи ее перевезли въ Петербургъ, и въ настоящее время она хранится въ Эрмитажѣ). Въ свитѣ императрицы состоялъ художникъ

---

[1]) Аббатъ Одерико поднесъ Екатеринѣ въ рукописи свой трудъ по исторіи генуэзскихъ колоній въ Крыму, который позднѣе (1792) появился въ печати подъ заглавіемъ: *Lettere Ligustiche.*

Ивановъ, составившій нѣсколько альбомовъ акварельныхъ рисунковъ съ разныхъ городовъ и мѣстностей, посѣщенныхъ Екатериною по пути на югъ и въ Крыму.

По вызову правительства совершилъ въ 1794 году путешествіе въ Крымъ и на Таманскій полуостровъ академикъ Палласъ, составившій ученое описаніе края, въ которомъ удѣлено серьезное вниманіе его древностямъ. Около того же времени графъ Ив. Потоцкій, человѣкъ широкаго образованія, близко и непосредственно знакомый съ древностями Италіи, предпринялъ путешествіе по южно-русскимъ степямъ до Кавказа и принялся за ученыя изысканія о древнихъ судьбахъ края [1]). Въ 1797-98 годахъ путешествовалъ по Крыму русскій инженеръ Ваксель, собиралъ монеты, надписи и древности, которыя затѣмъ издалъ подъ заглавіемъ: „Изображенія разныхъ памятниковъ древности, найденныхъ на берегахъ Чернаго моря, снятыя съ подлинниковъ въ 1797 и 1798 годахъ" (Петербургъ, 1801) [2]). Ученый митрополитъ римско-католическихъ церквей въ Россіи Сестренцевичъ-Богушъ принялся за составленіе цѣльнаго очерка историческихъ судебъ Крыма съ древнѣйшихъ временъ до присоединенія его къ Россіи и въ 1800 году издалъ свой трудъ, составленный на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: Histoire de la Tauride. Въ 1806 году это сочиненіе появилось въ русскомъ переводѣ съ посвященіемъ императору Александру I. Развалины древнихъ городовъ и зданій, монеты, надписи и вещественныя находки привлекали вниманіе образованныхъ людей, попадавшихъ въ Крымъ на службу. Таковъ былъ Сумароковъ, объѣхавшій въ 1799 году много интересныхъ въ археологическомъ отношеніи мѣстностей и оставившій свидѣ-

---

[1]) *Potocki,* Histoire primitive des peuples de la Russie. Pétersbourg. 1803. [2]) Переиздано на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Recueil de quelques antiquités, trouvées sur les bords de la mer Noire. Berlin. 1803.

тельство своего интереса къ нимъ въ сочиненіи: „Досуги крымскаго судьи“ (Москва 1800 и Петербургъ 1803—5).

Въ 1805 году было издано Высочайшее повелѣніе объ огражденіи отъ разрушенія и расхищенія памятниковъ древностей въ Крыму, и дюкъ де-Ришелье, тогдашній Херсонскій военный губернаторъ, предписалъ своимъ подчиненнымъ „имѣть наблюденіе, чтобы частными лицами, по Крыму путешествующими, не было собираемо древнихъ рѣдкостей“. Повелѣніе Александра I, очевидно, стояло въ связи съ выступленіемъ на поприще крымской археологіи Кёлера. Этотъ ученый занималъ должность библютекаря Эрмитажа и хранителя Императорскаго кабинета геммъ и медалей. Въ 1804 году онъ представилъ въ Академію Наукъ свою ученую работу: Lettres sur plusieurs médailles de la Sarmatie d'Europe et de la Chersonèse Taurique. Императоръ Александръ предоставилъ ему средства для ученаго путешествія въ Крымъ, и съ тѣхъ поръ до самой смерти (1838 г.) Кёлеръ работалъ въ области изученія крымскихъ древностей. Въ 1820 году министръ народнаго просвѣщенія князь Голицынъ, по инишіативѣ графа Капниста, передавшаго ему свои впечатлѣнія отъ путешествія по Крыму, вступилъ въ сношенія съ Академіей Наукъ о командировкѣ Кёлера съ цѣлью принятія на мѣстѣ мѣръ къ сохраненію и поддержанію уцѣлѣвшихъ памятниковъ древности. Инструкшія, выработанная тогда Академіей для ея сочлена Кёлера, заключаетъ въ себѣ перечисленіе извѣстныхъ тогда древнихъ сооруженій и памятниковъ, нуждавшихся въ охранѣ и поддержкѣ[1]). Но поѣздка не осуществилась, и отпущенныя на нее средства нашли себѣ впослѣдствіи другое назначеніе.

Первый музей древностей черноморскаго побережья возникъ въ 1806 г. въ Николаевѣ при тамошней штур-

---

[1]) *Тизенгаузенъ,* О сохраненіи и возобновленіи въ Крыму памятниковъ древности и объ изданія описанія и рисунковъ оныхъ. *З. О. О.* VIII 363—403.

манской ротѣ, а въ 1811 году былъ основанъ музей въ Ѳеодосіи по инишіативѣ тогдашняго мѣстнаго градоначальника Бронѣвскаго[1]). Предметы Николаевскаго музея поступили впослѣдствіи въ Одесскій музей. Ѳеодосійскій музей существуетъ непрерывно доселѣ.

Случайныя археологическія раскопки происходили уже въ концѣ XVIII вѣка какъ на городищѣ Ольвіи, такъ и на Таманскомъ полуостровѣ. Въ 1811 году была случайно открыта морскими офицерами богатая гробница близъ Еникале. Въ томъ же году поступилъ на службу въ Керчь французскій эмигрантъ Дюбрюксъ. Заинтересовавшись мѣстными древностями, Дюбрюксъ приступилъ къ раскопкамъ и съ 1816 года велъ ихъ по мѣрѣ имѣвшихся средствъ до самой смерти (1835). Онъ сумѣлъ заинтересовать въ этомъ дѣлѣ сначала генералъ-губернатора Ланжерона, а затѣмъ и канцлера Румянцева. Благодаря этимъ лицамъ, въ его распоряженіи оказались денежныя средства на производство работъ[2]). Въ 1818 г великій князь Михаилъ Павловичъ обозрѣвалъ побережье Чернаго моря, побывалъ на городищѣ Ольвіи, а также посѣтилъ Керчь, гдѣ осматривалъ раскопки и находки Дюбрюкса. Въ 1820 году Дюбрюксъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, представлялся великому князю и заинтересовалъ его ближе въ ходѣ своихъ работъ по изслѣдованію Керчи и окрестныхъ мѣстъ. Раскопки шли непрерывно и увѣнчались въ 1830—31 году открытіемъ великолѣпной царской гробницы въ курганѣ Куль-оба въ окрестностяхъ Керчи. Дѣятельную помощь оказывалъ Дюбрюксу Стемпковскій, состоявшій въ должности

---

[1]) Въ бумагахъ извѣстнаго ученаго и мецената того времени, Оленина, оказалась опись вещей, собранныхъ въ Ѳеодосійскій музей въ самомъ началѣ его существованія. В. В. Латышевъ издалъ ее въ XV томѣ *З. О. О.* [2]) Подлинный отчетъ Дюбрюкса о раскопкахъ 1817 и 1818 годовъ, составленный на французскомъ языкѣ, найденъ былъ въ бумагахъ Оленина и изданъ съ русскимъ переводомъ В. В. Латышевымъ тамъ-же.

керченскаго градоначальника съ 1829 по 1832 г. Бывшій офицеръ русской арміи, преслѣдовавшей Наполеона послѣ 1812 г., Стемпковскій воспользовался своимъ пребываніемъ въ Парижѣ для расширенія своего историческаго образованія и затѣмъ во время службы на югѣ Россіи приложилъ свои познанія и свой пытливый умъ къ изслѣдованію мѣстныхъ древностей. Память Стемпковскаго Дюбрюксъ увѣковѣчилъ воздвигнутой надъ его могилой на горѣ Митридата часовней.

Въ 1826 году былъ основанъ въ Керчи музей древностей, и первымъ его директоромъ былъ назначенъ Бларамбергъ. Уроженецъ Фландріи, офицеръ голландской службы, Бларамбергъ, вслѣдствіе политическихъ осложненій бурнаго времени французской революціи, переѣхалъ въ 1779 г. въ Россію; съ 1804 г. перешелъ на русскую службу, а въ 1808 году былъ переведенъ въ Одессу Въ 20-хъ годахъ онъ считался авторитетнымъ знатокомъ мѣстныхъ древностей и извѣстенъ былъ, какъ авторъ нѣсколькихъ ученыхъ работъ. По смерти Бларамберга (1831 г.) директоромъ музея былъ пазначенъ Ашикъ, остававшійся въ этомъ званіи болѣе 15 лѣтъ. Сотрудничая съ Дюбрюксомъ, а послѣ его смерти продолжая его дѣло, онъ непрерывно велъ раскопки въ окрестностяхъ Керчи и на Таманскомъ полуостровѣ. Одновременно съ Ашикомъ велъ также раскопки правитель канцеляріи Керченскаго градоначальника Карейша, въ распоряженіи котораго находился особый кредитъ, отпускавшійся изъ средствъ кабинета Его Величества. Въ 1834 г. утвержденъ былъ планъ музея въ Керчи, воспроизводившій сохранившійся въ Аѳинахъ древній храмъ Тезея [1]). Зданіе было сооружено на склонѣ горы Митридата, обращенномъ къ морю, и является доселѣ украшеніемъ пейзажа.

[1]) На сооруженіе музея было отпущено 35 тыс. руб. См. *З. О. О.* VIII 368

Живой и непосредственный интересъ къ добываемымъ изъ раскопокъ древностямъ, который проявлялъ императоръ Николай Павловичъ, былъ причиной того, что еще въ 1843 году возникла мысль соединить въ одномъ изданіи всѣ находки, сдѣланныя до той поры въ Керчи и Тамани. Осуществленіе этого плана поручено было консерватору Эрмитажа Жилю. Рисунки и таблицы заказаны были въ Парижѣ, и предпріятіе осуществилось только въ 1854 году, когда вышли въ свѣтъ два огромныхъ тома in folio подъ заглавіемъ: „Древности Босфора Киммерійскаго—Antiquités du Bosphore Cimmérien“ съ текстомъ на русскомъ и французскомъ языкахъ и великолѣпнымъ атласомъ таблицъ [1].

Эпоху въ историческомъ и археологическомъ изученіи Крыма составилъ акад. Кеппенъ своимъ трудомъ „Крымскій сборникъ“ съ археологической картой полуострова (Петербургъ 1837). Переселившись въ Крымъ по службѣ въ 1827 году, знакомый съ краемъ еще раньше по путешествію 1819 года, Кеппенъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ собиралъ свѣдѣнія о мѣстахъ древнихъ поселеній и освѣтилъ при помощи своей огромной эрудиціи исторію края. Въ 1836 году объѣхалъ Крымъ ученый французъ Дюбуа-де-Монперё и описалъ въ своемъ трудѣ „Voyage autour du Caucase“ важнѣйшія мѣстности края, интересныя въ историческомъ отношеніи Въ атласѣ, приложенномъ къ этому сочиненію, даны снимки съ многихъ развалинъ и древнихъ памятниковъ.

При управленіи новороссійскимъ краемъ князя Воронцова (съ 1823 г.) поднималась постепенно Одесса и пріобрѣтала значеніе торговаго и умственнаго центра нашего юга. По мысли Стемпковскаго и при дѣятельномъ участіи Бларамберга здѣсь возникъ въ 1826 году

[1]) Библіографическая рѣдкость этого изданія, его высокая цѣна и археологическія достоинства заключеннаго въ немъ матеріала побудили извѣстнаго французскаго археолога Ренака (Salomon Reinach) переиздать его въ меньшемъ форматѣ и съ нѣкоторыми сокращеніями въ текстѣ, а также учеными дополненіями справочнаго характера (Paris. Didot. 1892).

музей древностей, который и сталъ наполняться находками, поступавшими сюда изъ Крыма. Первымъ директоромъ музея былъ Бларамбергъ, завѣдывавшій одновременно Ѳеодосійскимъ музеемъ, а съ 1826 года также и Керченскимъ. Въ 1839 году, по инициативѣ Мурзакевича, ознакомившагося съ Крымомъ въ ученыхъ экскурсіяхъ, возникло Одесское Общество Исторіи и Древностей, которое поставило своей специальной цѣлью изученіе древностей черноморскаго побережья и историческихъ судебъ края. Съ 1844 года Общество начало издавать свои „Записки" въ видѣ отдѣльныхъ большихъ томовъ, въ которыхъ появлялось и продолжаетъ появляться множество цѣнныхъ изслѣдованій, статей, замѣтокъ, а также и матеріаловъ по исторіи и археологіи Крыма и нашего юга. Назовемъ заслуженныя имена: Мурзакевича, кн. Сибирскаго, Беккера, Бруна[1]), Бурачкова, Юргевича, украсившихъ это изданіе своими трудами, А. Л. Бертье-Делагарда и Э. Р. фонъ Штерна, являющихся самыми видными дѣятелями этого Общества въ настоящее время[2]).

Въ 1847 году возникъ въ Петербургѣ подъ предсѣдательствомъ герцога Лейхтенбергскаго кружокъ нумизматовъ и антикваріевъ, превратившійся вскорѣ въ Археологическое Общество. Спасскій, баронъ Кёне, Савельевъ, Григорьевъ разрабатывали матеріалы по нумизматикѣ нашего юга. Съ самаго своего основанія это общество обратило, такимъ образомъ, свои интересы на югъ. По его инициативѣ графъ А. С. Уваровъ, начинавшій тогда свое ученое поприще, предпринялъ въ 1848 году археологическое путешествіе на низовья Днѣпра и западную часть черноморскаго побережья отъ устья Днѣпра до устьевъ Дуная. Свои археологическія изы-

[1]) Въ концѣ жизни проф. Брунъ задумалъ издать свои работы въ цѣльномъ сборникѣ подъ общимъ заглавіемъ „Черноморье". Первый томъ вышелъ при его жизни въ 1879 году, а второй изданъ уже по смерти автора его сыномъ въ 1880 году. Это изданіе было удостоено преміи Академіей Наукъ по рецензіи акад. Васильевскаго. [2]) Въ ссылкахъ мы обозначаемъ это изданіе инициалами *З. О. О.*

сканія, раскопки и добытые предметы древности графъ Уваровъ описалъ въ изданіи: „Изслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря", два выпуска in fol. съ атласомъ рисунковъ (1851—56).

Районъ раскопокъ постепенно расширялся. Графъ Уваровъ началъ изслѣдованіе Ольвіи, кн. Сибирскій раскапывалъ курганы близъ Ѳеодосіи. Въ 1853 году, по инишіативѣ графа Перовскаго, снаряжена была экспедишія въ устье Дона на мѣсто древняго Танаиса. Туда отправился профессоръ Московскаго университета Леонтьевъ съ художникомъ Авдѣевымъ. Раскопки дали обильные результаты, и Леонтьевъ представилъ ихъ научную оцѣнку съ всестороннимъ изслѣдованіемъ историческихъ судебъ той мѣстности съ древнѣйшихъ временъ и до гибели итальянской Таны въ своемъ трудѣ, озаглавленномъ: „Археологическія разысканія на мѣстѣ древняго Танаиса и въ его окрестностяхъ" („Пропилеи", IV. 1854). Въ томъ же 1853 году графъ Уваровъ, по порученію графа Перовскаго, производилъ большія раскопки на городищѣ Херсонеса. Мѣстность Херсонеса была съ 1852 года передана въ вѣдѣніе духовнаго вѣдомства, которое, по инициативѣ архіепископа Херсонскаго и Таврическаго Иннокентія, стало интересоваться древними христіанскими святынями Крыма. 4 мая 1850 года изданъ былъ указъ Синода, по которому архіепископу Херсонскому было разрѣшено заняться возстановленіемъ древнихъ святынь. Въ силу этого указа, архіепископъ Иннокентій устроилъ на городищѣ Херсонеса общежительную киновію, и 28 февраля 1853 года была освящена первая церковь этого монастыря во имя св. Ольги.

Тяжкая для Россіи Севастопольская война прервала мирное теченіе жизни на всемъ черноморскомъ побережьѣ. Городище Херсонеса оказалось въ чертѣ осадныхъ работъ нашего непріятеля, и французы покрыли его своими баттареями и траншеями. Киновія и храмъ св. Ольги были разрушены. Союзныя войска захватили

12 мая 1855 года Керчь и оставались тамъ до конца войны. Въ ожиданіи нашествія, тогдашній директоръ Керченскаго музея Люценко постарался отослать заранѣе въ Петербургъ болѣе цѣнныя вещи, но много вазъ, громоздкихъ предметовъ и камней съ надписями осталось на мѣстѣ. Вступившіе въ городъ отряды союзныхъ войскъ, въ числѣ которыхъ были и турки, перебили и переломали все въ музеѣ, а камни съ надписями англичане увезли впослѣдствіи въ свои музеи. На горѣ Митридата англичане сами принялись за раскопки, и сдѣланныя тогда ими находки были опубликованы въ изданіи Macpherson'a: Antiquities of Kertsch (London. 1856).

Когда по окончаніи войны вновь налаживалась прежняя жизнь, и Люценко опять началъ раскопки, прежнее зданіе музея, сооруженное спешіально для него на горѣ Митридата, было оставлено, какъ слишкомъ удаленное отъ центра города и не соотвѣтствовавшее болѣе потребностямъ и съ тѣхъ поръ музей ютится въ наемномъ помѣщеніи. Въ Херсонесѣ въ 1858 году вновь возбужденъ былъ вопросъ, который поднималъ преосв. Иннокентій въ 1852 году, о сооруженіи храма на мѣстѣ, гдѣ яко бы крестился великій князь Владиміръ. Закладка храма совершилась въ присутствіи Императора Александра II-го 23 августа 1861 года. При сооруженіи этой церкви шли, по необходимости, раскопки, и находимые при нихъ предметы древности хранились въ монастырѣ. Позднѣе, съ 1876 по 1885 годъ раскопки на городищѣ Херсонеса велись подъ руководствомъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей на особый кредитъ, отпускавшійся Херсонесскому монастырю.

Въ 1859 году возникла и начала свою дѣятельность Императорская Археологическая Коммиссія, первымъ предсѣдателемъ которой былъ графъ Строгановъ Это учрежденіе стало вѣдать правительственныя раскопки на югѣ Россіи, которыя велись тогда исключительно въ районѣ Керчи и Тамани директоромъ кер-

ченскаго музея [1]). Члены Коммиссіи И. Е. Забѣлинъ и баронъ В. Г. Тизенгаузенъ каждое лѣто отправлялись сами на раскопки, расширяя ихъ районъ на всю территорію, которая принадлежала нѣкогда Скиѳамъ. Забѣлинъ велъ раскопку кургановъ въ области нижняго теченія Днѣпра, бар. Тизенгаузенъ—на устьяхъ Дона и на Таманскомъ полуостровѣ. На территоріи Крыма раскопки велись, съ большей или меньшей интенсивностью, непрерывно изъ года въ годъ. По смерти Люценка его преемниками явились послѣдовательно Веребрюсовъ, Гроссъ, Думбергъ, а съ 1901 года В. В. Шкорпилъ. На широко изрытой съ давнихъ поръ территоріи Керчи раскопки не могутъ принять систематическаго характера, но онѣ ведутся непрерывно и изъ года въ годъ даютъ новыя и подчасъ богатыя находки.

Въ 1888 году къ Коммиссіи перешло руководство раскопками на городищѣ Херсонеса. Дѣло это было возложено на К. К. Косцюшко-Валюжинича. Отдавшись всей душой своему дѣлу, Косшошко-Валюжиничъ систематически велъ раскопки изъ года въ годъ, и онѣ давали богатые результаты. По смерти его (12 декабря 1907 года) Археологическая Коммиссія нашла ему преемника въ лицѣ ученаго эллиниста Р. Х. Лепера, который продолжаетъ съ успѣхомъ дѣло своего предшественника, и Херсонесъ постепенно выходитъ на свѣтъ изъ-подъ кучъ мусора, покрывающихъ городище.

Ольвія, гдѣ въ 1848 году работалъ графъ Уваровъ, долго оставалась недоступной для научнаго изслѣдованія, какъ находящаяся въ частномъ владѣніи. Въ 1873 году здѣсь были пробныя раскопки, которыя вели по порученію Коммиссіи ея члены Забѣлинъ и бар. Тизенгаузенъ.

---

[1]) Историческій обзоръ раскопокъ на Таманскомъ полуостровѣ съ конца XVIII вѣка до 1859 года былъ изданъ московскимъ профессоромъ Герцомъ („Собраніе сочиненій, вып. 2“). Тому же автору принадлежитъ археологическая топографія Таманскаго полуострова (вып. 1).

Только въ 1901 году удалось притти къ соглашенію съ владѣльцемъ городища Ольвіи графомъ А. А. Мусинымъ-Пушкинымъ, и съ 1903 года наладились систематическія раскопки, которыя ведутся изъ года въ годъ подъ руководствомъ члена Коммиссіи Б. В. Фармаковскаго. Кромѣ этихъ трехъ главныхъ пунктовъ по разнымъ случайнымъ поводамъ раскопки велись и въ другихъ мѣстахъ Крыма, какъ то: вблизи Симферополя, въ Партенитѣ, Суукъ-су, Мангупѣ. Въ 1908 году Археологическая Коммиссія возобновила раскопки на территоріи древняго Танаиса

Со времени своего основанія Коммиссія издаетъ ежегодные „Отчеты“ о своей дѣятельности. Въ „Отчетѣ“ помѣщались свѣдѣнія о раскопкахъ и находкахъ, а въ „Приложеніи“ къ отчету каждаго года акад. Стефани, консерваторъ античнаго отдѣленія Эрмитажа, въ вѣдѣніе котораго поступали всѣ находки, давалъ обширное археологическое и художественно-историческое изслѣдованіе и изъясненіе находокъ, изображавшихся въ особыхъ атласахъ in fol. Въ такомъ видѣ велось дѣло до самой смерти Стефани (1887 г.). Къ тому времени былъ изданъ 21 томъ отчетовъ, съ 1859 по 1881 годъ, съ такимъ же числомъ атласовъ въ шесть таблицъ каждый. По смерти Стефани Отчетъ за годы съ 1882 по 1888 былъ изданъ въ одномъ томѣ, а затѣмъ стали опять выходить отчеты по годамъ. Общее руководство изданіями Коммиссіи принадлежало барону В. Г. Тизенгаузену († 1902), участвовавшему въ трудахъ Коммиссіи почти съ самаго ея основанія и до 1900 года. Въ соотвѣтствіи съ расширеніемъ задачъ археологической науки, расширился и районъ раскопокъ, измѣнился тѣмъ самымъ и характеръ Отчетовъ. Изданіе памятниковъ древности Коммиссія ведетъ теперь подъ заглавіемъ: „Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Императорскою Археологическою Коммиссіею“, которые выходятъ въ свѣтъ въ видѣ отдѣльныхъ выпусковъ. Древ-

ностямъ Крыма и юга Россіи посвящены выпуски: 6, 7, 8, 9, 12, 13, 17, 19, 23, 24, 31 (съ 1891 по 1911 г.), составленные какъ членами Коммиссіи, такъ и другими учеными, которыхъ Коммиссія привлекаетъ къ обработкѣ поступающаго къ ней матеріала изъ раскопокъ.

Съ 1901 года Археологическая Коммиссія расширила свою издательскую дѣятельность и кромѣ „Отчетовъ“ и „Матеріаловъ“ ведетъ періодическое изданіе подъ заглавіемъ: „Извѣстія Императорской Археологической Коммиссіи“ подъ редакціей товарища предсѣдателя Коммиссіи акад. Латышева. До конца 1913 года вышло 50 выпусковъ этого изданія. Въ немъ появляются подробные отчеты о раскопкахъ, изслѣдованія объ отдѣльныхъ памятникахъ и новыхъ находкахъ какъ эпиграфическихъ, такъ и вещественныхъ [1]), а также археологическая хроника и библіографія въ особыхъ „прибавленіяхъ“, которыхъ выпущено 24

Надписи, являющіяся такимъ важнымъ непосредственнымъ источникомъ нашего знанія о древнихъ судьбахъ культурной жизни нашего юга, входили въ обиходъ научнаго изслѣдованія по мѣрѣ своей публикаціи въ разныхъ изданіяхъ русскихъ и иностранныхъ. Въ 1881 году Императорское Русское Археологическое Общество возымѣло мысль сдѣлать цѣльное изданіе этого богатаго матеріала по образцу изданій этого рода Берлинской Академіи Наукъ. Задача эта нашла себѣ исполнителя въ лицѣ В. В. Латышева. Подъ заглавіемъ: Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae появился въ 1885 году первый томъ этого собранія, за которымъ послѣдовали: II—1890 и IV—1901. Здѣсь собраны эпиграфическіе тексты, провѣренные, по возможности, по подлинникамъ, съ переводомъ на русскій языкъ и обширнымъ ученымъ комментаріемъ. Научно разработанные указатели, приложенные

---

[1]) Въ ссылкахъ на это изданіе мы его обозначаемъ *И. И. А. К.*

къ отдѣльнымъ томамъ, облегчаютъ возможность пользованія этимъ богатымъ матеріаломъ и дѣлаютъ его общедоступнымъ. Въ 1896 году къ празднованію 50-лѣтняго юбилея Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества акад. Латышевъ собралъ въ одно изданіе всѣ ставшія до того времени извѣстными христіанскія надписи юга Россіи подъ заглавіемъ: „Сборникъ греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ южной Россіи“ [1]). Тому же акад. Латышеву принадлежитъ изданіе свода извѣстій древнихъ писателей о Скиѳіи и Кавказѣ подъ заглавіемъ Scythica et Caucasica (I, греческіе писатели, 1893--1900; II, латинскіе 1904—1906). Отрывки изъ древнихъ авторовъ приведены здѣсь съ русскимъ переводомъ, что дѣлаетъ этотъ цѣнный матеріалъ общедоступнымъ.

На ряду съ матеріаломъ эпиграфическимъ съ самаго начала научной разработки древнихъ судебъ Крыма огромное значеніе имѣли монеты. Помимо интереса чисто антикварнаго, монеты послужили самымъ важнымъ и во многихъ случаяхъ единственнымъ источникомъ для возстановленія исторической канвы съ точными датами для эпохъ, когда историческія свидѣтельства крайне скудны или даже вовсе отсутствуютъ. Такъ, хронологія царей Боспора установлена на основаніи монетъ, которыя они чеканили. Много почтенныхъ именъ ученыхъ можно назвать въ области разработки нумизматики греческихъ городовъ нашего юга. Таковы: Спасскій, Кёне, Григорьевъ, Юргевичъ. Всю свою долгую жизнь трудился надъ монетами Бурачковъ, составившій огромную коллекцію и издавшій на ея основаніи капитальный трудъ подъ заглавіемъ: Общій каталогъ монетъ, принадлежащихъ эллинскимъ колоніямъ, существовавшимъ въ древности на сѣверномъ берегу Чернаго моря, въ предѣлахъ нынѣшней Южной Россіи“. ч. I. 1884. Частныя

[1]) Въ ссылкахъ на эти изданія первое обозначено иниціалами: *I. P. E.*, второе —*X. н. ю. P.*

поправки и дополненія давали и продолжаютъ давать въ этой области Гиль, Подшиваловъ, а особенно А. Л. Бертье-Делагардъ и А. В. Орѣшниковъ. Въ области изученія генуэзско-татарскихъ монетъ много потрудился О. Ф Ретовскій.

Императорское Московское Археологическое Общество и руководимые имъ археологическіе съѣзды всегда удерживали Крымъ въ кругозорѣ своихъ ученыхъ работъ, и въ „Древностяхъ" Общества и „Трудахъ" съѣздовъ находили себѣ мѣсто цѣнныя изслѣдованія многихъ ученыхъ, имѣвшія непосредственное отношеніе къ крымскимъ древностямъ.

Въ 1905 году графиня П. С. Уварова предприняла въ память своего почившаго супруга ученое изданіе подъ заглавіемъ „Памятники христіанскаго Херсонеса". Въ первомъ выпускѣ подъ специальнымъ заголовкомъ: „Развалины храмовъ" проф. Айналовъ представилъ систематическое изслѣдованіе развалинъ храмовъ, раскопанныхъ доселѣ на территоріи города и въ его ближайшихъ окрестностяхъ. Третій выпускъ, вышедшій въ 1908 году, составленъ проф. С. П. Шестаковымъ и заключаетъ въ себѣ подробный анализъ историческаго матеріала за время отъ VI до X вѣка. Во второмъ проф. Лавровъ сопоставилъ памятники славянской письменности, имѣюшіе отношеніе къ исторіи Херсонеса.

Съ полнымъ признаніемъ слѣдуетъ отмѣтить въ этой связи дѣятельность крымскаго туземнаго ученаго учрежденія, а именно Таврической Ученой Архивной Коммиссіи. Въ ея составѣ съ самаго начала были члены, интересовавшіеся мѣстными древностями и обладавшіе научной подготовкой для участія въ разработкѣ матеріала. При коммиссіи возникъ небольшой музей, ростъ котораго былъ долго существенно стѣсненъ недостаткомъ помѣщенія, какимъ онъ пользовался при Губернской Земской Управѣ. Въ недавнее время земство изыскало средства на сооруженіе особаго зданія, въ которое и

былъ переведенъ музей одновременно съ празднованіемъ 25-лѣтія существованія Коммиссіи. „Извѣстія“ издаваемыя Коммиссіей съ 1887 года, заключаютъ въ себѣ много цѣнныхъ изслѣдованій по исторіи края какъ древнихъ, такъ и позднѣйшихъ временъ. Почтенный мѣстный дѣятель А. И. Маркевичъ сумѣлъ привлечь къ изданію ученыя силы, и въ настоящее время число выпусковъ Извѣстій Таврической Архивной Коммиссіи дошло до 50.

Остается помянуть объ одномъ популярномъ изданіи, авторы котораго сдѣлали попытку представить общій обзоръ древностей Россіи, начиная съ классическихъ временъ: „Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, Русскія Древности въ памятникахъ искусства“. Первые два выпуска (1889) и начало IV (1891) посвящены древностямъ нашего юга. Изданіе богато украшено снимками, воспроизводящими важнѣйшія вещественныя находки разныхъ типичныхъ предметовъ, а также монетъ, медалей, печатей и видовъ отдѣльныхъ мѣстностей.

Въ заключеніе слѣдуетъ съ большимъ признаніемъ отмѣтить капитальный трудъ англійскаго ученаго, члена Кембриджскаго университета И. Е. Миннза: Scythians and Greeks. Cambridge. 1913. Хорошо владѣя русскимъ языкомъ, много поработавъ надъ непосредственнымъ изученіемъ памятниковъ въ нашихъ музеяхъ и на мѣстахъ раскопокъ, г. Миннзъ задался цѣлью свести въ одномъ огромномъ томѣ „все, что извѣстно по археологіи, этнографіи и исторіи области отъ Карпатъ до Кавказа“, какъ онъ говоритъ въ началѣ своего „введенія“. Изучивъ всю литературу по крымскимъ древностямъ на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и др. языкахъ и вступивъ въ сношенія съ учеными всѣхъ европейскихъ странъ, имѣвшими и имѣющими отношенія къ занимавшимъ его вопросамъ, г. Миннзъ далъ великолѣпный сводъ систематизованнаго археологическаго и нумизматическаго матеріала въ ясной и полной системѣ. Начавъ съ географичес-

каго и этнографическаго обзора страны по источникамъ, онъ представилъ систематическій обзоръ археологическаго матеріала, какой дали раскопки, и закончилъ свой трудъ подробнымъ историческимъ обзоромъ судебъ отдѣльныхъ культурныхъ центровъ на основаніи всего наличнаго историческаго, археологическаго и нумизматическаго матеріала. Трудъ г. Миннза богато снабженъ картами, планами и снимками съ отдѣльныхъ предметовъ древности, включая сюда и монеты, и нѣтъ ни одного труднаго и спорнаго вопроса, который бы оказался обойденнымъ въ этомъ капитальномъ сводѣ нашего знанія о давнемъ прошломъ тѣхъ земель, гдѣ зажегъ культурную жизнь вѣчно юный геній эллиновъ.

Оглавленіе.

Карта Черноморскаго побережья
по Птолемею.

Амадоки
Амадокійскія горы
Хуны
Языги
Роксоланы
Меотида
Азіатская Сарматія
Оз. Амадока
Леинъ
Азагарій
Амадока
Саръ
Сарбакъ
Серимъ
Р. Борисоенъ
Ніоссъ
Метрополь
Ольбія
Наварь
Наваръ
Тракана
Торекады
Эркабъ
Лейанъ
Пассирида
Торпика
Р. Каркинитъ
Р. Пасіакъ
Кархина
Нов. Крѣпость
Тамирака
Агра
Оз. Вика
Р. Агаръ
Р. Герръ
Р. Вихъ
Лѣсъ Рыболовля Бога
Кримны
Агаръ
Р. Б. Ромбитъ
Р. Феофаній
Азаръ
Азаба
Р. М. Ромбитъ
Аксавитская коса
Тирамба
Авкида
Р. Аттикитъ
Геруса
Р. Псавій
Суруба
Матота
Тирагеты
Р. Тирасъ (Днѣстръ)
Арпы
Ордессъ
Р. Аксіакъ
Никоній
Офиуса
Зенонов Херсонесъ
М. Мирмикій
М. Киммерій
Таффъ
Гераклій
Тарона
Парѳеній
Ахиллей
Апатуръ
Синда
Р. Варданъ
Горы Кераксъ
Скопелъ
Парѳста
Херсонесъ
Таврическій
Киммерій
Пантикапея
Наурестъ
Нимфей
Феодосія
Синдская Гавань
Бата гавань
Ахайя
Фанагорія
Термонасса
Керкетида
Тазъ
Амасалида
Эванеія
Р. Бурка
Р. Ѳессивій
Р. Караксъ
Діоскуріада
Крѣпость Сильная
Р. Конская
Колхида
Неаполь
Зя
Фазидъ
Севастополь
Р. Фазисъ (Ріонъ)
Р. Апсоръ
Авинская крѣпость
Трапезунтъ
Носа
Хефалонесъ
Прекрасная гавань
М. Мисарида
Ахилловъ Бѣгъ
О. Левка
О. Борисѳенъ
Тамасидава
Р. Гіеразъ
Зартидава
Тира (Аккерманъ)
Оз. Ѳіагелы
Термонантъ
Гарпида
Ус. Ѳіагола
Лироборидава
Бритолаги
Сотіоенъ
Певкины
Ус. Сѣверное
Ус. Псевдостомъ
Ус. Прекрасное
Ус. Наракійское
Ус. Певка
Новіодунъ
Р. Певка
Трэсмисъ
Нухраунъ
Истръ
Птеръ
Карсъ
Томы
Аксіополь
Сукидава
Каллатія
Евпаторія
Пертакра
Тазъ
Бабатай
Гавань Символовъ
Ктенунтъ
Гавань
Лагира
Харакъ
М. Парѳеній
Херсонесъ
М. Караксъ
М. Бараній лобъ
М. Теретскій
Понтъ Эвксинскій
Одессъ (Варна)
Р. Панисъ
Месембрія
Анхіалъ
Аполлонія
Тонзу
М. Ѳиніада
Сальмидосъ
М. Филія
Перниндъ
Девальтъ
Агры
Византій
Гераклея
Амастрида
Флавіаполь
Синопа
Акисъ (Самсунъ)

54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73
43 44 45 46 47 48 49 50 51 52

Географическія имена на Картѣ Бенинказы отъ устья Дуная до устья Ріона.

San Giorgio
Solina (Сулина)
lichostoma (Килія)
fidonisi (островъ въ морѣ)
saline
falchonair
monchastro (Аккерманъ)
la Ginestra
flordelix
barbarexe
Grotte de tonnj
porto bo
Zagori (островъ въ морѣ)
erexe
magaticho
pidea
Isola rossa
G(olfo) de Nigropoli
saline
largoxida
varangito
rosofąr
trinici
saline
teti
Chalamita (Инкерманъ)
fanar (на морѣ)
Giriçonda (Херсонъ)
Zembano (Балаклава)
calojani
san todero (Ай Тодоръ)

Garçovi (Гурзуфъ)
pangropoli
Soldaya (Судакъ)
lustra (Алушта)
Scuti (Ускютъ)
meganome
callitra
pecsidema
Caffa (Ѳеодосія)
Zavida
Cipico
cavallari
Aspro miti
vospro } (Керчь)
pondico } (Керчь)
Charcavognj
Sescham
saline
chumania (Куманія)
San Gorgio
lena de Gospori
pertetti
polonixi
palastra
lo Chachi
papacomo
fiume rosso
chabardi
porto pixani
magromixi
la tana
Cassar de li rossi
Ja charia
bacinachi (Печенѣги).
far magno
far parvo
lo pexo

san Giorgio
la Cincopa
lo cicy
Chopa
C(apo) de croxe
matriga (Тамань)
mapa (Анапа)
trinici
calolimena
mauro laco
corecha
maura Zichia
fiume londia
porto de çusacho
alba Zichia
Zichia
Sanna
cavo de Cubba
costo Avogassia
Aiaço
caccari
san Soffia
C(apo) de Giro
peççonda (Пицунда)
cavo buxio
fiu(me) di Nicosia
savastopoli (древняя Діоскуріада)
p(orto) mengrello
Zichaba
Goto
corobendi
negapomo
li potimo
y. arcosia
faxio (Фазидъ, н. Ріонъ)
paliostoma
San Giorgio

ПОРТОЛАНЪ БЕНИНКАЗЫ 1474 года.

Табл. II.

КАРТА ДРЕВНИХЪ ПОСЕЛЕНІЙ НА БЕРЕГАХЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.

PONTVS EVXINVS

MAEOTIS

SAVROMATAE

IAZYGES

ROXOLANI

BASTARNAE

SARMATAE

DACIA

TYREGETAE

HARPII

GETARUM DESERTA

BRITOLAGAE

HYLAEA

SCYTHIA MINOR

MOESIA INFERIOR

THRACIA

PROPONTIS

BITHYNIA

PAPHLAGONIA

PONTVS

CHERSONESVS

TAVRICA

HYLAEVM MARE

Olbia

Odessus

Tyras

Neoptolemi turris

Cremniscos ?

Antiphilus

Psilon st.

Peuce

Calon st.

Naracium st.

Noviodunum

Troesmis

Salsoria

Istropolis

Tomi

Callatis

Carum portus

Bizone

Dionysopolis

Odessus

Mesembria

Anchialus

Apollonia, Sozopolis

Cherronesus

Auleou tichos

Thynias pr.

Salmydessus

Phrygia

Bosporus Thracius

Selymbria

Byzantium

Calchedon

Fanum Iovis Urii

Nicomedia

Proconnesus

Cyzicus

Apamea

Cius

Nicaea

Heraclea Pontica

Tium

Amastris

Cromna

Carambis pr.

Armene

Sinope

Amisus

Themiscyra

Heracleum pr.

Iasonium pr.

Polemonium

Tripolis

Cerasus

Trapezus

Amasia

Zela

Calos limen

Carcinites s.

Tamyraces

Cercinitis

Eupatorium ?

Chersonesus

Parthenium pr.

Symbolon P.

Palacium

Lampas

Neapolis

Theodosia

Cazeca

Cimmericum ?

Nymphaeum

Hermisium

Cytae

Phanagoria

Gorgippia

Sindica

Bata

Pagrae

Cerusa ?

Tanais

Alopecia i.

IXAMATAE

THATENSES ?

PSESSI ?

OBIDIACENI

SITTACENI ?

TARPETES ?

DOSCHI ?

ARRECHI

CONAPSENI

ACHAEI

ZYGI

HENIOCHI

Pityus

Dioscurias

Sebastopolis

ABASCI

Phasis

MACRONES

CHALDAEI

SYSPIRITIS

BECHIRES

КАРТА ДРЕВНИХЪ ПОСЕЛЕНІЙ НА БЕРЕГАХЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.

Табл. III.